КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ЗАНЯТІЯ
АМУРСКАГО КРАЯ
И
РАЗВИТІЯ БОЕВЫХЪ СИЛЪ
ПРИАМУРСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

Составилъ Генеральн. Штаба, Подполковникъ Рагоза.

Г. ХАБАРОВКА.
Типографія Штаба Приамурскаго военнаго округа.
1891.

Печатано по приказанію Приамурскаго Генералъ-Губернатора и Командующаго войсками Приамурскаго военнаго округа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ЗАНЯТІЯ АМУРСКАГО КРАЯ

И

РАЗВИТІЯ БОЕВЫХЪ СИЛЪ ПРИАМУРСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

ГЛАВА I.

Обзоръ событій совершившихся на р. Амурѣ съ 1643 г. по 1847 годъ.

Въ первой половинѣ XVII столѣтія - едва лишь только минуло полвѣка со времени Ермака, указавшаго намъ путь къ завоеванію Сибири - какъ мы уже видимъ появленіе русской вольницы на берегахъ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ.

На рѣкахъ Ленѣ и Удѣ появляются остроги.

И вотъ здѣсь-то, въ 1639 году, русскіе впервые узнаютъ отъ тунгусовъ о существованіи, по южную сторону горъ, большихъ рѣкъ: Джи (Зея) впадающей въ Шилькарь или Маму (Амуръ), которая, въ свою очередь, впадаетъ въ Шунгалъ или Сунгари-Ула (Сунгари) и что въ Шунгалъ вливается еще большая рѣка Амгунь, по которой живутъ тунгусы; что къ нимъ привозятъ съ Шунгала хлѣбъ и разныя матеріи и расказываютъ, будто на рѣкахъ Джи и Шилькарѣ живутъ Дауры занимающіеся хлѣбопашествомъ, что у нихъ много скота, матерій и серебра и наконецъ, что вся страна по Шилькарю, Джи и Шунгалу изобилуетъ пушными звѣрями Этихъ извѣстій было вполнѣ достаточно, чтобы двинуть нашу вольницу въ тѣ невѣдомыя и далекія страны

Дѣйствительно, по распоряженію перваго Якутскаго воеводы Головина, 15-го Іюня 1643 г., была снаряжена и отправлена туда партія изъ 132-хъ человѣкъ вольницы съ одною полуфунтовою чугунной пушкою--подъ командою казака Василія **Пояркова**. Изъ Якутска, слѣдуя по рѣкѣ Ленѣ, онъ повернулъ со своей партіей въ Алданъ и, достигнувъ устья р. Учура, направился по этой рѣкѣ и по ея притоку Гонамъ. Здѣсь застали его холода; онъ бросилъ свои лодки и съ 90 охотниками своей команды перевалилъ на лыжахъ по глубокому снѣгу черезъ Становой хребетъ и, таща за собою на салазкахъ провіантъ и оружіе, вышелъ на вершину р. Брянды. Слѣдуя по этой рѣкѣ и по рѣкѣ Джи, Поярковъ съ своею вольницею, къ веснѣ 1644 года достигъ Шилькаря, имѣя на пути по р. Джи неоднократныя стычки съ туземцами; затѣмъ онъ направился на лодкахъ внизъ по рѣкѣ Амуру, достигъ ея устья и у гиляковъ, близь Амгуни, основалъ жилье, въ которомъ остался зимовать. Построивъ зимою суда, пригодныя для морскаго плаванія, казаки, весною слѣдующаго года, собравъ съ кочевавшихъ тамъ инородцевъ ясакъ, пустились къ сѣверу, въ Охотское море, придерживаясь его береговъ, и послѣ трехъ-мѣсячнаго странствованія—непривѣтливымъ и бурнымъ моремъ были выброшены на берегъ близь устья р. Ульи, сѣвернѣе устья р. Уды.

Прозимовавъ въ этомъ мѣстѣ, Поярковъ оставилъ изъ своей команды 20 человѣкъ---для сбора ясака съ бродившихъ въ этой мѣстности тунгусовъ, а самъ, съ немногими изъ своихъ отважныхъ сподвижниковъ, перешелъ черезъ горы на верховье р. Маи, построилъ здѣсь лодки, спустился по этой рѣкѣ въ Алданъ и Лену и 12-го Іюля 1646 года прибылъ обратно въ Якутскъ.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ, отважная горсть людей прошла болѣе 7000 верстъ, потеряла три четвер-

ти своихъ товарищей и три раза зимовала въ пути. Этотъ, замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ, походъ, преисполненный невѣроятныхъ трудностей и лишеній, далъ въ результатѣ болѣе точное извѣстіе объ Амурѣ; правильнѣе—это была развѣдка невѣдомой страны, открывшая путь дальнѣйшимъ предпріятіямъ.

Расказы Пояркова о богатствѣ края и его обитателяхъ побудили Ерофея **Хабарова**—крестьянина Вологодской губерніи, снарядить, тоже изъ Якутска, вторую экспедицію на Амуръ, но уже на свой счетъ. Цѣль этого похода, подъ видомъ приведенія Дауровъ въ ясачное положеніе, вызывалась жаждой наживы и счастья въ новомъ невѣдомомъ, но богатомъ краѣ.

Выступивъ лѣтомъ 1649 года, съ 70 людьми вольницы, Хабаровъ выбралъ новый, болѣе короткій, путь: онъ поднялся по рѣкамъ Олекмѣ и Тугиру, а затѣмъ, волокомъ черезъ Становой хребетъ, спустился прямо къ берегамъ Амура по теченію р. Урки. Недружелюбный пріемъ, оказанный Хабарову со стороны туземцевъ, вынудилъ его вскорѣ вернуться обратно въ Якутскъ съ тѣмъ, чтобы, усиливъ свою партію новыми людьми, лѣтомъ слѣдующаго года, предпринять свой второй походъ.

Явившись вторично на берегахъ Амура, онъ при устьѣ р. Албазина закладываетъ городокъ (острогъ) того-же имени и, прокладывая свой дальнѣйшій путь мечемъ и огнемъ, спускается внизъ по Амуру къ устью р. Уссури и здѣсь, на мѣстѣ Ачанскаго Уллуса [1], закладываетъ новый острогъ, укрѣпляетъ его и остается зимовать.

24 Марта 1652 года, Маньчжуры, по просьбѣ разбитыхъ и ограбленныхъ туземцевъ-Дауръ, въ числѣ 2/т. человѣкъ при 8 пушкахъ, 30 фузеяхъ и 12 папардахъ [2], совершенно неожиданно появляются

(1) Уллусъ—селеніе.
(2) Орудіе изъ глины—употреблявшееся для подрыванія стѣнъ.

подъ стѣнами Ачанскаго острога и открываютъ по немъ пальбу. Послѣ цѣлаго ряда горячихъ стычекъ, съ перемѣннымъ счастьемъ, Хабаровъ дѣлаетъ отчаянную вылазку и разбиваетъ на голову Маньчжуръ, отбиваетъ у нихъ, при этомъ, двѣ пушки, значительное количество оружія, 8 знаменъ и 830 лошадей. Это первое столкновеніе нашей вольницы съ Маньчжурами должно быть отнесено къ числу самыхъ блистательныхъ побѣдъ одержанныхъ казаками на Амурѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, вся эта казачья ватага, опасаясь вторичнаго нападенія, бросаетъ острогъ и со своимъ атаманомъ во главѣ подымается вверхъ по Амуру къ устью р. Кумары, строитъ здѣсь укрѣпленный острогъ и съ нарочными людьми, отправленными отсюда въ Якутскъ, требуетъ подкрѣпленія для завоеванія Амура.

Вмѣсто ожидаемой помощи, въ слѣдующемъ году является изъ Москвы дворянинъ Зиновьевъ съ тѣмъ, чтобы возстановить порядокъ въ этой безшабашной вольницѣ и, по возможности, обратить ее къ мирнымъ занятіямъ: къ земледѣлію. Но казаки, привыкшіе къ вольной, не трудовой жизни и ходившіе на Амуръ лишь только съ цѣлью грабежа и наживѣ, встрѣчаютъ это распоряженіе съ неудовольствіемъ и ропотомъ; это неудовольствіе еще болѣе усиливается, когда Зиновьевъ беретъ съ собою въ Москву ихъ любимца атамана Хабарова (1), упрекая его въ нераспорядительности и растратѣ казны.

Этимъ, собственно говоря, и заканчивается дѣятельность на Амурѣ Хабарова, который, въ теченіи четырехъ лѣтъ полныхъ трудовъ и лишеній, подчинилъ владычеству Россіи всѣ земли Дауръ по Шилькарю вплоть до устья Уссури; кромѣ того онъ

(1) Хабаровъ за свои заслуги былъ оправданъ, пожалованъ сыномъ боярскимъ и назначенъ прикащикомъ (правителемъ) надъ селеніями по р. Ленѣ, гдѣ онъ и умеръ въ с. Хабаровкѣ, на той-же рѣкѣ, недалеко отъ Киренска,

первый, который помѣрялся съ Маньчжурами, разбилъ ихъ и тѣмъ далъ имъ почувствовать всю силу нашего оружія. Съ отъѣздомъ Хабарова—мѣсто его занялъ казакъ **Степановъ**, который, продолжая начатое дѣло завоеванія, продвинулся далѣе, къ устью р. Амгуни, выстроилъ здѣсь Косогорскій острогъ и обложилъ Гиляковъ ясакомъ. Вслѣдъ затѣмъ, съ прибытіемъ къ нему подкрѣпленія изъ Енисейска подъ командою Сотника Бекетова, явившагося новымъ, третьимъ путемъ, черезъ Забайкалье, Степановъ, сосредоточивъ главныя силы въ Кумарскомъ острогѣ, предпринимаетъ отсюда цѣлый рядъ набѣговъ по Амуру, сопровождая ихъ грабежомъ и насиліемъ. Опустошивъ окончательно берега Амура, Степановъ кидается въ глубь Маньчжуріи, входитъ нѣсколько разъ въ Сунгари и даже поднимается по ней до маньчжурскаго города Нингута, встрѣчая не разъ серьезное сопротивленіе. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ, онъ, совершенно неожиданно, натыкается на серьезныя силы противника, несетъ полное пораженіе, погибаетъ самъ во главѣ своей вольницы и губитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, плоды чуть-ли не десятилѣтней работы, обагренной кровью первыхъ піонеровъ и завоевателей Приамурскаго края.

Это было въ 1658 году.

Послѣ Степанова этотъ край поступаетъ подъ непосредственное начальство и управленіе **Пашкова**, представившаго, между прочимъ, проэктъ занятія нами Забайкалья, а потому, естественно, болѣе заинтересованнаго овладѣніемъ послѣдняго, чѣмъ Амура. Дѣйствительно, Пашковъ, слѣдуя къ мѣсту своего назначенія черезъ Забайкалье, на берегахъ р. Шилки, закладываетъ Нерчинскій острогъ, избираетъ его своимъ мѣстопребываніемъ и, озабочиваясь болѣе всего обезпеченіемъ сообщенія Нерчинска съ Иркутскомъ, вступаетъ для того въ борьбу съ кочевавшимъ на югѣ Забайкалья, довольно сильнымъ Монгольскимъ племенемъ, Бурятами.

Дѣйствія наши на Амурѣ пріостанавливаются; Приамурскій край дѣлается пристанищемъ разбойниковъ и людей подобнаго закала. Но вотъ, спустя лѣтъ семь, толпа вольницы, предводительствуемая **Черниговскимъ**, спасающимся отъ наказанія за убійство Якутскаго воеводы, снова появляется на берегахъ Амура, возобновляетъ Албазинъ, собираетъ съ окрестныхъ жителей и Дауровъ ясакъ и, посылая его въ Нерчинскъ къ Пашкову, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщаетъ о возобновленіи этого разрушеннаго острога

Ставъ твердою ногою въ Албазинѣ, Черниговскій посылаетъ внизъ по Амуру партію за партіей для возобновленія разрушенныхъ остроговъ и приведенія инородцевъ въ ясачное положеніе; отсюда-же онъ, по слѣдамъ Степанова, предпринимаетъ съ цѣлью грабежа рядъ смѣлыхъ набѣговъ и на сосѣднюю Маньчжурію. Столь быстрыя и рѣшительныя дѣйствія казачей вольницы на Амурѣ даютъ намъ возможность, къ 1681 году, возвратить не только что всѣ завоеванія, сдѣланныя Хабаровымъ и Степановымъ, но пріобрѣсти еще, кромѣ того, земли по теченію рѣкъ Уссури и даже частью Сунгари—до горъ ([1]). Въ это-же время, Московскіе приказы, вмѣсто того, чтобы озаботиться скорѣйшею высылкою надлежащей военной силы, требованной еще Якутскими воеводами, медлятъ и ограничиваются одними мало-значущими мѣрами;-край называютъ отдѣльнымъ Албазинскимъ воеводствомъ, городу Албазину даютъ особый гербъ и печать и первымъ воеводою назначаютъ Алексѣя **Толбузина**, обезсмертившаго себя въ исторіи Амура двукратной защитой этого острога и геройскою смертію въ немъ.

([1]) Главный и укрѣпленный пунктъ страны былъ Албазинъ, затѣмъ остроги по Амуру, внизъ отъ Албазина: Кумарскій, Зейскій, Косогорскій и Ачанскій; на р. Амгунѣ—Усть-Делинскій и Усть-Нимеланскій, а на р. Тугурѣ, около 100 верст. отъ ея устья—Тугурскій; кромѣ того, по р. Амуру находились земледѣльческія деревни и слободы.

Китайское-же правительство, съ своей стороны, усматривая постоянный хаосъ на Амурѣ и не предвидя конца набѣгамъ и грабежамъ въ Маньчжуріи, равно какъ, не на шутку испугавшись все возраставшаго вліянія нашего на сопредѣльныя съ нею страны, признало наконецъ себя вынужденнымъ принять рѣшительныя мѣры къ изгнанію Русскихъ съ Амура и снарядить съ этою цѣлью сильный отрядъ. Наши посты, внизъ по рѣкѣ отъ Албазина, сдѣлались первымъ предметомъ нападенія и когда всѣ они были разорены, то 10 Іюня 1685 года появился у стѣнъ Албазина непріятельскій отрядъ—силою до 15/т. при 150 полевыхъ и 50 осадныхъ орудій. Воевода Толбузинъ распорядился тотчасъ-же сжечь всѣ дома, находившіеся внѣ острога, а жителей перевести къ себѣ, собравъ, такимъ образомъ, до 450 защитниковъ при 3-хъ пушкахъ и 300 мушкетахъ; остальная-же большая часть жителей изъ окрестныхъ деревень бѣжала въ Нерчинскъ. Вскорѣ, послѣ отказа Албазинцевъ на добровольную сдачу, началась пальба съ непріятельскихъ батарей. Недостатокъ огнестрѣльнаго оружія и снарядовъ не дозволилъ Русскимъ отстоять Албазина—почему они вступили въ переговоры; непріятель согласился отпустить ихъ въ Нерчинскъ. Албазинъ былъ разоренъ, а непріятельская сила потянулась въ Айгунъ (Сахалинъ-Ула-Хотонъ)—Маньчжурскій городъ, основанный не задолго передъ симъ ниже устья Зеи, на лѣвомъ берегу р. Амура и вскорѣ-же перенесенный съ лѣваго берега на правый. Между прочимъ, во время этой осады, Албазинцы потеряли до 150 челов. плѣнными. Маньчжурскій военачальникъ предложилъ имъ на выборъ: возвратиться въ Нерчинскъ или быть отправленными въ Пекинъ; на это предложеніе 101 человѣкъ изъявили желаніе возвратиться въ Забайкалье, а 50 согласились отправиться въ Пекинъ. Первыхъ, за обнаруженный ими патріотизмъ, во главѣ со священникомъ Максимомъ Леонтьевымъ, отправили въ Пекинъ и отвели имъ особое мѣсто для

жительства, получившее названіе русской сотни, гдѣ между прочимъ, вскорѣ-же, ими была основана первая русская церковь; а послѣднихъ 50 человѣкъ, за измѣну поселили въ Манчжуріи.

Не смотря, однако, на такой дурной оборотъ нашихъ дѣлъ въ Дауріи, сосѣднее съ нею Нерчинское воеводство сдѣлало снова попытку занять Албазинъ и Приамурскій край; почему, въ 1686 году, Албазинскіе выходцы возвращаются на Амуръ и возобновляютъ разрушенный острогъ; на берегахъ Амура снова являются наши острожки и населеніе; русскіе по прежнему начинаютъ обработывать брошенныя ими поля, а инородцы вносить имъ ясакъ. Китайцы, вновь встревоженные нашимъ появленіемъ на берегахъ Амура, въ Іюлѣ 1687 г. въ числѣ 5/т. человѣкъ пѣхоты, 3/т. конницы и 40 пушекъ появляются подъ стѣнами Албазинскаго острога; казаковъ къ тому времени насчитывалось до 736 человѣкъ при 8 мѣдныхъ пушкахъ.

Осада длилась болѣе года.

Казаки, полные надежды на помощь изъ Нерчинска, стойко держались въ стѣнахъ острога, не смотря даже на то, что вслѣдствіе частыхъ вылазокъ, а въ особенности отъ развившейся среди нихъ цынги, число защитниковъ Албазина уменьшалось не по днямъ, а по часамъ; кромѣ того, къ довершенію всѣхъ бѣдствій, въ одной изъ вылазокъ, былъ убитъ пушечнымъ ядромъ храбрый воевода Толбузинъ; хотя мѣсто его и заступилъ боярскій сынъ **Бейтонъ**, стяжавшій себѣ не меньшую славу при дальнѣйшей защитѣ Албазина и принадлежавшій, подобно своему предшественнику, къ самымъ свѣтлымъ личностямъ того времени, всетаки положеніе защитниковъ отъ этого нисколько не улучшилось: оно съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ; численность гарнизона уменьшилась до 66 человѣкъ, а въ съѣстныхъ и огнестрѣльныхъ припасахъ ощущался недостатокъ. Въ это-то тяжелое время

прибытіе окольничаго Головина съ 500 казаками въ предѣлы Забайкалья для переговоровъ съ китайцами о разграниченіи земель и заключенія на этотъ предметъ особаго трактата—положило конецъ военнымъ дѣйствіямъ.

Этимъ собственно говоря и заканчивается 14 мѣсячная геройская защита Албазина или вѣрнѣе—Албазинское сидѣнье.

Въ заключеніе изложенныхъ событій будетъ вполнѣ умѣстнымъ сообщить одинъ своеобразный случай изъ этой осады, дающій нѣкоторое понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ воюющихъ сторонъ того времени: Китайцы, узнавъ о бѣдственномъ положеніи осажденныхъ, между прочимъ, предложили имъ доставить провіантъ и врачей для леченія больныхъ; на это предложеніе Бейтонъ отвѣчалъ, что во врачахъ и провіантѣ онъ не нуждается—въ доказательство чего и послалъ имъ хлѣбъ въ 32½ фунта вѣсомъ

Головинъ, вступивъ въ Забайкалье, нашелъ этотъ край не только неустроеннымъ, но и не огражденнымъ отъ безпрестанныхъ на него нападеній Монголовъ, почему вынужденъ былъ сразу употребить для этого почти всю приведенную съ собою силу. Ослабивъ себя этимъ окончательно, онъ не могъ уже заставить Китайскихъ уполномоченныхъ, явившихся съ 10/т. войскомъ, уважать свои требованія, почему, 27 Августа 1689 года, былъ вынужденъ подписать Нерчинскій договоръ, лишившій Россію всѣхъ завоеваній Хабарова, возвратить которыя, удалось лишь черезъ 150 лѣтъ.

Такъ окончилось наше первое обладаніе Амуромъ и попытка нашихъ казачьихъ партій, подкрѣпляемыхъ Правительствомъ, утвердиться въ этомъ краѣ силою оружія: попытки эти продолжались съ небольшими перемежками въ теченіи сорока лѣтъ, составляя рядъ блестящихъ подвиговъ русскихъ,

занимающихъ лучшія страницы въ исторіи завоеванія Сибири.

Затѣмъ наступаетъ длинный, полуторавѣковой промежутокъ времени—какъ-бы полнаго забвенія о Приамурскомъ краѣ, прерываемый лишь только порою, тщетными усиліями нашего Правительства—путемъ мирныхъ переговоровъ съ Китаемъ—возвратить этотъ потерянный нами край. Какъ ни велика была эта утрата, закрывъ намъ свободный доступъ къ морю, но она, все-таки, не могла остановить нашего историческаго стремленія къ морю. Наши предпріимчивые казаки и отчаянные промышленники, побуждаемые жаждою наживы, ищутъ другаго выхода въ направленіи къ сѣверо-востоку: такъ, между 1710—1720 годами, мы видимъ русскія поселенія на полуостровѣ Камчаткѣ, откуда уже постепенно занимаются Курильскіе острова, приводится въ извѣстность прибрежье Охотскаго моря, учреждается постоянное плаваніе между Камчаткою и Охотскомъ, открываются Шантарскіе острова и начинается производство на нихъ пушнаго промысла. Вслѣдъ затѣмъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, русскіе промышленники появляются въ Аляскѣ, на Алеутскихъ островахъ и достигаютъ даже сѣверной Калифорніи, гдѣ занимается ими заливъ Бодего[1]. Наконецъ, въ 1806 году, нами занимается о-въ Сахалинъ, гдѣ между прочимъ, для заявленія о занятіи его, оставляется 5 человѣкъ матросовъ, которые переходятъ на р. Тымь, живутъ тамъ осѣдло и послѣдній изъ нихъ, Василій, умираетъ въ исходѣ 1847 года.

Такимъ образомъ, къ началу XIX столѣтія, войдя на сѣверо-востокѣ въ соприкосновеніе съ океаномъ, мы устремляемъ все наше вниманіе, во первыхъ,

---

(1) На берегахъ этого залива было воздвигнуто небольшое селеніе **Росъ**—въ которое ввозились изъ Ситхи отслужившіе срокъ или неспособные къ работѣ промышленники Россійско-Американской компаніи и откуда вывозилось для компаніи мясо, огородные овощи и т. п.

на приведеніе въ порядокъ дѣлъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря, въ Камчаткѣ и сѣверо-западной Америкѣ—новыхъ владѣніяхъ нашихъ, богатыхъ пушными товарами, а во вторыхъ—на устройство сообщеній съ ними. Этотъ послѣдній вопросъ постоянно требовалъ особенныхъ заботъ Правительства; дѣйствительно: куда безъ всякой дороги, черезъ пустынные лѣса, горы и болота могли проникать ватаги отважныхъ промышленниковъ и казаковъ,—туда нельзя было безъ дорогъ провозить значительныя тяжести и проводить большое число людей, необходимое для обезпеченія Камчатки и Американскихъ владѣній. Естественно, что поэтому, прежде всего, необходимо было обратить полное вниманіе на устройство дороги изъ Якутска въ Охотскъ и изъ Охотска въ Камчатку: но всѣ труды для устройства этой дороги оказались напрасными; она могла существовать только въ видѣ тропинки и сообщеніе оставалось почти такимъ же, какъ было и при началѣ занятія прибрежьевъ Охотскаго моря. Перевозить тяжести возможно было только на вьючныхъ лошадяхъ, привычныхъ къ тѣмъ дорогамъ и притомъ въ весьма кратковременный періодъ года. Дуренъ былъ путь до Охотска, но и такого нельзя было устроить изъ Охотска въ Камчатку: громадныя пустыни, горы и тундры составляли такія непреодолимыя преграды, что намъ пришлось совершенно отказаться отъ мысли имѣть туда береговой путь.

Такимъ образомъ, весь Камчатскій полуостровъ, равно какъ и Американскія наши владѣнія, оставались отрѣзанными отъ материка и сообщеніе съ ними иначе не могло быть, какъ моремъ. Суда для этого строились въ Охотскѣ и оттуда отправлялись въ Камчатку и Америку. Охотскъ, по этому, былъ главнымъ нашимъ пунктомъ сообщеній, но, какъ портъ, онъ имѣлъ важныя неудобства, потому что

расположенъ при устьяхъ мелководныхъ и опасныхъ рѣкъ. Это обстоятельство, а также трудность пути между Якутскомъ и Охотскомъ, не смотря на труды и капиталы, употребленные на устройство сколько нибудь сносной дороги, возбудили опять всеобщее воспоминаніе о потерѣ Амура, но при этомъ тогда-же обратили вниманіе и на то, что его устье было еще совершенно не изслѣдовано и что еще неизвѣстно, доступно-ли оно для мореходныхъ судовъ.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что мысль о возвращеніи Амура никогда не покидала совершенно нашего Правительства и что Амурскій край неоднократно обращалъ на себя вниманіе, какъ правителей Сибири, такъ и частныхъ лицъ.

Преданіе говоритъ, что будто-бы еще Петръ Великій, указывая на важные для Россіи морскіе пункты—устья Невы и Дона, присоединилъ къ этому указанію и устье Амура, но при той громадной программѣ, которую задалъ себѣ Великій Преобразователь Россіи, ему трудно было исполнить всѣ свои предначертанія и Амуръ, по отдаленности своей, конечно, долженъ былъ остаться на заднемъ планѣ. Но если-бы Петру удалось, какъ онъ желалъ, судя по словамъ его, сказаннымъ за годъ до смерти, съѣздить: «въ Сибирь и потомъ дальше» «и дальше въ страну Тунгусовъ, до Китайской» «стѣны», то, вѣроятно, дѣла наши на Амурѣ приняли-бы другой оборотъ. Какъ доказательство глубокаго пониманія этимъ Монархомъ всей важности для насъ обладанія Приамурскимъ краемъ, служитъ распоряженіе его о переселеніи въ Забайкалье окольныхъ стрѣльцовъ;—этимъ онъ положилъ первый камень для нашей военной силы въ преддверіи Амурскаго бассейна. За нимъ Екатерина II въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказала важность обладанія Амуромъ: «если-бы Амуръ могъ намъ

«только служить, какъ удобный путь для продоволь-» «ствія Камчатки и вообще нашихъ владѣній на» «Охотскомъ морѣ, то и тогда обладаніе онымъ бы-» «ло-бы для насъ важнымъ.» Вотъ какое значеніе придавали Приамурскому краю,—наши Великіе Монархи!

Въ началѣ 1840 годовъ,—появленіе отважныхъ и дерзкихъ китобоевъ въ Охотскомъ, Беринговомъ и Камчатскомъ моряхъ,—успѣхи Англичанъ у Китайцевъ,—открытіе ими пяти портовъ своихъ для Европейской торговли,—возникновеніе вслѣдствіе этого торговаго движенія въ водахъ Тихаго океана и наконецъ продажа Россійско-Американскою компаніей ея владѣній въ Калифорніи—все это возбудило не мало толковъ въ нашей печати, а главное обратило серьезное вниманіе въ Бозѣ почившаго Императора Николая I.—

Николай Павловичъ,—не смотря на опасенія представленныя Его Величеству: о возможности разрыва съ Китаемъ, о неудовольствіи Европы, въ особенности Англичанъ, если мы рѣшимся дѣйствовать на р. Амурѣ съ цѣлью обладанія Приамурскимъ краемъ и, наконецъ, не смотря на убѣжденія, что дѣйствія наши не принесутъ пользы, ибо уже такими знаменитыми мореплавателями, каковы: Лаперузъ, Браутонъ и Крузенштернъ положительно доказано, что устье рѣки Амура недоступно съ моря, пожелалъ все-таки осуществить мысль своего Прапрадѣда и Бабки. Никакіе доводы Министра Иностранныхъ дѣлъ, Графа Нессельроде не могли поколебать Его воли и Онъ изволилъ приказать: «принять всѣ мѣры, чтобы паче всего удостовѣ-» «риться, могутъ-ли входить суда въ р. Амуръ; ибо» «въ этомъ и заключается весь вопросъ, важный для» «Россіи.»

Во исполненіе Высочайшей воли было предложено Россійско-Американской Компаніи снарядить

на счетъ казны судно и отправить его для изслѣдованія устья Амура. Въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца 1846 г., назначенный для этой цѣли бригъ „Константинъ“ подъ командою Подпоручика Корпуса Флотскихъ Штурмановъ **Гаврилова**—подошелъ къ устью Амура: отсюда г. Гавриловъ, поднявшись на байдарахъ вверхъ по рѣкѣ на 12 миль до гиляцкой деревни „Чныряхъ“,—но вскорѣ за недостаткомъ времени, по неимѣнію средствъ и по встрѣченнымъ имъ препятствіямъ, не добившись положительныхъ результатовъ—долженъ былъ возвратиться во свояси, что было на руку лицамъ не сочувствовавшимъ Амурскому вопросу—укрѣпивъ ихъ еще болѣе въ предвзятомъ взглядѣ. А трудность отрѣшиться отъ предубѣжденія—даже въ такихъ вопросахъ, какъ Государственные—была причиною того, что Графъ Несельроде, представляя докладъ Государю Императору о поѣздкѣ Гаврилова, между прочимъ, писалъ: «устье р. Амура оказалось недо- «ступнымъ для мореходныхъ судовъ, ибо глубина «на ономъ отъ 1½ до 3½ футъ, а Сахалинъ полу- «островъ; почему р Амуръ не имѣетъ для Россіи «никакого значенія.» На этомъ докладѣ Государь Императоръ изволилъ написать: «Весьма сожалѣю.» «Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной,» «оставить: лицъ, посылаемыхъ къ Амуру, наградить».

Правительство наше, до сего постоянно отклонявшее предложеніе Китайцевъ о разграниченіи земель, лежащихъ отъ верховьевъ р. Уди къ Востоку, до моря и оставленныхъ по Нерчинскому трактату не разграниченными, не теряло все-таки надежды утвердиться въ Приамурскомъ бассейнѣ, если по изслѣдованіямъ, устье Амура и ея лиманъ окажутся доступными для входа судовъ съ моря; оно ждало только благопріятныхъ обстоятельствъ. Но убѣдившись теперь, по донесенію Графа Несельроде, въ недоступности, какъ устья такъ и ея лимана, а также, имѣя въ виду,—какъ оказалось впослѣд-

ствіи,—ошибочное представленіе о важномъ значеніи Аяна,—затѣмъ все болѣе и болѣе распространяющееся мнѣніе о Петропавловскѣ, долженствовавшемъ быть главнымъ нашимъ портомъ на Восточномъ Океанѣ, и наконецъ, свѣдѣнія о пути академика Мидендорфа отъ Тугурской губы по южному склону Становаго хребта, а также о, будто-бы, найденныхъ имъ по этому пути, какихъ-то Китайскихъ пограничныхъ знакахъ—привело наконецъ наше правительство къ окончательному и, казалось, безповоротному рѣшенію: положить границу нашу съ Китаемъ по южному склону Хинганскаго Становаго хребта до Охотскаго моря къ Тугурской губѣ и отдать, такимъ образомъ, навсегда Китаю весь Амурскій, бассейнъ, какъ безполезный для Россіи—по недоступности для мореходныхъ судовъ устья р. Амура и по неимѣнію на его прибрежьѣ гавани. Все-же вниманіе обратить на Аянъ, какъ на самый удобный портъ въ Охотскомъ морѣ и на Петропавловскъ, который долженъ быть главнымъ и укрѣпленнымъ портомъ нашимъ въ Восточномъ океанѣ.

Назначеніе въ 1847 году Генераломъ-Губернаторомъ Восточной Сибири энергичнаго и необыкновенно дѣятельнаго **Н. Н. Муравьева**, впослѣдствіи Графа Амурскаго, а въ особенности, возгорѣвшаяся Восточная война—отклонили правительство отъ такого ошибочнаго рѣшенія, подвинули Амурскій вопросъ къ окончанію и дали наконецъ намъ возможность занять на отдаленномъ Востокѣ то положеніе, которое надлежало намъ по праву и было обагрено кровью нашей отважной вольницы.

ГЛАВА II.

Дѣятельность Адмирала Невельскаго.

Договоры, заключенные Китаемъ съ Англіей, Франціей и Сѣверо-Американскими Штатами, выведя Небесную Имперію изъ той замкнутости, въ которой она пребывала тысячелѣтіями, доставили означеннымъ державамъ такой доступъ къ ней, что слѣдовало ожидать постепенно сокращенія, а затѣмъ совершеннаго отстраненія Россіи отъ всякой торговли съ Китаемъ; Муравьевъ, предвидя это, настоялъ, чтобы Кяхтинскій мѣновой торгъ былъ разрѣшенъ на новыхъ началахъ свободной торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, доказалъ, что боязнь подорвать Кяхтинскую торговлю возбужденіемъ амурскаго вопроса, лишена всякаго основанія и служитъ, лишь только, предлогомъ для оправданія бездѣйствія нашего по отношенію къ прибрежью Восточнаго Океана и къ теченію рѣки Амура.

Муравьевъ первый указалъ, что вопросъ о пріобрѣтеніи всего теченія р. Амура можетъ быть съ успѣхомъ поднятъ только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будутъ не только ключи отъ входа въ эту область, но и отъ выхода изъ нея, т. е. когда мы, владѣя истоками Амура, станемъ твердою ногою на Восточномъ прибрежьѣ, примыкающемъ къ устью этой рѣки и не составлявшемъ въ то время ничьей собственности. Такимъ образомъ, взявшись за это дѣло, одновременно, такъ сказать съ двухъ концовъ, т. е. съ одной стороны, разрѣшая запутанный и обветшалый вопросъ Кяхтинскаго торга, а съ другой стороны, водружая Русское знамя на устьѣ Амура, онъ подготовлялъ небывалое въ Исторіи

событіе—пріобрѣтенія, или вѣрнѣе возвращенія отечеству, безъ выстрѣла—мирнымъ путемъ—нѣкогда принадлежавшей намъ обширной Области съ судоходными рѣками и превосходными гаванями.

Разрѣшеніе столь трудной задачи требовало и достойныхъ сподвижниковъ. Таковыми явилась—слабая, но полная отваги и рѣшимости горсть нашихъ моряковъ, предводительствуемая Капитанъ-Лейтенантомъ **Невельскимъ**, въ которомъ Муравьевъ и нашелъ себѣ незамѣнимаго помощника. Геннадій Ивановичъ Невельской, завзятый и опытный морякъ, для котораго рѣка Амуръ и восточное побережье Сибири всегда составляли завѣтную мечту, въ походѣ 1847 г. былъ назначенъ командиромъ военнаго транспорта „Байкалъ", предназначеннаго на службу въ Охотскъ и отправлявшагося, между прочимъ, туда съ различными запасами и матеріалами для нашихъ Сибирскихъ портовъ; теперь, когда Невельскому представлялась только тѣнь возможности осуществить свою давнишнюю мечту, онъ съ лихорадочною дѣятельностью сталъ готовиться къ отплытію транспорта, писалъ, въ то же время, письмо къ Генералъ-Губернатору Сибири Муравьеву, всѣми мѣрами старался поднять въ Петербургѣ давно уже погребенный Амурскій вопросъ и въ заключеніе, просилъ разрѣшенія воспользоваться остаткомъ времени для изслѣдованія лимана и устья Амура, просилъ какъ милости себѣ, новыхъ трудовъ, борьбы съ природою и массы лишеній въ невѣдомомъ краю.

Послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ усилій, получивъ разрѣшеніе только осмотрѣть юго-восточный берегъ Охотскаго моря—между тѣми мѣстами, которыя были опредѣлены или усмотрѣны прежними мореплавателями,—Невельской, 21-го Августа 1848 г., вышелъ изъ Кронштата съ 6-ю офицерами и 30 чел. команды. 12 Мая 1849 года, черезъ 8 мѣсяцевъ и 23 дня, транспортъ Байкалъ бросилъ якорь въ Петропавловской гавани.

Сдавъ къ 30 Маю грузъ и не получая прямаго повелѣнія идти къ описи береговъ, признававшихся Китайскими, а получивъ лишь только копію съ инструкціи на эту опись, представленную Муравьевымъ черезъ Начальника Главнаго Морскаго Штаба Князя Меньщикова на Высочайшее утвержденіе, Невельской, дабы не терять времени и сознавая всю важность этихъ изслѣдованій, рѣшился идти изъ Петропавловска прямо къ Сахалину и въ Амурскій лиманъ уже на свой страхъ.

Послѣ трехъмѣсячнаго плаванія у береговъ Сахалина и въ Амурскомъ лиманѣ, преисполненнаго невѣроятныхъ трудностей и великихъ опасностей, транспортъ Байкалъ 3-го Сентября подошелъ къ Аянскому порту; Муравьевъ, находившійся въ Аянѣ на возвратномъ пути изъ Петропавловска, со всей своей свитой вышелъ на катерѣ на встрѣчу „Байкалу“ съ котораго Капитанъ Невельской въ рупоръ встрѣтилъ его словами: «**Сахалинъ островъ, входъ въ**» «**лиманъ и р. Амуръ возможенъ для мореходныхъ су-**» «**довъ съ сѣвера и юга. Вѣковое заблужденіе положи-**» «**тельно разсѣяно, истина обнаружилась; доношу объ**» «**этомъ Его Свѣтлости для представленія Государю, а**» «**нынѣ Вашему Превосходительству**

Такимъ образомъ сдѣланное открытіе доказало важное значеніе р. Амура, какъ артеріи, связующей съ Океаномъ Восточную Сибирь, считавшуюся до этого отрѣзанною отъ него тундрами, горами и огромными пустынными пространствами; какъ ни велико было это открытіе, но ему не повѣрили въ Петербургѣ. По обсужденіи результатовъ дѣятельности Капитана Невельскаго—Государь Императоръ изволилъ Высочайше повелѣть: основать въ заливѣ Счастья, т. е. у входа въ Амурскій лиманъ, но отнюдь не въ лиманѣ, а тѣмъ болѣе не на р. Амурѣ—зимовье; исполненіе этого повелѣнія на мѣстѣ и избраніе мѣста для зимовья, съ охраненіемъ его командою изъ матросовъ и казаковъ, поручить

произведенному тогда-же въ Капитаны 1-го ранга Невельскому, котораго командировать для этой цѣли въ распоряженіе Генералъ-Губернатора и, кромѣ того, изъ зимовья этого Россійско-Американской компаніи производить расторжку съ Гиляками. Такъ выразилась первая готовность Правительства содѣйствовать упроченію дѣлъ Россійско-Американской компаніи въ направленіи ея дѣйствій не только въ смыслѣ торговомъ, но и въ обще-правительственныхъ видахъ.

29 Іюня 1850 года, во исполненіи этого Высочайшаго повелѣнія, въ сѣверной части залива „Счастье“ ([1]), на узкомъ, песчаномъ, далеко выдающемся въ морѣ мысѣ, близь гиляцкой деревни Искай—было заложено зимовье, получившее названіе Петровскаго и ставшее опорнымъ пунктомъ вновь предполагавшихся дѣйствій нашихъ на Амурѣ. Въ этомъ зимовьѣ первоначально было всего только 25 человѣкъ команды при прапорщикѣ корпуса флотскихъ штурмановъ Орловѣ, состоявшемъ на службѣ Россійско-Американской компаніи. Вновь заложенное зимовье—далеко не удовлетворяло тѣмъ широкимъ взглядамъ Генералъ-Губернатора Муравьева, которые онъ имѣлъ на Амурскій вопросъ: оно, тѣмъ болѣе, не могло удовлетворить и его ближайшаго сподвижника—смѣлаго, рѣшительнаго Капитана Невельскаго—горячо преданнаго Амурскому дѣлу и явившагося сюда дѣйствовать какъ-бы съ готовымъ, уже заранѣе составленнымъ, планомъ. Оно и понятно—оставаясь въ Петровскомъ:—во первыхъ не возможно было слѣдить за устьемъ р. Амура, за южною частью ея лимана и за прибрежьемъ Приамурскаго края, а во вторыхъ, прежде чѣмъ представилась-бы возможность достигнуть изъ Петровска этихъ мѣстъ, иностранцы, пришедшіе на судахъ съ юга, могли-бы утвердиться въ нихъ. Кромѣ того,

---

([1]) На юго-восточной части Охотскаго побережья близь Амурскаго лимана, гдѣ нынѣ нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ его существованія.

постоянное занятіе залива Счастія, намъ было безполезно еще и въ томъ отношеніи, что заливъ этотъ, подобно Охотску, Аяну и вообще всѣмъ заливамъ Охотскаго моря, до исхода Іюня бываетъ затертъ льдами и суда въ заливѣ Счастья, подобно какъ и въ упомянутыхъ заливахъ, безъ вытаски на берегъ зимовать не могутъ, а слѣдовательно въ этомъ заливѣ и не могло быть порта.

По вышеизложеннымъ причинамъ, Невельской, не смотря на тяжкую отвѣтственность, единственно по своему усмотрѣнію и на свой страхъ, съ 6 человѣками вооруженныхъ матросовъ, на шлюпкѣ вооруженной одно-фунтовымъ фальконетомъ, отправился изъ Петровска по сѣверному каналу лимана въ рѣку Амуръ. 1-го Августа 1850 года, достигнувъ мыса Куегда, приблизительно въ 140 верстахъ отъ Петровскаго зимовья, Невельской помолясь Господу Богу въ присутствіи собравшихся изъ окрестныхъ деревенъ гиляковъ и при салютѣ изъ фальконета и ружей, **подняль Русскій военный флагъ** и назвалъ этотъ первый постъ на Амурѣ **Николаевскимъ** ([1]); кромѣ того, отъ имени Россійскаго Правительства, объявилъ туземцамъ, маньчжурамъ и иностраннымъ судамъ, бывшимъ тогда близь лимана р. Амуръ, что этотъ край Россія всегда признавала своей принадлежностью и тѣмъ, отстранивъ всякое на устье р. Амура постороннее покушеніе, сдѣлалъ первый, твердый и безповоротный шагъ къ признанію Приамурскаго края Русскимъ.

Здѣсь не безъинтересно вспомнить, что ровно 200 лѣтъ тому назадъ положено было основаніе Албазину,—первому опорному пункту въ верховьяхъ Амура, откуда было предпринято нашей казачьей вольницей завоеваніе всего Приамурскаго края, такъ печально окончившееся Нерчинскимъ договоромъ: и вотъ, спу-

([1]) Нынѣ это городъ того-же имени.

стя 160 лѣтъ, послѣ потери нами этого края, снова воздвигается опорный пунктъ, но на этотъ разъ уже на устьѣ Амура, откуда тихимъ, мирнымъ путемъ возвращается эта утрата. Замѣчательно еще то, что, какъ первоначальное завоеванie, такъ и возвращенie нами этого края, было предпринято въ обоихъ случаяхъ слабою горстью отважныхъ и смѣлыхъ людей подъ командою энергичныхъ, рѣшительныхъ начальниковъ, взявшихся за дѣло по своей охотѣ, по своему личному почину, на свой собственный страхъ; разница только въ томъ, что первые завоеватели этого края были побуждаемы жаждою наживы и счастья въ новомъ невѣдомомъ краю, а лица возвратившія намъ его были руководимы чувствомъ глубокой любви и преданности къ Царю и пользѣ отечества.

Донесенie Невельскаго, между прочимъ, лично прибывшаго въ Петербургъ, о занятiи имъ устья р. Амура, было передано на разсмотрѣнie особаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ графа Несельроде ([1]), большинство членовъ котораго признавало дѣйствiя Невельскаго въ высшей степени дерзкими и требующими строжайшаго наказанiя, такъ какъ они были противны Высочайшей волѣ и кромѣ того, могли имѣть вредное влiянie на дружескiя отношенiя наши съ Китаемъ и на выгодную для насъ кяхтинскую торговлю. Въ виду этихъ соображенiй, комитетъ положилъ: Николаевскiй постъ снять, а расторжку съ гиляками по прежнему производить изъ Петровскаго зимовья, отнюдь не касаясь р. Амура, ея бассейна, Сахалина и береговъ Татарскаго пролива. Послѣ этого постановленiя, Генералъ-Губернаторъ Муравьевъ немедленно составилъ для Государя подробную записку о дѣйствiяхъ Невельскаго на Амурѣ, которую онъ имѣлъ счастie лично вручить Его Величеству. Послѣ этой аудiенцiи, состоявшейся въ при-

([1]) Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.

сутствіи Цесаревича, Государь повелѣлъ разсмотрѣть записку Муравьева въ новомъ комитетѣ, но уже не подъ предсѣдательствомъ Графа Несельроде, а подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Престола; при этомъ, Его Величество изволилъ поступокъ Невельскаго найти молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ, а на представленное Ему рѣшеніе Комитета произнесъ высокознаменательныя слова ([1]): **«Гдѣ разъ поднятъ Русскій флагъ,» «онъ уже спускаться не долженъ.»**

12 Февраля 1851 года состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета подъ Предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича коимъ повелѣвалось:

1.) Николаевскій постъ оставить въ видѣ лавки Россійско-Американской компаніи.

2.) Никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать и отнюдь никакихъ мѣстъ не занимать.

3.) Учредить Амурскую торговую экспедицію подъ начальствомъ Капитана 1-го ранга Невельскаго въ составѣ 60 челов. матросовъ и казаковъ, при двухъ офицерахъ и докторѣ.

4.) Экспедиціи этой состоять подъ главнымъ распоряженіемъ Генералъ-Губернатора Восточной Сибири.

и 5.) Увѣдомить вмѣстѣ съ тѣмъ Китайское Правительство, что мы принимаемъ на себя наблюденіе за устьемъ рѣки Амура.

Таковы были распоряженія высшаго Правительства не дававшіе, какъ и въ первомъ случаѣ, ни правъ, ни средствъ принимать какія либо мѣры къ надлежащему нашему водворенію въ этомъ краѣ.

([1]) Слова эти и до сихъ поръ не забыты на Амурѣ, передаваясь изъ устъ въ уста, какъ дорогое и священное преданіе.

Посмотримъ что-же сдѣлала эта слабая горсть людей, носящая названіе Амурской торговой экспедиціи и заброшенная въ дикую пустыню на устье Амура.

Она въ теченіи трехъ лѣтъ съ 1851 года по 54-г., при ничтожествѣ средствъ, съ каковыми была снаряжена и не смотря на тяжкую отвѣтственность, единственно по своему усмотрѣнію, дала этой ничтожной торговой экспедиціи важное Государственное направленіе. Дѣйствительно, наши морскіе офицеры, принимавшіе разновременнно участіе въ этой экспедиціи при несоотвѣтствіи данныхъ инструкцій, не смотря на огромную отвѣтственность, труды, опасности и лишенія—единственно по своему личному почину, изслѣдовали ([1]) направленіе Хинганскаго хребта отъ верховьевъ рѣки Уди и восточной части рѣки Амура, и положительно доказали неправильность понятія о направленіи нами границы съ Китаемъ въ этихъ мѣстахъ, и обнаружили, что Приамурскій и Приуссурійскій края должны составлять принадлежность не Китая, а Россіи. ([2])

Они, не смотря на полное ничтожество матеріальныхъ средствъ, не стѣсняясь временемъ и разстояніями, изслѣдовали ([3]) въ главныхъ частяхъ о-въ Сахалинъ, открыли на немъ залежи каменнаго угля и, собравъ положительные факты доказывающіе право обладанія нами этимъ островомъ, (потому что онъ составляетъ неотъемлемое дополненіе амурскаго бассейна) по своему усмотрѣнію, не имѣя еще на то

([1]) Мичманъ **Чихачевъ**, прапорщикъ Корпуса Штурмановъ Орловъ, Лейтенантъ **Бошнякъ**, приказчикъ р. а. компаніи Березинъ и Мичманъ Петровъ.

([2]) То-же самое подтвердилось и Экспедиціей Генеральнаго Штаба Полковника Агте.—въ 1852 г.

([3]) Лейтенанты **Бошнякъ** и **Рудановскій**, прапорщики—Орловъ и Воронинъ и приказчикъ р. а. компаніи Самаринъ.

повелѣнія, заняли его военными постами ([1]) и тѣмъ положили твердое основаніе для присоединенія къ Имперіи.

Они, не смотря на ничтожество морскихъ средствъ передвиженія ([2]), съ неимовѣрными лишеніями, подвергая не рѣдко свою жизнь опасности, возбудили и разрѣшили важнѣйшій тамъ морской вопросъ, обусловливавшій важное значеніе для Россіи этого края.

Они изслѣдовали прибрежье Татарскаго пролива до 49° сѣверной широты, пытались ([3]) неоднократно, но къ сожалѣнію за скудостью средствъ неудачно, опредѣлить направленіе и состояніе главныхъ фарватеровъ Амурскаго лимана, открыли ([4]) по близости къ рѣкѣ Амуру заливъ де-Кастри, (Нангъ-гмаръ) представляющій ближайшій рейдъ съ юга къ Амурскому лиману: открыли ([5]) въ 49° сѣверной широты превосходнѣйшую гавань Императора Николая I (Хаджи), составляющую центральную гавань между корейской границей и амурскимъ лиманомъ: изслѣдовали пути, ведущіе, какъ изъ этой послѣдней гавани, такъ и изъ залива де-Кастри на р. Амуръ, и собрали наконецъ положительныя данныя о существованіи—почти круглый годъ—открытыхъ мѣстъ для навигаціи по прибрежью Татарскаго залива, близъ корейской границы съ путями на р. Уссури.

([1]) 30 Августа—53 г., Прапорщикъ Орловъ на устьѣ р. Кусунай—поставилъ Ильинскій постъ изъ 5 человѣкъ; 22 Сентября—53 г., Капитанъ Невельской въ заливѣ Тамара-анива—поставилъ Муравьевскій постъ изъ 86 человѣкъ при 8 орудіяхъ подъ начальствомъ Маіора Буссе.

([2]) Къ веснѣ—52 г. въ распоряженіи экспедиціи находились: 5-весельный вельботъ, четверка, 2 гиляцкихъ лодки и одна трехъ-лючная байдарка. Почему Невельской вынужденъ былъ приступить къ постройкѣ судовъ собственными средствами; 14 Апрѣля—52 г. имъ былъ заложенъ въ Петровскомъ палубный ботикъ 29 ф. длины и 7 ф. ширины и кромѣ того еще 6-весельный барказъ; этимъ было положено начало судостроенія въ краѣ.

([3]) Прапорщики: **Орловъ** и **Воронинъ** и Мичманъ **Разградскій**.

([4]) Въ 1783 г. Французскій мореплаватель Лаперузъ, а въ 1852 г. Мичманъ **Чихачевъ**, приказчикъ р. а. компаніи Березинъ и Топографъ Поповъ.

([5]) **Лейтенантъ Бошнякъ**.

Всѣмъ этимъ они положительно доказали, что обладаніе однимъ лѣвымъ берегомъ рѣки Амура безъ Уссурійскаго бассейна, съ его прибрежьями, не представляетъ возможности утвержденія надлежащаго политическаго значенія за Россіей на отдаленномъ ея Востокѣ и въ виду проявлявшагося уже тогда иностраннаго покушенія на эти прибрежья (1), единственно по своему усмотрѣнію, подъ личною тяжкою отвѣтственностью, рѣшились занять постами на рѣкѣ Амурѣ—селеніе Кизи (2) (постъ Маріинскій); заливъ де-Кастри (3) (постъ Александровскій) и Императорскую гавань (4) (постъ Константиновскій); кромѣ того, объявляли отъ имени Русскаго Правительства всѣмъ появлявшимся у этихъ береговъ иностраннымъ судамъ, что прибрежья Татарскаго залива до корейской границы съ островомъ Сахалиномъ составляютъ Россійскія владѣнія.

Они, справедливымъ и глубокимъ вниманіемъ къ кореннымъ обычаямъ инородцевъ, изученіемъ ихъ образа жизни, потребностей и отношеній, устраненіемъ различныхъ столкновеній между туземцами, не смотря на ничтожную численность по сравненію съ окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ чуждыми племенами—распространили въ этомъ краю свое вліяніе въ такой степени, что Генералъ-Губернаторъ при первомъ своемъ посѣщеніи нашелъ эту

(1) Въ началѣ—50 годовъ—Англичане, подъ предлогомъ отысканія Капитана Франклина съ его несчастными спутниками, то и дѣло, что снаряжали къ нашимъ сѣверо-восточнымъ прибрежьямъ морскія экспедиціи, которыя заходили въ Татарскій проливъ, дѣлали тамъ промѣры, вообще, какъ говорится, прицѣливались къ этимъ мѣстамъ. Кромѣ Англичанъ явились на этомъ поприщѣ еще и Сѣверо-Американцы, снарядившіе двѣ экспедиціи: одну съ цѣлью установленія политическихъ и торговыхъ связей съ Японіей, а другую ученую для обозрѣнія береговъ Тихаго Океана, до Берингова пролива,

(2) 4 Марта—53 г., приказчикъ р. а Компаніи Березинъ основался въ с. Котово, (около Кизи) которое вскорѣ было подкрѣплено 6-ю человѣками матросовъ и названо Маріинскимъ постомъ.

(3) 4 Марта—53 г. Лейтенантъ Бошнякъ въ заливѣ де-Кастри поставилъ Александровскій постъ изъ трехъ человѣкъ казаковъ—усиленный вскорѣ до 7 человѣкъ.

(4) 6 Августа—53 г., капитанъ Невельской въ Императорской гавани поставилъ Константиновскій постъ изъ 8 чел. при урядникѣ.

страну, какъ-бы давно принадлежавшую Россіи [1]; кромѣ того, они первые, еще до прибытія священника [2] въ экспедицію, положили начало обращенія язычниковъ въ православную вѣру [3]. Наконецъ, утвердившись въ главныхъ пунктахъ амурскаго бассейна, пріобрѣли въ немъ господствующее вліяніе и приготовили надежный и безопасный пріютъ нашимъ судамъ и ихъ экипажамъ въ самую критическую для нихъ минуту, а понудивъ непріятеля блокировать прибрежья края, заставили его этимъ заявить передъ Европою, что приамурскій и приуссурійскій бассейны принадлежатъ не Китаю, а Россіи [4]. При этомъ нельзя умолчать и не отдать должной справедливости тѣмъ женщинамъ, которыя добровольно и бодро раздѣляли труды, лишенія и опасности несвойственныя ихъ полу, поддерживая въ чинахъ экспедиціи духъ покорности и рѣдкаго терпѣнія. Имена Г-жъ: Невельской, Орловой и Бачмановой, въ особенности первой, занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи этого края.

Такова была дѣятельность нашихъ моряковъ заброшенныхъ на эту далекую окраину. Дѣятельность эта—хотя и была направлена на пользу и славу Россіи, но въ силу мѣстныхъ условій—шла по пути далеко несогласному съ полученными инструкціями, идя порою даже въ разрѣзъ Правительственнаго взгляда. Капитанъ Невельской, сознавая, что на измѣненіе данныхъ инструкцій въ Петербургѣ потребуется очень много времени, даже въ томъ

(1) Генералъ-Губернаторъ доносилъ: «не доходя около 900 верстъ до устья р. Амура, флотилія вступила въ край, какъ-бы давно принадлежащій Россіи».

(2) Отецъ Гавріилъ Веніаминовъ сынъ епископа Камчатскаго—Иннокентія впослѣдствіи Митрополита Московскаго—прибылъ 9 Августа—53 г.; церковь въ с. Петровскомъ была сооружена въ томъ-же году и первое Богослуженіе было совершено въ первый день Рождества.

(3) Первое крещеніе гиляковъ началось въ—52 году: крестилъ докторъ Орловъ.

(4) Дѣйствительно, сосредоточіемъ нашихъ судовъ на устье Амура въ 1854 и 55 годахъ, мы вынудили Англо-французовъ въ 1855 году блокировать берега Татарскаго пролива, какъ берега непріятельскіе, т. е. наши ибо только мы и были тогда ихъ непріятелями.

случаѣ, если на это послѣдуетъ согласіе, между прочимъ, въ донесеніи своемъ Генералъ-Губернатору, отъ 15 Апрѣля 1852 г., пишетъ: «мнѣ предстояло и» «нынѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или, дѣйствуя» «согласно инструкціямъ, потерять навсегда для Рос-» «сіи столь важные края, какъ Приамурскій и При-» «уссурійскій, или-же дѣйствовать самостоятельно,» «приноравливаясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ» «и несогласно съ данными мнѣ инструкціями.—Я» «избралъ послѣднее». Благодаря рыцарскому взгляду Императора Николая I, признавшаго поступки Невельскаго благородными и патріотическими, дѣятельность его удостоилась Высочайшаго одобренія; мало того, ближайшимъ послѣдствіемъ этого было: Высочайшее утвержденіе штатовъ Амурской экспедиціи([1]), ставшей засимъ уже исключительно Правительственною; предоставленіе Россійско-Американской компаніи права занять островъ Сахалинъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ она владѣла другими землями; утвержденіе занятыхъ Невельскимъ постовъ и приказаніе написать Китайскому Правительству приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ для разграниченія пространства до моря, остававшагося по Нерчинскому трактату до сего не разграниченнымъ. Сдѣлавъ означенныя распоряженія, Государь, указывая на карту и въ особенности на устье Амура сказалъ Муравьеву ([2]):

—«*Все это хорошо, но Я вѣдь долженъ посылать защищать это изъ Кронштата.*»

—„Можно и ближе, Ваше Величество",—отвѣтилъ Муравьевъ, указывая на теченіе Амура. Государь, съ улыбкой положилъ свою державную руку Муравьеву на голову и сказалъ:

([1]) Согласно штата, составъ экспедиціи опредѣлялся слѣдующій: Начальникъ направахъ Губернатора; рота флотскихъ нижнихъ чиновъ въ 240 челов. при 8 офицерахъ; сотня конныхъ казаковъ при 2 офицерахъ и взводъ горной артиллеріи съ 2 офицерами, канцелярія, докторъ, 2 фельдшера и священникъ.

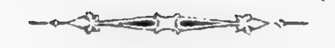
([2]) Разговоръ происходилъ въ присутствіи Цесаревича, Генералъ-Адмирала Военнаго Министра—22 Апрѣля 1853 года.

—*«Ты право когда нибудь сойдешь съ ума отъ Амура!»*

—“Сами обстоятельства, Государь, указываютъ этотъ путь„ —былъ отвѣтъ Муравьева.

—*«Ну пускай-же обстоятельства къ этому при-» ведутъ, а пока подождемъ».*

Съ этими словами Государь отпустилъ Муравьева, не предполагая, разумѣется, что не пройдетъ и года, какъ Онъ будетъ вынужденъ, силою обстоятельствъ осуществить слова Муравьева, которыя ему внушилъ его дальновидный государственный умъ.

ГЛАВА III.

Первый сплавъ по Амуру.

Важные результаты дѣятельности Амурской экспедиціи и благосклонное вниманіе къ этой дѣятельности Императора Николая I—давали надежду Н. Н. Муравьеву на то, что будетъ, наконецъ, разрѣшено плаваніе по Амуру. Въ этихъ видахъ Генералъ-Губернаторъ, состоящему при немъ для особыхъ порученій Капитану 2-го ранга Казакевичу, приказалъ сдѣлать промѣръ рѣки Шилки и этимъ промѣромъ доказать возможность заведенія на этой рѣкѣ пароходства. Проэктъ о пароходствѣ въ 1853 г. былъ Высочайше утвержденъ и въ томъ же году, на пожертвованныя, еще три года назадъ, золотопромышленникомъ Кузнецовымъ ^{100}/т. руб., на Шилкинскомъ заводѣ былъ заложенъ 60-ти сильный пароходъ „Аргунь", а на Петровскомъ заводѣ—паровая машина для него. Вмѣстѣ съ этимъ, въ томъ же году начали дѣлаться постепенныя приготовленія къ сплаву по Амуру,—такъ какъ Муравьевъ предвидѣлъ уже скорое осуществленіе своей давнишней мечты.

Дѣйствительно, послѣдовавшій разрывъ съ Европою въ 1853 году побудилъ наше Правительство обратить, наконецъ, особое вниманіе на Амуръ, такъ какъ только сплавомъ по этой рѣкѣ мы могли своевременно и, относительно, дешево снабдить наши военные порты Охотскаго побережья и Камчатки необходимымъ провіантомъ и оружіемъ.

Это обстоятельство заставило наше Правительство

обратиться къ Пекинскому Двору съ просьбой о разрѣшеніи намъ сплава грузовъ по Амуру. Послѣ жаркихъ преній, въ особо, Высочайше назначенномъ по этому поводу, Комитетѣ—послѣдовало 11-го Января 1854 г. разрѣшеніе Муравьеву, если-бы и не получено было отвѣта Китайскаго Правительства на сдѣланный запросъ, произвесть по Амуру сплавъ грузовъ для Камчатки; утверждая это рѣшеніе Комитета, Государь Императоръ изволилъ лично прибавить Муравьеву: „**чтобы при этомъ не пахло пороховымъ дымомъ.**“ Послѣ этого, Муравьевъ тотчасъ-же отправилъ состоящаго при немъ Маіора Корсакова въ Иркутскъ, курьеромъ съ порученіемъ ускорить распоряженія по Амурскому сплаву. Вслѣдъ за отъѣздомъ Корсакова, въ Февралѣ, выѣхалъ изъ Петербурга и самъ Муравьевъ.

Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру, котораго она ожидала болѣе 160 лѣтъ. По пути—Генералъ-Губернатора Муравьева—вездѣ встрѣчали съ восторгомъ, давали въ честь его-обѣды, сочиняли стихи и пѣсни. Столица Восточной Сибири-представитель всей ея умственной и промышленной жизни—Иркутскъ ликовалъ и пировалъ, торжествуя побѣду Муравьева надъ вѣковыми заблужденіями, омрачившими даже представителей высшей власти въ Петербургѣ. Только орлиный взоръ и могучій полетъ Муравьева могли озарить свѣтомъ эту тьму и разоблачить истину.

Трудно передать, какое это было всеобъемлющее состояніе радости; всякій силился и спѣшилъ принести свою лепту. Со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія на сплавъ по Амуру.

Тѣмъ временемъ, въ глухомъ уголкѣ Восточной Сибири, на Шилкинскомъ заводѣ происходило оживленное движеніе. Берегъ рѣки былъ усыпанъ линейными солдатами и Забайкальскими казаками, торопливо изготовлявшими большія неуклюжія лодки и огромные, еще болѣе неуклюжіе, плоты. Тутъ-же стоялъ на якорѣ небольшой рѣчной паро-

ходъ „Аргунь", подъ русскимъ военнымъ флагомъ. Сюда-же собирались и войска предназначенныя для сплава; они состояли изъ одного сводцаго линейнаго баталіона, численностью въ 800 человѣкъ, сводной конной сотни 2-й бригады Забайкальскаго казачьяго войска и дивизіона горной артиллеріи. Баталіономъ, сформированнымъ изъ 4-хъ ротъ, находившихся въ Забайкальѣ—13, 14 и 15 линейныхъ баталіоновъ, командовалъ, состоявшій при Генералъ-Губернаторѣ, Маіоръ **Корсаковъ**, онъ-же, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ Начальникомъ всего отряда. Ротами командовали: 1-й—Капитанъ **Медвѣдевъ**, 2-й—Поручикъ **Монастыревъ**, 3 й—Подпоручикъ **Гленъ**. и 4-й—Прапорщикъ **Барановъ**, Сотней—Сотникъ **Имбергъ** и горнымъ дивизіономъ—Подпоручикъ **Бакшеевъ**. Означенныя войска должны были размѣститься на 75 баржахъ и плотахъ—законченныхъ постройкою къ началу Мая мѣсяца. Къ этому-же времени были окончены и всѣ сборы экспедиціи.

Разумѣется, только предварительная и продолжительная подготовка къ этому походу, въ предвидѣніи, что рано или поздно Правительство разрѣшитъ его, дала возможность снарядить эту экспедицію въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.

Когда все было готово—въ Шилкинскій заводъ пріѣхалъ Генералъ-Губернаторъ въ сопровожденіи Капитана 2-го ранга Казакевича, принявшаго начальство надъ флотиліей отряда, военныхъ инженеровъ—Реина и Мравинскаго, горнаго инженера Аносова, Лейтенанта Сгибнева и чиновниковъ Свербѣева и Сычевскаго. Вскорѣ, послѣ прибытія Муравьева, Шилка очистилась отъ льда и рано утромъ, 8-го Мая 1854 года, отрядъ, помолясь Богу передъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной въ 1690 году изъ Албазина, отошедшаго въ то время по Нерчинскому трактату къ Китайцамъ,—сѣвъ на лодки и плоты, при салютѣ изъ Албазинской-же пушки, тронулся въ далекій и невѣдомый путь.

Во главѣ шла дежурная лодка, на которой постоянно находился одинъ изъ офицеровъ и проводникъ отряда—Сотникъ Скобельцинъ (1); за ней слѣдовали лодки баталiона, числомъ около двадцати, потомъ плоты съ артиллерiей и кавалерiей и наконецъ баркасъ Муравьева. Сзади каравана шелъ порожнякомъ пароходъ „Аргунь“. Машина его была настолько слаба, что онъ не выгребалъ противъ теченiя и вообще приносилъ отряду мало пользы, но много заботъ и труда—уничтоженiемъ громаднаго количества дровъ, заготовляемыхъ, во избѣжанiе задержки въ движенiи экспедицiи, по ночамъ. Кромѣ людей баталiона, на каждой лодкѣ находилось до 1500 пуд. провiанта, одна часть котораго предназначалась для отряда, а другую часть должны были сдать въ устьѣ Амура на казенный транспортъ, для доставки его въ Камчатку.

Однообразно тянулись первые дни плаванiя, по широкой, сжатой крутыми берегами Шилкѣ. Но вотъ наконецъ, 18 Мая въ 2 часа 30 мин. по полудни, флотилiя, пройдя Усть-Стрѣлку, вступила въ воды р. Амура. Отрядъ остановился. Трубачи заиграли „Боже Царя Храни“; всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменiемъ. Генералъ-Губернаторъ, зачерпнувъ въ стаканъ Амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытiемъ плаванiя по рѣкѣ; раздалось восторженное „ура“ и суда понеслись далѣе по гладкой поверхности Амура. Такимъ образомъ, послѣ двухъсотъ вѣковаго промежутка времени, патрiотическими усилiями и настойчивостью Н. Н. Муравьева, мы снова видимъ появленiе Русскихъ на Амурѣ.

Черезъ два дня плаванiя флотилiя достигла мѣста гдѣ 165 лѣтъ тому назадъ стояла наша казачья крѣпость Албазинъ, сожженная манчьжурами до

(1) Зауряд-Сотникъ Скобельцинъ немного зналъ этотъ край, такъ какъ будучи еще простымъ казакомъ, хаживалъ внизъ по Амуру на промыселъ. Нынѣ онъ проживаетъ въ станицѣ Албазинской.

основанія, послѣ заключенія Головинымъ Нерчинскаго трактата, но слѣды которой все-таки еще сохранились довольно хорошо (1). Причаливъ къ этому пустынному холму, священному по преданіямъ, трубачи заиграли „Коль славенъ Нашъ Господь въ Сіонѣ", на всѣхъ судахъ скомандовали на молитву всѣ встали и сняли шапки. Этотъ торжественный моментъ, въ виду древняго обиталища нашихъ соотечественниковъ, уже давно почившихъ, былъ полонъ благоговѣйнаго почтенія къ историческому пепелищу, драгоцѣнному каждому русскому сердцу. За молитвой послѣдовалъ народный гимнъ, при звукахъ котораго всѣ вступили на Албазинскую почву. Первымъ движеніемъ каждаго было подняться на остатки Албазинскаго вала и осмотрѣть его въ подробности; первымъ взошелъ Н. Н. Муравьевъ, за нимъ всѣ преклонили колѣна праху почившихъ храбрыхъ и доблестныхъ защитниковъ Албазина. Помолясь, отрядъ тронулся дальше. Пустынные берега, начиная отъ Албазина, стали оживляться; то и дѣло встрѣчались бродячіе дауры, а не доходя до китайскаго города Айгуна—показались и первыя фанзы манчьжуръ.

Между прочимъ, одновременно съ разрѣшеніемъ сплава по рѣкѣ Амуру изъ С.-Петербурга, 4 Февраля 1854 года, былъ посланъ листъ Пекинскому трибуналу внѣшнихъ сношеній, въ которомъ излагалось, что отнынѣ, по всѣмъ дѣламъ о разграниченіи земель, разрѣшены Генералъ-Губернатору сношенія прямо отъ себя. Вслѣдствіи этого, для предупрежденія китайскаго Правительства о нашемъ сплавѣ по р. Амуру, 14 Апрѣля, Генералъ Муравьевъ послалъ первый листъ свой въ Пекинъ съ Полковникомъ Генеральнаго Штаба Заборинскимъ; но послѣдняго не пропустили и этотъ листъ тогда былъ направленъ черезъ Кяхту обыкновеннымъ путемъ.

(1) Въ настоящее время—слѣды Албазинской крѣпости едва замѣтны.

По этому, естественно, всѣхъ волновала одна мысль: „что-то ждетъ въ Айгунѣ—согласятся-ли китайцы пропустить флотилію, или придется съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать себѣ это право“? тѣмъ болѣе, что по слухамъ, въ это время около города было сосредоточено много китайскаго войска.

Наконецъ, 28 Мая, послѣ длиннаго перехода, отрядъ получилъ приказаніе остановиться на ночлегъ не далеко отъ впаденія въ Амуръ р. Зеи, гдѣ нынѣ стоитъ гор. Благовѣщенскъ, верстахъ въ двадцати отъ Айгуна; какъ только флотилія пристала къ берегу, Муравьевъ послалъ двухъ чиновниковъ изъ своей свиты къ губернатору города, чтобы узнать получилъ-ли онъ изъ Пекина разрѣшеніе на пропускъ русскихъ по Амуру. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенія, но неутѣшительный отвѣтъ привезли они: губернаторъ никакого разрѣшенія изъ Пекина на пропускъ русскихъ не получалъ, а своею властью разрѣшить этого пропуска не могъ, да и не хотѣлъ. Положеніе было не завидное, всѣ пріуныли. На другой день, 29 Мая, Муравьевъ приказалъ отряду слѣдовать дальше и, не доходя верстъ 5 до города, присталъ къ берегу, пересѣлъ со свитою на пароходъ и отправился въ Айгунъ, чтобы лично переговорить съ китайскими властями. Передъ отъѣздомъ онъ отдалъ приказаніе начальнику отряда быть готовымъ, по первому сигналу, идти и атаковать городъ. Переговоры съ китайцами тянулись до вечера и увѣнчались успѣхомъ: разрѣшеніе на безпрепятственное слѣдованіе флотиліи дальше по Амуру было получено, такъ какъ появленіе никогда не виданнаго маньчжурами парохода и огромнаго числа плывущихъ по рѣкѣ баржъ и лодокъ до того перепугало маньчжурскихъ чиновниковъ, что они только одного желали—скорѣйшаго удаленія русскаго военнаго отряда изъ подъ стѣнъ ихъ города. Окончивъ переговоры, Муравьевъ вернулся къ ожидавшему его отряду на лодкѣ, такъ какъ пароходъ

„Аргунь“ противъ теченія и вѣтра, дувшаго въ этотъ день по теченію, выгрести не могъ и отдалъ приказаніе тотчасъ-же слѣдовать дальше.

И такъ, главное препятствіе было устранено, путь былъ открытъ и все обѣщало благополучное окончаніе труднаго дѣла. Продолжая свое дальнѣйшее плаваніе, флотилія, 30 Мая, достигла устья р. Буреи, а 2 Іюня миновала устье р. Сунгари. 3 Іюня, по ошибкѣ проводника, запутавшагося въ безчисленныхъ островахъ, флотилія, принявъ одинъ изъ притоковъ Амура за фарватеръ, вышла въ рѣку Уссури, верстахъ въ 40 отъ впаденія ея въ Амуръ, къ мѣсту, гдѣ теперь стоитъ станица Уссурійскаго казачьяго войска Казакевичева. 5-го Іюня, при выходѣ изъ Уссури въ Амуръ, Муравьеву прежде всего бросился въ глаза высокій правый берегъ рѣки, густо поросшій вѣковымъ лѣсомъ. „Вотъ гдѣ будетъ городъ“, сказалъ онъ, указывая рукою на отдѣльную, выступавшую изъ общаго очертанія берега—скалу. Слова его сбылись и теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ городъ Хабаровка, центръ Приамурскаго Генералъ-Губернаторства, а наскалѣ, указанной Муравьевымъ. ставится ему, герою Амура, памятникъ([1])

Здѣсь-же, между прочимъ, было получено отъ Невельскаго письмо, отправленное съ гольдомъ еще до вскрытія рѣки, на имя начальника отряда, который долженъ былъ спускаться по Амуру; въ письмѣ этомъ излагалась просьба—поставить на устьѣ Уссури постъ силою въ 30 человѣкъ изъ числа тѣхъ людей, которые предназначались на усиленіе экспедиціи Невельскаго.

Утомленная продолжительнымъ плаваніемъ по неизвѣстной рѣкѣ, которая была въ то время въ такомъ высокомъ разливѣ, что баржа часто проплывала по верхушкамъ растущаго на островахъ тальника, флотилія 9-го Іюня находилась въ окрестно-

([1]) Памятникъ будетъ открытъ лѣтомъ текущаго—91 года.

стяхъ деревни Май, около 150 верстъ ниже устья р. Уссури. За неимѣніемъ карты Амура, длину рѣки измѣряли по географической картѣ Азіи, и потому полагали, что флотилія подходила къ озеру Кизи. Но въ этотъ день, когда ожидали скораго окончанія плаванія, внезапно налетѣлъ шквалъ, перешедшій въ жестокій штормъ. Тяжело нагруженныя лодки и громоздкіе плоты плохо съ нимъ справлялись. Нѣсколько изъ нихъ было выброшено на берегъ, часть потопило и почти весь провіантъ подмочило. Отрядъ кое-какъ присталъ къ берегу. Два дня было употреблено для просушки провіанта у низменнаго острова названнаго, въ память празднуемаго въ этотъ день Святаго, островомъ Св. Кирилла.

Къ вечеру, 10-го Іюня, замѣчена была на рѣкѣ лодка, шедшая подъ парусомъ и въ ней морской офицеръ. Всѣ столпились на берегу около Н. Н. Муравьева и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія. Еще лодка не успѣла подойти къ берегу, какъ Генералъ-Губернаторъ спросилъ офицера: „Далеко-ли до Маріинскаго поста?“—Офицеръ отвѣчалъ: „около 500 верстъ,“ что разумѣется непріятно разочаровало всѣхъ ожидавшихъ близкаго конца плаванія. Офицеръ этотъ былъ мичманъ Разградскій; онъ донесъ Генералъ-Губернатору, что Невельской, вмѣстѣ съ нимъ, ожидалъ здѣсь флотилію и надѣялся, согласно увѣдомленію, встрѣтить ее здѣсь около исхода Мая, при чемъ, передалъ тутъ-же отъ него письмо, въ которомъ Невельской убѣдительно просилъ Муравьева оставить на устьяхъ рѣкъ Уссури и Сунгари посты. Слѣдуя отсюда далѣе по указанію Разградскаго, они, по выраженію Муравьева, вступили въ страну, какъ-бы уже давно принадлежавшую Россіи. На встрѣчу имъ всюду выходили гольды въ сопровожденіи стариковъ въ родѣ старостъ, которые съ любопытствомъ осматривали вновь пришедшихъ, приносили въ изобиліи рыбу и выставляли вездѣ проводниковъ (лоцмановъ), которыхъ до этого времени

нигдѣ нельзя было достать. Мало того, на этомъ пути явился торгующій маньчжуръ со своими приказчиками и, бросившись на колѣни передъ Генераломъ, извинялся. что онъ производитъ здѣсь торговлю безъ дозволенія русскихъ, почему и просилъ выдать ему на это разрѣшеніе. Словомъ этотъ трудный походъ пс невѣдомой рѣкѣ—можно было считать оконченнымъ, не смотря на то, что оставалось еще много верстъ до устья Амура.

Наконецъ, 14-го Іюня утромъ, въ 7 верстахъ отъ Маріинскаго поста, флотилія была встрѣчена Капитаномъ Невельскимъ, а къ полудню она уже собралась у Маріинскаго поста. При громкихъ крикахъ „Ура" всего отряда, лодки и плоты экспедиціи пристали къ берегу, гдѣ бѣлѣлось нѣсколько домиковъ на черномъ фонѣ лѣса, окружавшаго этотъ постъ;—это были русскія избы 8-ми человѣкъ матросовъ занимавшихъ этотъ пунктъ. Здѣсь, за обѣдомъ у Н. Н. Муравьева, всѣ его спутники радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ **перваго сплава** по Амуру. Здѣсь-же Муравьевъ передалъ Невельскому Высочайшую благодарность, а съ своей стороны выразилъ глубокую признательность за всѣ дѣйствія и распоряженія, постоянно направлявшіяся къ важной государственной цѣли.

Итакъ, отряды Муравьева и Невельскаго соединились; сбылось то, о чемъ они за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, будучи еще въ Петербургѣ, только мечтали. Тысячи верстъ были пройдены. Ни огромная, незнакомая рѣка, ни бури, ни отсутствіе хорошихъ проводниковъ, ни страшный физическій трудъ, —ничто не остановило этихъ героевъ. На дрянныхъ лодкахъ, на неуклюжихъ плотахъ, подъ опасеніемъ, если не утонуть, то по крайней мѣрѣ утопить весь провіантъ и умереть голодною смертью, среди дикой тайги, они все-таки настойчиво шли и достигли желаннаго.

Въ то время, какъ Муравьевъ совершалъ свой знаменитый походъ, положеніе экспедиціи Невельскаго было далеко незавидное: въ Петровскомъ находилось 25 человѣкъ при 25 кремневыхъ дрянныхъ ружьяхъ; въ Николаевскѣ—30 человѣкъ при 30 таковыхъ-же ружьяхъ и двухъ пушкахъ, при чемъ стрѣлять можно было только изъ одной; въ Маріинскомъ посту 8 человѣкъ съ таковыми-же ружьями; въ Александровскомъ посту (де-Кастри) 10 человѣкъ и одна пушка и наконецъ въ Императорской гавани 10 человѣкъ съ такимъ-же плохимъ вооруженіемъ. Пороху во всей экспедиціи состояло $1^1/_2$ пуда и снарядовъ—для упомянутыхъ 3 орудій—по 25 выстрѣловъ на каждое. Кромѣ того были сосредоточены—въ заливѣ де-Кастри транспорты: „Иртышъ", „Двина" „Байкалъ" и винтовая шхуна „Востокъ"; а въ Императорской гавани—фрегатъ „Паллада" и корабли Россійско-Американской компаніи: „Николай" и „Князь Меньщиковъ"; фрегатъ „Паллада" и шхуна „Востокъ" входили въ составъ эскадры Генералъ-Адъютанта Вице-Адмирала Путятина—отправленнаго въ Нагасаки для заключенія торговаго трактата съ японцами и прибывшаго теперь къ берегамъ Амура въ виду объявленія войны; корветъ-же „Оливуца", также входившій въ составъ эскадры Путятина, былъ отправленъ на подкрѣпленіе Петропавловскаго порта. Въ Императорской-же гавани были еще собраны всѣ команды, снятыя съ острова Сахалина, распоряженіемъ Адмирала Путятина, между прочимъ, вопреки взгляду Невельскаго, который неоднократно и горячо доказывалъ, что намъ слѣдуетъ не сосредоточиваться, а напротивъ разсредоточиваться малыми отрядами по всему прибрежью края съ тѣмъ, чтобы привлечь противника къ блокадѣ онаго и тѣмъ самымъ заставить его фактически признать этотъ край принадлежащимъ Россіи. Вотъ то положеніе вещей, которое Муравьевъ засталъ по своемъ прибытіи на устье Амура.

Осмотрѣвшись и ознакомившись съ этимъ положеніемъ—по докладу Капитана Невельскаго—Муравьевъ, послѣ двухъдневнаго отдыха, который онъ далъ своему отряду—сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Конной сотнѣ и горному дивизіону (4 орудія) остаться въ Маріинскѣ.

2) 400-мъ человѣкамъ изъ баталіона, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Арбузова, назначеннаго Помощникомъ Губернатора Камчатки и вмѣстѣ съ тѣмъ Командиромъ 47 флотскаго экипажа—слѣдовать въ заливъ де-Кастри, а оттуда на транспортѣ „Двина" въ Петропавловскъ; съ этимъ же отрядомъ слѣдовать и Инженеръ-Поручику Мравинскому.

3) 200-мъ человѣкамъ отправиться къ Николаевску для охраны этого поста.

4) Остальнымъ 200-мъ человѣкамъ подъ командою подпоручика Глена([1]), при прапорщикѣ Барановѣ, имѣя проводникомъ мичмана Разградскаго—отправиться на лодкахъ въ озеро Кизи съ цѣлью провести отъ него просѣку и дорогу, къ заливу де-Кастри; соединеніе означенныхъ пунктовъ дорогою было крайне важно: оно обезпечивало подвозъ въ постъ провизіи и давало возможность поддержать его войсками изъ Маріинскаго поста въ случаѣ нападенія союзной эскадры на наши, стоявшія тамъ суда, а въ случаѣ пораженія—давало возможность экипажамъ судовъ, высадившись на берегъ, отступить во внутрь страны.

5) Суда эскадры Адмирала Путятина: фрегатъ „Палладу" и шкуну „Востокъ" ввести въ р. Амуръ при чемъ командамъ этихъ судовъ, а равно командѣ Константиновскаго поста, зимовать въ Николаевскомъ посту.

([1]) Нынѣ командиръ Уссурійскаго коннаго казачьяго дивизіона и, между прочимъ, единственный сподвижникъ Муравьева, находящійся еще до сихъ поръ на службѣ въ этомъ краѣ.

и 6) Людей снятыхъ съ о-ва Сахалина на компанейскихъ судахъ отправить на островъ Ситху для охраны нашихъ колоній, на которыя все-таки ожидали нападенія Англо-Французскаго флота, не смотря на то, что эти колоніи были объявлены нейтральными.

Сдѣлавъ означенныя распоряженія, Муравьевъ, въ сопровожденіи Невельскаго и свиты, отправился черезъ Николаевскъ въ де-Кастри; отсюда прослѣдовалъ въ Императорскую гавань для свиданія съ Адмираломъ Путятинымъ; на обратномъ пути побывалъ въ Петровскомъ и въ Николаевскѣ—лично выбралъ и указалъ мѣста для постройки батарей; сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія до навигаціи будущаго года и 10 Августа отбылъ въ Аянъ; отсюда онъ прослѣдовалъ прямо въ Иркутскъ, куда и прибылъ 1-го Октября.

Съ отъѣздомъ Муравьева начался переносъ разнаго рода имущества, матеріаловъ и запасовъ изъ Петровскаго въ Николаевскъ, который съ этихъ поръ уже становится главнымъ пунктомъ вновь возвращеннаго края; затѣмъ усиленно взялись за окончаніе работъ по возведенію разнаго рода построекъ и зданій для вновь прибывающихъ частей и наконецъ, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ къ тому, чтобы ввести фрегатъ „Палладу“ въ устье Амура—кончили тѣмъ, что выгрузивъ артиллерію, снаряды, порохъ и имущество съ фрегата на мысъ Лазарева—одинъ только остовъ его отвели на зимовку въ Императорскую гавань.

Такъ окончился 1854 годъ—знаменательный въ Исторіи Приамурскаго края.

Закончивъ изложеніе событій этого года, нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, пройти молчаніемъ не безъинтересное мытарство, которое выпало на долю отряда Подпоручика Глена. Этотъ отрядъ, какъ уже было сказано выше, предназначался для проведенія просѣки отъ озера Кизи къ заливу де-Кастри. Трудъ ему предстоялъ не легкій. Чтобы сдѣлать

просѣку и проложить дорогу въ этомъ буквально дѣвственномъ лѣсу, приходилось рубить и оттаскивать руками огромныя столѣтнія деревья, выкорчевывать пни, а также дѣлать гати и строить мосты черезъ рѣчки часто пересѣкавшія путь. Люди изнемогали. Бичъ сибирской тайги—гнусъ, мучая ихъ днемъ, не давалъ сомкнуть глазъ ночью; хуже всего приходилось въ сѣрые, туманные и дождливые дни, когда гнусъ кусаетъ сильнѣе. Костры изъ гнилаго дерева и сырыхъ листьевъ, такъ называемые дымокуры, мало помогали; къ довершенію бѣдствія, главная пища—солонина испортилась настолько, что ее пришлось выбросить и отрядъ питался только кашей и сухарями. Вскорѣ и эта скудная пища пришла къ концу, а впереди предстояло еще провести дорогу верстъ на десять. Вернуться въ Маріинскъ нечего было и думать; при существовавшемъ тогда режимѣ и при взглядѣ Муравьева на службу, это было немыслимо. Нужно было умереть, или довести до конца порученное дѣло. Наконецъ, Подпоручикъ Гленъ рѣшился, въ виду крайности, командировать Прапорщика Баранова съ частью людей обратно въ Маріинскъ за провизіей, а самъ съ оставшимися солдатами продолжалъ работу. Прошла недѣля. Давно послѣднія крохи сухарей и крупы были съѣдены, люди питались морошкою, кореньями и тетеревами. Отряду приходилось совсѣмъ плохо. Люди буквально пухли съ голоду, но работы не прекращали и не роптали; прошла еще недѣля, Барановъ не возвращался. Богъ знаетъ чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы не одинъ счастливый случай, выручившій отрядъ изъ бѣды. Два офицера съ пришедшаго въ то время въ де-Кастри фрегата „Діана“, присланнаго на смѣну фрегата „Паллада“, который, послѣ выдержаннаго имъ шторма, оказался мало-надежнымъ судномъ для дальняго плаванія, отправились на охоту и совершенно случайно наткнулись на бивуакъ отряда. Благодаря этой встрѣчѣ всѣ невзгоды отряда кончились: съ „Діаны“ тотчасъ-же прислали

провизію и врача для оказанія помощи больнымъ, которыхъ оказалось не мало. Всѣ повеселѣли и работа закипѣла. Недѣли черезъ полторы вернулся изъ Маріинска Прапорщикъ Барановъ съ провизіей и вновь соединившійся отрядъ, черезъ нѣсколько дней окончивъ свою задачу, пошелъ обратно, проведенной просѣкой къ озеру Кизи, а оттуда въ Маріинскъ. Всей просѣки было сдѣлано тридцать верстъ.

Въ Маріинскѣ его ожидало приказаніе немедленно отправиться въ постъ Николаевскій, а потому, не дѣлая даже дневки, тронулись въ дальнѣйшій путь. Въ Николаевскѣ тоже не пришлось отдохнуть—отсюда отправили отрядъ въ Петровское.

И вотъ измученный, оборванный, полуголодный отрядъ, не отдохнувъ даже дня, на полусгнившихъ лодкахъ—на тѣхъ самыхъ, на которыхъ онъ плылъ и по Амуру—тронулся въ путь, въ Охотское море; кромѣ того на лодки нагрузили еще якоря и цѣпи, предназначавшіеся въ Петровское и придали къ отряду 30 человѣкъ матросовъ съ фрегата „Паллада". Плаваніе было неудачное. При выходѣ изъ Татарскаго пролива въ Охотское море флотилія попала въ штормъ и не будь на лодкахъ матросовъ, понимавшихъ какъ слѣдовало управляться, вѣроятно, ни одинъ-бы человѣкъ не спасся. Кое-какъ шлюпки направили на песчаную кошку, далеко выдавшуюся въ море и выбросились на нее. Испуганные, изнуренные до полусмерти люди, выбросившись на берегъ горячо возблагодарили Бога за свое чудесное спасеніе. Всѣ лодки были разбиты; нечего было и думать продолжать путь на нихъ, и вотъ, оставивъ на кошкѣ грузъ якорей и цѣпей, взявъ съ собою кое-какую провизію, отрядъ направился берегомъ, безъ дороги въ Петровское зимовье, до котораго наконецъ и добрался съ страшными усиліями. Не долго отряду пришлось пробыть и въ Петровскомъ. Черезъ недѣлю пришелъ транспортъ

„Иртышъ“ съ тѣмъ, чтобы перевезти ихъ въ Аянъ.—Здѣсь отрядъ немедленно пересадили на транспортъ Россійско-Американской компаніи „Камчатку“, подняли на немъ военный флагъ, поставили 4 орудія и отправили въ крейсерство къ Шантарскимъ островамъ ловить англійскихъ китобоевъ. Крейсерство продолжалось всего нѣсколько дней и во все время его, транспортъ встрѣтилъ только одно судно, оказавшееся американскимъ китобоемъ. По возвращеніи въ Аянъ, отрядъ былъ спущенъ на берегъ, гдѣ и сталъ лагеремъ. Здѣсь, во время своего четырехъ-недѣльнаго пребыванія отрядъ построилъ двѣ батареи. Наконецъ, въ срединѣ Сентября, Подпоручикъ Гленъ съ своимъ отрядомъ былъ посаженъ снова на транспортъ „Камчатку“ и отправленъ на Ситху въ Ново-Архангельскъ для охраны этого города.

Хотя съ отправленіемъ этого отряда и кончается дѣятельность его въ дѣлѣ присоединенія Приамурскаго края, но нѣкоторые случаи изъ его послѣдующей службы настолько интересны, что нельзя объ нихъ умолчать.

Первое время, послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ и лишеній, жизнь на Ситхѣ естественно всѣмъ казалась прекрасною и даже отрадною. Кромѣ занятія карауловъ, солдаты работали еще за особую плату (100 руб. ассигнаціями въ годъ на человѣка) въ порту Россійской-Американской компаніи и потому имъ жилось дѣйствительно хорошо. Да и офицерамъ жилось не хуже, такъ какъ Ново-Архангельскъ въ тѣ времена былъ вполнѣ благоустроеннымъ городомъ, а съ прибытіемъ Компанейскихъ судовъ на зимовку въ Ситху—жизнь въ порту становилась даже оживленною, шумною и веселою. Но эта, все-таки однообразно тянувшаяся жизнь вскорѣ оживилась еще необычайнымъ происшествіемъ.

Въ тѣ времена, около самаго Ново-Архангельска стояла большая деревня, населенная инородческимъ племенемъ Колюжами, или какъ ихъ еще называютъ Калошами. Солдаты отряда частенько хаживали въ эту деревню, но вскорѣ отношенія между ними и туземцами обострились. Причиной были женщины. Стали возникать ссоры, кончавшіяся иногда и драками, но далѣе дракъ дѣло не шло. Спустя годъ послѣ прибытія отряда, изъ деревни исчезло нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ. Увѣренные, что они были похищены солдатами, жители деревни, мстя за оскорбленіе, предательски убили нѣсколькихъ дровосѣковъ отряда, посланныхъ въ лѣсъ. Не смотря на требованіе Губернатора Ситхи Адмирала Всеволожскаго, Калоши отказались выдать виновныхъ и, чувствуя, что это имъ даромъ не пройдетъ, вышли изъ деревни и заняли миссіонерскую церковь, стоявшую недалеко отъ города. Всеволожскій тотчасъ-же собралъ гарнизонъ и лично повелъ его къ занятой церкви. Остановясь съ отрядомъ саженяхъ въ ста отъ нея, онъ еще разъ обратился къ мятежникамъ съ требованіемъ выдать убійцъ, но въ отвѣтъ на это требованіе Калоши открыли огонь; тогда, видя, что убѣжденія не дѣйствуютъ, Всеволожскій приказалъ атаковать церковь. Но это было дѣломъ не легкимъ; церковь стояла на возвышенности, среди совершенно открытой мѣстности, да и Калоши были вооружены англійскими штуцерами, между тѣмъ, какъ гарнизонъ—дрянными кремневыми ружьями. Пришлось привезти изъ города орудіе, изъ котораго и стали стрѣлять по церкви. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ двери были разбиты, отрядъ бросился въ атаку и началась рѣзня, во время которой былъ тяжело раненъ Прапорщикъ Барановъ, убито восемь и ранено двадцать нижнихъ чиновъ. Калоши, не успѣвшие спастись бѣгствомъ, были всѣ почти перебиты.

Спустя годъ послѣ этого дѣла Прапорщикъ Барановъ былъ награжденъ, по представленію Всеволож-

скаго, Анною 4-й степени „за храбрость“, а двое нижнихъ чиновъ, болѣе отличившіеся, Георгіевскими крестами. По окончаніи этой случайной стычки, жизнь опять потянулась по старому, тихо и однообразно.

Въ 1859 году, пробывъ пять лѣтъ на Ситхѣ, Гленъ съ частью отряда вернулся въ Николаевскъ, откуда нижніе чины были отправлены въ Забайкалье, въ свои баталіоны дослуживать срокъ, а самъ Гленъ былъ переведенъ въ линейный баталіонъ, стоявшій въ Благовѣщенскѣ.

Прапорщикъ-же Барановъ остался съ остальными людьми въ Ново-Архангельскѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ полученной имъ раны (1).

Въ заключеніе всего, по прибытіи Глена въ Благовѣщенскъ, его ожидалъ еще одинъ сюрпризъ. За все время своего пребыванія на Ситхѣ—онъ и Барановъ жили только на то, что платила имъ, по условію съ Правительствомъ, Россійско-Американская компанія; казеннаго-же содержанія не получали, такъ какъ первоначально—вслѣдствіе блокады Ситхи союзниками—отправить во время аттестатовъ на жалованье въ свои части не могли, а впослѣдствіи, по окончаніи войны, ожидая со дня на день возвращенія къ своимъ баталіонамъ—разсчитывали получить уже все слѣдуемое разомъ на своихъ мѣстахъ постояннаго служенія. На дѣлѣ-же вышло совсѣмъ иначе; за пропускомъ законнаго срока на истребованіе жалованья-въ выдачѣ таковаго за пять лѣтъ-имъ было отказано, почему всѣ ихъ разсчеты разомъ лопнули, какъ мыльный пузырь.

---

(1) Во время печатанія настоящаго очерка—случайно получено извѣстіе, что Прапорщикъ Барановъ живъ, служитъ по акцизному вѣдомству и проживаетъ въ настоящее время въ г. Ригѣ, окруженный многочисленною семьею, состоящею изъ жены и восьмерыхъ дѣтей. Поводомъ къ слухамъ о его смерти—былъ вѣроятно неожиданный отъѣздъ его по случаю болѣзни и разстроеннаго здоровья, осенью—60 г. изъ Ситхи, кругомъ Америки—въ Россію, гдѣ онъ вскорѣ и перешелъ на службу по гражданскому вѣдомству.

ГЛАВА IV.

Камчатка и Забайкалье.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій—слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о Камчаткѣ и Забайкальѣ—двухъ крайнихъ областяхъ Приамурской страны—соединеніе которыхъ естественнымъ, хорошимъ и надеждлымъ путемъ—было, между прочимъ, одною изъ главныхъ причинъ побудившею насъ къ возвращенію этого, нѣкогда утеряннаго нами, края.

До занятія нами устья Амура, Петропавловскъ и Охотскъ были единственными портами нашими на Восточномъ океанѣ; порты эти, отрѣзанные отъ сердца Россіи—дикими, пустынными и бездорожными мѣстами, естественно вызывали не разъ со стороны Правительства мѣры къ тому, чтобы обезпечить ихъ на своихъ мѣстахъ, чтобы дать имъ возможность существовать на свои средства. Но въ результатѣ, почти всѣ попытки подобнаго рода оставались тщетными; да оно иначе и быть не могло: хлѣбопашество, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, не прививалось, да и не могло привиться; хлѣбъ родился больше на бумагахъ въ канцеляріяхъ, а въ дѣйствительности его вовсе не было, почему Камчадалы и инородцы береговъ Охотскаго моря оставались такими-же звѣроловами, какъ и были; сельско-хозяйственная промышленность не только къ нимъ, но и къ переселеннымъ съ этою цѣлію изъ Сибири крестьянамъ рѣшительно не прививалась; крестьяне, вскорѣ-же

послѣ прибытія, брасали хлѣбопашество и дѣлались такими-же звѣроловами, какими были и туземцы; санитарное состояніе жителей, благодаря занесенным русскими заразнымъ болѣзнямъ, замѣтно ухудшалось; всякія благонамѣренныя представленія мѣстнаго начальства—вслѣдствіе страшной отдаленности отъ центра управленія Сибирью—сильно тормозились; торговля, не смотря даже на то, что эти порты были объявлены порто-франко, совершенно отсутствовала; они посѣщались только одними казенными транспортами съ продовольственными и другими запасами—потребность въ которыхъ, не смотря на всѣ мѣропріятія Правительства, не уменьшалась, а наоборотъ—увеличивалась, что въ свою очередь стоило громадныхъ денегъ, такъ какъ все необходимое доставлялось сухимъ невозможнымъ путемъ въ Охотскъ и оттуда уже моремъ въ Камчатку. Словомъ, порты эти существовали только другъ для друга. Если-же къ этому прибавить еще, что въ Камчаткѣ и Охотскѣ мы имѣли тогда всего 2 сотни казаковъ, да 500 человѣкъ морскихъ чиновъ, при 3-хъ транспортахъ, а для защиты Петропавловскаго порта только десять орудій малаго калибра, то тогда положеніе наше на отдаленномъ востокѣ будетъ достаточно обрисовано.

Это положеніе, впрочемъ, вполнѣ гармонировало съ тѣмъ мертвымъ состояніемъ, которое царствовало тогда и на омывающемъ его Восточномъ океанѣ.

Но вотъ, въ началѣ 1840-хъ годовъ, когда появляются въ нашихъ моряхъ стаи отважныхъ и дерзкихъ китобоевъ, когда возникаетъ торговое и промышленное движеніе въ Восточномъ океанѣ—мы, за неимѣніемъ надлежащаго опорнаго пункта, за отсутствіемъ должной силы и морскихъ средствъ—вынуждены оставаться только свидѣтелями этого возникшаго движенія. Разумѣется, подобное положеніе вещей не могло не обратить вниманія, такого лица,

какъ Н. Н. Муравьевъ, который, желая лично ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ, въ 1849 году предпринимаетъ поѣздку въ эти отдаленныя и заброшенныя мѣста, никогда еще не видавшія такихъ высокопоставленныхъ особъ. Онъ, здѣсь, на мѣстѣ, разрѣшаетъ вѣковой вопросъ о переносѣ Охотскаго порта ([1]) въ Петропавловскъ, который своей Авачинской губой его положительно восхищаетъ; такъ, въ письмѣ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Муравьевъ пишетъ: «Я много видѣлъ портовъ въ Россіи и» «въ Европѣ—но ничего подобнаго Авачинской губѣ не» «встрѣчалъ; Англіи стоитъ сдѣлать умышленно двухъ·» «недѣльный разрывъ съ Россіей, чтобы завладѣть» «ею и потомъ заключить миръ, но ужъ Авачин-» «ской губы она намъ не отдастъ и еслибъ даже за-» «платила намъ милліонъ фунтовъ за нее при за-» «ключеніи мира, то выручитъ его въ самое корот-» «кое время отъ китобойства въ Охотскомъ и Бе-» «ринговомъ моряхъ; и тогда Англія, разумѣется,» «никого не пуститъ въ эти моря безпошлинно».

Вотъ какое значеніе и цѣну онъ придавалъ Петропавловску и Камчаткѣ. Мало того, у него тутъ-же на мѣстѣ созрѣваетъ грандіозный планъ обороны Петропавловска и укрѣпленія его тремя-стами орудій большаго калибра; онъ лично, съ обычною своею живостью, указываетъ начальнику Камчатки гдѣ и какъ онъ долженъ поставить батареи, при чемъ, ясно рисуя себѣ предстоящій образъ дѣйствій противника—на нѣкоторыхъ батареяхъ дѣлаетъ даже соотвѣтствующія распоряженія; такъ, выбирая мѣсто и указывая какъ расположить батарею № 6 (Озерную), которая, между прочимъ, навела паническій страхъ на англо-французскій дессантъ въ 1854 г.—онъ

([1]) Этотъ портъ былъ никуда не годенъ, потому что рѣдкое изъ судовъ Охотской флотиліи плавало тамъ обыкновеннымъ порядкомъ: всѣ они почти каждый годъ валялись на охотскомъ барѣ или на охотскихъ кошкахъ гдѣ часто и погибали.

отдаетъ слѣдующее приказаніе: «Въ случаѣ дессан-» «та непріятеля, въ обходъ Никольской горы, Вы» «его встрѣтите картечью отсюда.» И что же? Приказаніе это, ровно черезъ пять лѣтъ, буквально исполненное, спасаетъ для Россіи Петропавловскій портъ.

Кромѣ того, здѣсь-же онъ приходитъ къ окончательному рѣшенію образовать изъ Камчатки отдѣльную область, причемъ на должность Губернатора ея предназначаетъ начальника Аянской факторіи Капитана Завойко; признаетъ необходимымъ принять на счетъ казны окончательное устройство и содержаніе Аянскаго тракта, а Аянскую факторію возвести на степень правительственнаго порта, усиливъ ее воинскими командами—и наконецъ, по р. Маѣ и между Нельканомъ и Аяномъ основать земледѣльческія поселенія для поддержанія аянскаго тракта.

Вотъ это всѣ тѣ мѣропріятія, которыя составили предметъ особаго приложенія ко Всеподданнѣйшему отчету о сдѣланномъ обозрѣніи Камчатки и Охотска; мѣропріятія эти удостоились 2-го Декабря 1849 г. Высочайшаго утвержденія, за исключеніемъ, впрочемъ, проекта оборонительнаго вооруженія Петропавловска, названнаго Государемъ Императоромъ—мечтою.

Странно, какъ это Муравьевъ, прозорливый умъ котораго многое предвидѣлъ, могъ такъ сильно увлечься идеей, создать изъ Петропавловска опорный пунктъ въ Восточномъ океанѣ, тѣмъ болѣе, что Капитанъ Невельской, ближайшій сподвижникъ его въ разрѣшеніи задачъ нашихъ на дальнемъ востокѣ, неоднократно доказывалъ, что Петропавловскъ и Аянъ не могутъ быть нашими портами; они могутъ быть только станціями для нашихъ судовъ, а потому должны оставаться въ томъ именно видѣ, въ какомъ они существуютъ нынѣ:—

все-же вниманіе и всѣ средства наши должны быть устремлены къ тому, что-бы не теряя времени утвердиться въ нижне-Приамурскомъ краѣ, въ которомъ вся наша сила, все наше могущество.

Муравьевъ не вѣрилъ Невельскому, какъ человѣку глубоко преданному своему любимому дѣтищу Амуру, а потому не чуждаго, извѣстнаго рода, увлеченію. Но вотъ вскорѣ вспыхнувшая Восточная война фактически доказала насколько ошибался Муравьевъ. Этотъ могучій человѣкъ, не затруднявшійся сдѣлать подъчасъ нѣсколько шаговъ назадъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ еще съ большею увѣренностію совершить новое дѣйствіе для достиженія той-же цѣли, разумѣется, съумѣлъ и въ данномъ случаѣ выйти съ честью и славой.

Въ 1854 г., съ объявленіемъ войны, союзники, опасаясь за свой коммерческій флотъ, плавающій въ водахъ Тихаго океана, а равно за свои колоніи, порѣшили разгромить наши восточные берега Сибири, а главное—уничтожить тамъ всѣ русскія суда, какъ крайне для нихъ опасныя. Съ этою цѣлью они отправили въ Тихій океанъ значительныя эскадры, постоянно пополняя ихъ присылкою новыхъ судовъ. Мы-же съ своей стороны могли похвастать не многимъ: вся наша флотилія состояла изъ 4 боевыхъ судовъ (1), 4 транспортовъ (2) и двухъ или трехъ ботовъ. Кромѣ того, Петропавловскъ, на который, надо было предполагать, будетъ обращено все вниманіе противника, какъ на единственный пунктъ, гдѣ могли только, по его мнѣнію, скрыться наши суда, далеко не удовлетворялъ условіямъ обороны. Дѣйствительно, всѣ укрѣпленія Петропавловска состояли изъ шести батарей:

(1) 52-хъ пушечный Фрегатъ „Діана“, 44-хъ пушечный фрегатъ „Аврора“, 16-ти пушечный корветъ „Оливуца“ и 6-ти пушечная винтовая шкуна „Востокъ“.

(2) Транспорты: „Двина“, „Байкалъ“, „Иртышъ“ и „Охотскъ“.

Батарея № I-й—пяти-пушечная защищала входъ въ гавань съ лѣвой стороны и была расположена на оконечности Сигнальной горы.

Батарея № 2-й—десяти-пушечная, защищала входъ въ гавань съ правой стороны и была расположена у самаго берега на кошкѣ, идущей къ Сигнальной горѣ; это лучшая и сильнѣйшая изъ всѣхъ батарей.

Батарея № 3-й—была поставлена на перешейкѣ между Сигнальной и Никольской горами; она защищала городъ и гавань, расположенные позади ея; была вооружена 5-ю орудіями и при этомъ, какъ выразился одинъ изъ участниковъ,—„была настоль-» «ко открыта, что у прислуги на этой батареѣ были» «закрыты одни только пятки".

Батарея № 4-й—трехъ-пушечная, была расположена на томъ-же берегу, гдѣ батарея № 2-й—въ двухъ верстахъ отъ нея на пологости горы Красный яръ, недалеко отъ входа въ большую Авачинскую губу.

Батарея № 6-й—была построена на берегу озера Култушнаго и могла только тогда стрѣлять, когда непріятель пошелъ-бы въ обходъ Никольской горы; на ней находились 4 пушки съ транспорта „Двина" и 6 почти негодныхъ, старыхъ, маленькихъ пушекъ.

Батарея № 7-й—была расположена на низменности сѣвернаго конца Никольской горы и состояла изъ 6 короткихъ пушекъ взятыхъ, какъ и для батареи № 3, съ фрегата „Аврора".

Кромѣ того, какъ разъ противъ входа въ Петропавловскую гавань поставленъ былъ фрегатъ „Аврора" и въ одной линіи съ нимъ транспортъ „Двина" имѣя по борту 27 орудій; они въ упоръ защищали гавань—замѣняя собою **батарею № 5.**

На каждую пушку имѣлось не болѣе, какъ по 37 зарядовъ. Весь гарнизонъ, включая судовыя команды и всѣхъ офицеровъ, состоялъ изъ 1016 человѣкъ. Это все, что могло носить оружіе; въ томъ числѣ было 36 камчадаловъ и отрядъ волонтеровъ въ 18 человѣкъ; между ними были чиновники и даже

мѣстные торговцы. На тотъ случай, если-бы непріятель вздумалъ высадиться—было составлено нѣсколько мелкихъ отрядовъ и держалось на готовѣ одно полевое 3-хъ фунтовое орудіе съ прислугой.

Приготовившись такимъ образомъ—Петропавловцамъ не долго пришлось ожидать непріятеля.

Утромъ, 17 Августа 1854 г., съ дальняго маяка, у входа въ Авачинскую губу, данъ былъ сигналъ: „въ морѣ видно эскадру военныхъ судовъ.“ Вскорѣ-же сигналомъ сообщено, что ихъ шесть. Ударили тревогу—всѣ встали по мѣстамъ. Черезъ нѣсколько часовъ вошелъ въ Авачинскую губу большой трехъ-мачтовый пароходъ подъ Американскимъ флагомъ; онъ двигался малымъ ходомъ дѣлая промѣры. Лишь только отдѣлилась отъ порта шлюбка для опроса, какъ пароходъ, быстро поворотивъ назадъ, полнымъ ходомъ направился къ выходу, гдѣ и соединился съ ожидавшей его эскадрой. Было ясно, что это противникъ рѣшившійся на подлогъ флага, а потому команда не сходила съ батарей, оставаясь ночевать при орудіяхъ.

На другой день къ вечеру эскадра вошла въ Авачинскую губу и послѣ незначительной перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ стала на якорь внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей. Ночь прошла спокойно. Рано утромъ слѣдующаго дня на эскадрѣ замѣтно было большое оживленіе; очевидно непріятель готовился къ наступленію; но вдругъ около полудня все пріумолкло, а начавшіяся приготовленія повидимому прекратились

Впослѣдствіи узнали, что дѣйствительно въ это утро предполагалось начать бомбардировку, но когда все было готово—неожиданно разнесся слухъ, что англійскій Адмиралъ застрѣлился; почему изъ уваженія къ его памяти назначенное на этотъ день сраженіе и было отмѣнено.

Наконецъ наступило 20-е Августа—памятное всѣмъ Петропавловцамъ.

Съ ранняго утра началось движеніе на эскадрѣ, обнаруживающее что скоро послѣдуетъ нападеніе. День былъ прекрасный, солнечный, какіе рѣдко случаются въ Камчаткѣ. Все находилось на своихъ мѣстахъ—въ томительномъ ожиданіи;—какъ вдругъ невольно взоры всѣхъ обратились на темную, медленно движущуюся, массу:—то былъ непріятельскій пароходъ, буксирующій съ большими усиліями три фрегата; но вотъ пароходъ подходитъ ближе, противъ батарей №№ 1 и 4 отдаетъ буксиры и быстро отходитъ въ сторону; фрегаты начинаютъ медленно выстраиваться въ одну линію; въ это время съ батареи Красный Яръ раздается первый выстрѣлъ. Противникъ тотчасъ-же отвѣчаетъ. Завязывается горячая перестрѣлка, вѣрнѣе—неравное, но смѣлое состязаніе восьми нашихъ плохенькихъ пушекъ противъ 80 орудій противника; не проходитъ и полутора часовъ, какъ батарей нашихъ и не узнать: платформы буквально засыпаны землей, станки подбиты, ворочать и дѣйствовать пушками уже нельзя. Вотъ въ это время, когда батареи наши вынуждены замолчать, непріятель быстро спускаетъ десантъ на отлогій берегъ горы Красный Яръ съ тѣмъ, чтобы овладѣть стоящей здѣсь батареей; но командиръ ея Мичманъ Поповъ, видя невозможность удержаться противъ 600 человѣкъ, заклепываетъ свои три пушки и съ 28 человѣками прислуги отступаетъ къ городу. Французы стремительно кидаются на батарею и съ восторженными криками подымаютъ свой флагъ; но недолго пришлось ему развѣваться; тотчасъ-же съ нашихъ судовъ открывается мѣткій огонь по высадившемуся противнику, а съ другой стороны, Мичманъ Поповъ, подкрѣпленный свѣжими людьми, возвращается и лихо атакуетъ ихъ. Французы, не смотря на многочисленность свою, не выдерживаютъ этого натиска и въ страшномъ безпорядкѣ бросаются къ своимъ шлюбкамъ.

Тѣмъ временемъ союзные фрегаты подаются немного впередъ и начинаютъ громить батарею № 2, оставаясь прикрытыми Сигнальной горой отъ выстрѣловъ съ нашихъ судовъ; начинается новый неравный поединокъ 11 слабыхъ орудій батареи князя Максутова противъ тѣхъ-же 80 большихъ орудій противника. Но князь Максутовъ не горячится и даромъ пороху не тратитъ: онъ бьетъ только навѣрняка; спокойствіе на батареѣ полное—доведенное до того, что когда противникъ еще съ дальняго разстоянія дѣйствовалъ бомбами и изъ нашихъ пушекъ ему нельзя было отвѣчать, то кантонисты мальчишки, служившіе для подачи зарядовъ, забавлялись пусканіемъ на воду корабликовъ.

Наконецъ, послѣ назойливаго девяти-часоваго дѣйствія—за наступленіемъ сумерекъ—противникъ вынужденъ отойти на прежнее якорное мѣсто; но прежде чѣмъ отойти онъ дѣлаетъ еще одну неудачную попытку высадить дессантъ, но на этотъ разъ уже съ другой стороны Сигнальной горы, со стороны перешейка—на батарею № 3.

Этимъ, собственно говоря, и заканчивается первая попытка противника взять Петропавловскъ.

Потери наши въ этотъ день заключались въ 6 убитыхъ и 13 человѣкъ раненыхъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ([1]). Потеря противника неизвѣстна, но такъ какъ поврежденія на судахъ были, повидимому, не маловажны то надо полагать, что убыль въ людяхъ была не меньше нашей.

Петропавловцы, убѣдившись, что непріятельскіе суда отошли на свою стоянку—тотчасъ-же принялись за исправленіе своихъ батарей. Въ одну ночь орудія были приведены въ порядокъ, заряды и прислуга пополнены, а къ слѣдующему утру батареи могли уже дѣйствовать, тремя только орудіями меньше, чѣмъ на канунѣ.

([1]) Командиръ батареи № 1 Лейтенантъ Гавриловъ.

Слѣдующіе три дня все было спокойно—противникъ, какъ будто отдыхалъ, что не мало удивляло нашъ гарнизонъ, который, тѣмъ временемъ, успѣлъ оправиться, собраться съ силами, исправить окончательно всѣ поврежденія, словомъ сдѣлать все, чтобы отразить новое нападеніе, задуманное на этотъ разъ уже съ другой стороны.

Петропавловскъ со стороны Авачинской губы закрытъ двумя горами—Сигнальной (южная) и Никольской (сѣверная); первая много выше второй; обѣ горы покрыты невысокимъ кустарникомъ и круто, почти обрывами, спускаются къ морю; къ городу-же отлого, безъ правильныхъ дорогъ, но съ удобными всходами; кромѣ того, Никольская гора, имѣя нѣсколько крутыхъ тропинокъ со стороны озера, облегалась еще по низу, съ сѣверной стороны, довольно хорошей дорогой, которая будучи проложена между горой и озеромъ—вела прямо въ городъ черезъ батарею № 6. Союзники, узнавъ о существованіи этой дороги, окончательно рѣшаютъ повести атаку на этотъ разъ съ сѣверной стороны—назначивъ для этого 24-е Августа. Дѣйствительно, еще наканунѣ этого дня, вечеромъ, замѣтно было на непріятельской эскадрѣ необыкновенное движеніе, ясно доказывающее, что онъ готовится къ чему-то рѣшительному.

Сѣрое туманное утро слѣдующаго дня оправдало предположеніе Петропавловцевъ: въ 7½ часовъ утра, сквозь рѣдкую туманную завѣсу замѣтили пароходъ, ведущій на буксирѣ два фрегата. Ударили тревогу, всѣ встали по мѣстамъ, а губернаторъ, дѣлая послѣднія распоряженія, обошелъ батареи, суда и отдѣльные отряды. Пароходъ медленно подвигался на перешеечную батарею № 3; эта батарея, подпустивъ фрегаты на хорошій пушечный выстрѣлъ, открыла первая огонь. Англійскій фрегатъ, будучи еще на буксирѣ, отвѣтилъ ей цѣлымъ бортомъ своихъ пушекъ. Тѣмъ

временемъ, другой фрегатъ французскій, шедшій за пароходомъ, сталъ на якорь бортомъ къ батареѣ, очень близко отъ нея и тотчасъ-же открылъ такой жестокій огонь по ней, что не прошло и получаса, какъ весь перешеекъ былъ изрытъ, не было аршина земли, куда не попало бы ядро. Англійскій-же фрегатъ подъ буксиромъ парохода прошелъ дальше къ батареѣ № 7, гдѣ также сталъ на якорь и открылъ по ней не менѣе губительный огонь. Черезъ часъ батареи были снесены и непріятель приступилъ къ высадкѣ; черезъ какіе нибудь полчаса-уже болѣе 1000 союзниковъ было на берегу; передохнувъ одно мгновеніе, они какъ мураши облѣпили Никольскую гору со стороны моря, стараясь наперерывъ другъ передъ другомъ поскорѣе занять ея гребень; кромѣ того, часть силъ была отправлена еще въ обходъ сѣверной оконечности этой горы для овладѣнія батареей № 6, но послѣ двухъ-кратной неудачной попытки этотъ отрядъ счелъ за лучшее поворотить на гору на присоединеніе къ главнымъ силамъ.

Тѣмъ временемъ Адмиралъ Завойко, удостовѣрившись, что озерной батареѣ не угрожаетъ нападеніе, собираетъ все что было свободнаго подъ рукой и бросаетъ на гребень горы съ приказаніемъ выбить противника оттуда штыками. Едва эта сборная команда не превосходящая числомъ и 300 человѣкъ, стала восходить на гору, какъ англичане и французы были уже на гребнѣ; больше всего ихъ скопилось на сѣверной оконечности горы, откуда они уже начали спускаться, открывъ жестокій ружейный огонь по командѣ озерной батареи и резерву; остальная-же часть противника открыла огонь по командамъ стоящихъ на рейдѣ судовъ.

Но дружный натискъ нашихъ храбрецовъ, поднимавшихся въ гору, во главѣ съ Лейтенантомъ Анкудиновымъ и мичманами—Михайловымъ и Фесуномъ—съ соблюденіемъ полнаго спокойствія и равненія, какъ будто-бы на ученьи—заставилъ дрог-

нуть противника; наши молодцы, ободренные своимъ первымъ успѣхомъ, рванулись впередъ и вотъ тутъ-то началась страшная рѣзня—тутъ ужъ дѣйствовали не штыками, а прикладами, у кого ломался прикладъ тотъ хваталъ ножъ, или что попало. Но вотъ еще одно мгновеніе и противникъ въ полномъ безпорядкѣ бѣжитъ къ своимъ шлюпкамъ, унося на себѣ трупы товарищей; наши-же провожаютъ удаляющихся оживленнымъ огнемъ даже тогда, когда они уже сидѣли въ шлюпкахъ. Наконецъ, противникъ, кое-какъ, добирается до своихъ судовъ—быстро на нихъ садится и отходитъ на якорную стоянку.

Въ часъ по полудни даютъ отбой. Всѣ Петропавловцы тотчасъ-же собрались къ пороховому погребу и на колѣняхъ возблагодарили Господа Бога за дарованную побѣду. Потери наши въ этомъ дѣлѣ ограничились 31 убитыми и 65 ранеными, изъ коихъ два офицера (1). Въ городѣ, кромѣ сожженнаго рыбнаго сарая, было повреждено до 16 домовъ и иныхъ зданій; затѣмъ намъ досталось англійское знамя, 7 офицерскихъ сабель и 56 ружей; кромѣ того, на берегу найдено до 38 непріятельскихъ труповъ; въ плѣнъ взято четыре человѣка, изъ нихъ трое тяжело раненыхъ. Общая потеря противника —до 300 человѣкъ.

Такъ закончилось второе и послѣднее нападеніе на Петропавловскъ.

Русскіе герои, руководимые доблестнымъ Адмираломъ Завойко, совершили безпримѣрное дѣло отраженія англо-французскаго дессанта, пытавшагося захватить нашъ единственный опорный пунктъ на водахъ Тихаго океана.

Петропавловцы, исправивъ въ ту-же ночь поврежденныя батареи, стали ожидать новаго нападенія; но прождавъ такимъ образомъ до 28 числа—рано

(1) Командиръ батареи № 3, князь Максутовъ и Командиръ батареи № 7, Капитанъ Кораллловъ.

утромъ были пріятно поражены увидѣвъ, какъ непріятельская эскадра снялась съ якоря, вышла въ море и скрылась изъ виду. Всѣ вздохнули свободно у всѣхъ стало легче на душѣ.

Какъ ни блестящи были подвиги защитниковъ Петропавловска, но по недостатку продовольствія, въ случаѣ продолженія войны, положеніе ихъ въ Камчаткѣ представлялось безвыходнымъ; доставить-же провизію, за наступленіемъ осенняго времени и отсутствіемъ перевозочныхъ средствъ уже не представлялось возможнымъ. Но тѣмъ не менѣе, храбрые защитники, ободренные рядомъ удачъ, весело принялись за возобновленіе батарей. Работы предстояло по горло. Необходимо было не только исправить старыя батареи, но и построить нѣсколько новыхъ, надо было прорывать крытые ходы, устраивать прочные пороховые погреба и пристраивать новыя казармы, такъ какъ прежнія были недостаточны для зимовавшихъ командъ. Словомъ — нужно было такъ приготовиться, чтобы было чѣмъ встрѣтить и угостить противника, появленіе котораго раннею весною у береговъ Камчатки слѣдовало считать уже вопросомъ рѣшеннымъ, такъ какъ общественное мнѣніе въ Англіи и Франціи сильно заговорило, когда было получено первое извѣстіе о пораженіи понесенномъ союзною эскадрою, а потому оно настойчиво требовало, чтобы обѣ державы приняли рѣшительныя мѣры для уничтоженія Петропавловска, а главное—нашихъ судовъ находящихся въ Восточномъ океанѣ. Союзники, дѣйствительно, собирали такую силу, передъ которой трудно было-бы устоять: они изготовляли эскадру изъ 23 или 26 боевыхъ судовъ.

Но какъ-бы то ни было—Петропавловцы безостановочно, горячо работали до наступленія глубокой зимы, когда пурги и глубокіе снѣга заставили ихъ всѣхъ сидѣть по домамъ. Наконецъ прошли и тяжелые зимніе мѣсяцы. Наступилъ Февраль, стали

уже поговаривать о вторичномъ приходѣ непріятеля; какъ вдругъ, неожиданно, 3 Марта прискакалъ курьеръ Есаулъ Мартыновъ (1). Онъ привезъ награды за прошлогоднее дѣло и извѣстіе, свалившееся всѣмъ, какъ снѣгъ на голову. Приказано было: **вооружить всѣ суда, снять Петропавловскій портъ съ его укрѣпленіями, забрать гарнизонъ и не только военныхъ, но и гражданскихъ чиновъ съ ихъ семействами и ранней весною выйдти въ море.** Куда и зачѣмъ зналъ только одинъ Губернаторъ. Чтобы сбить съ толку непріятеля адмиралъ Завойко нарочно распустилъ еще разные слухи о назначеніи эскадры. Въ дѣйствительности-же она должна была направиться въ рѣку Амуръ.

Спрашивается теперь, что-же могло означать подобное распоряженіе и кто его отдалъ.? Его отдалъ тотъ, который былъ преданъ Россіи всѣмъ сердцемъ и всей душой—тотъ, который болѣе всѣхъ потрудился надъ созданіемъ этого перваго нашего порта на Восточномъ океанѣ, который любилъ и лелеялъ его, какъ свое дѣтище, который, наконецъ, озабочиваясь скорѣйшимъ и наилучшимъ обезпеченіемъ его всѣмъ необходимымъ, добился разрѣшенія на сплавъ по Амуру и тѣмъ возвратилъ намъ Приамурскій край—то былъ Н. Н. Муравьевъ.

Этотъ великій человѣкъ, получивъ извѣстіе изъ Петербурга о готовившемся новомъ нападеніи на Петропавловскъ, а съ другой стороны, зная о полномъ недостаткѣ продовольствія и невозможности доставить его храбрымъ защитникамъ этого, стоящаго на отлетѣ, порта—впервые сознаетъ свою ошибку. Нужно поправить ее; между тѣмъ испросить разрѣшеніе изъ Петербурга, какъ поступить въ

---

(1) Онъ выѣхалъ въ началѣ Декабря изъ Иркутска,—черезъ Якутскъ, Охотскъ и Гинсигу по дикому прибрежью Охотскаго моря—совершивъ этотъ путь (8/т. вер.) на собакахъ въ 3 мѣсяца—со скоростью до этого времени небывалою.

данномъ случаѣ, при тогдашнихъ способахъ сообщенія, уже не представлялось возможнымъ — время было-бы упущено. А потому, Муравьевъ, не имѣя приказаній изъ Петербурга, на свой личный страхъ принимаетъ по истинѣ геройское рѣшеніе снять Петропавловскій портъ и перенести его къ устью Амура въ мѣстность непосредственно связанную съ Восточною Сибирью внутреннимъ путемъ, безопаснымъ отъ нападенія непріятеля съ моря.

Это по истинѣ геройское распоряженіе, не имѣющее себѣ равнаго въ Исторіи, спасло честь и славу нашего оружія и всю нашу эскадру, избавивъ къ тому-же отъ тяжкихъ и безполезныхъ жертвъ.

Это, можно сказать, единственное въ своемъ родѣ приказаніе—требовало и молодецки-мастерскаго исполненія, а также особеннаго счастья. Дѣйствительно: мы видимъ, что адмиралъ Завойко въ теченіи одного зимняго мѣсяца ([1]) приготовляетъ 7 судовъ ([2]) къ трудному плаванію, грузитъ до $^{80}/$т. пудовъ разнаго имущества, пропиливаетъ дорогу во льду, загромождающемъ выходъ изъ гавани въ большую губу, почти на виду противника выходитъ въ море и благодаря туману удачно проскакиваетъ подъ носомъ непріятельской эскадры—затѣмъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, переноситъ массу невзгодъ и трудовъ, сопряженныхъ съ плаваніемъ въ такихъ негостипріимныхъ моряхъ—каковы Камчатское и Охотское и наконецъ, 5 Мая, благополучно достигаетъ бухты де-Кастри. Но здѣсь опасному странствованію не конецъ; пока Амуръ не вскрылся отъ льда дальше идти некуда; между тѣмъ союзники, положительно огорошенные волшебнымъ исчезновеніемъ эскадры и Петропавловскаго порта со

([1]) Мартъ мѣсяцъ въ Камчаткѣ совсѣмъ зима.

([2]) Фрегатъ „Аврора“, Корветъ „Оливуца“, Транспорты: „Двина“, „Байкалъ“ и „Иртышъ“ и два бота.

всѣми укрѣпленіями и жителями—поднятые къ тому-же еще на смѣхъ американцами—съ необычайною энергіею бросились на поиски за нашими судами, почему необходимо было быть постоянно наготовѣ; поэтому по приходѣ въ де-Кастри тотчасъ-же начали свозить больныхъ, женщинъ, дѣтей, почту, казначейство, словомъ все что было возможно для отправки сухимъ путемъ въ с. Кизи.

Наконецъ, 2 Мая, авангардъ непріятельской эскадры, изъ трехъ судовъ, открываетъ нашу стоянку и не рѣшаясь насъ атаковать отправляетъ одно судно за подкрѣпленіемъ, а съ остальными двумя, спустившись южнѣе де-Кастри, остается сторожить. На наше счастье получается увѣдомленіе, что Амуръ вскрылся. Адмиралъ Завойко немедленно, въ ночь съ 14 на 15 Мая, снимается и быстро слѣдуетъ къ устью Амура. Спустя 14 часовъ по уходѣ русскихъ, авангардъ союзной эскадры, получивъ подкрѣпленіе, влетаетъ въ заливъ де-Кастри въ числѣ 6 судовъ. Англичане горятъ желаніемъ отмстить за всѣ неудачи; все у нихъ готово къ рѣшительному бою. Но удивленію ихъ нѣтъ конца—когда оказывается, что нѣтъ ни судовъ ни русскихъ ([1]).

Вторичный уходъ русскихъ изъ подъ носа непріятеля надѣлалъ едва-ли не больше шуму, чѣмъ уходъ изъ Петропавловска. Въ Англіи не хотѣли вѣрить этому. Обвиненіе за обвиненіемъ сыпалось на головы ихъ начальниковъ. Гордые и самолюбивые англичане должны были наконецъ сознаться, что ихъ жестоко провели. Такимъ образомъ, наша эскадра рядомъ тяжелыхъ подвиговъ была спасена, при чемъ не мало трудовъ, лишеній и невзгодъ выпало на долю камчатскихъ моряковъ, но за то и заслуга ихъ велика.

([1]) Англичане не подозрѣвали о возможности прохода на сѣверъ, ибо въ то время мы только русскіе знали, что Сахалинъ островъ и что входъ въ Амуръ возможенъ съ юга.

Много надо было имѣть знанія, ловкости и умѣнья, чтобы съ такими небольшими средствами добиться своего. Весь свѣтъ удивлялся нашимъ богатырямъ; даже сами враги считали героями—адмирала Завойко и его сподвижниковъ.

Теперь обратимся къ Забайкалью—другой крайней области Приамурскаго края.

Эта обширная область, находясь въ преддверіи Амурскаго бассейна, ведущаго прямо къ берегамъ Тихаго океана, и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи единственно удобнымъ, въ то время, мѣстомъ для пограничныхъ сношеній съ Китаемъ—Нерчинскимъ договоромъ совершенно отрѣзывается отъ моря, а затѣмъ, вскорѣ, дѣлается мѣстомъ ссылки преступниковъ; съ этихъ поръ Забайкалье становится грозою или какимъ-то ледянымъ чудовищемъ одно имя котораго вызываетъ невольный трепетъ въ каждомъ; она, по всей вѣроятности, была-бы совершенно забыта или заброшена,—если-бы не торговыя сношенія, возникшія съ китайцами, въ нѣкоторыхъ пограничныхъ пунктахъ ея. Только эти сношенія невольно обращаютъ вниманіе Правительства на эту отдаленную область, заставляя его принимать мѣры къ насажденію тамъ военной силы, понадобившейся прежде всего для охраны границъ ея.

Вотъ въ этихъ-то видахъ, для пограничной службы, въ 1761 году, изъ тунгусовъ формируется первый конный полкъ, а въ 1764 году—изъ селенгинскихъ бурятъ четыре таковыхъ-же полка; кромѣ того, по границѣ съ Монголіей устраиваются крѣпостцы [1] и до 60 карауловъ или редутовъ. Въ 1772 году управленіе пограничной охраны, въ предѣлахъ Забайкалья, дѣлится на пять дистанцій, въ каждой

(1) Крѣпостцы: Горбиченская, Чиндантская, Акшинская, Кударинская и Харацайская.

по 100 русскихъ казаковъ. Наконецъ, въ 1822 году, Сибирскими учрежденіями, выработанными Графомъ Сперанскимъ—пограничной линіи дается совершенно новое устройство; вмѣсто дистанцій образуются два отдѣленія: Цурухайтуевское и Харацайское, съ общимъ пограничнымъ управленіемъ въ Троицкосавскѣ; всѣ русскіе казаки, жившіе по границѣ получаютъ названіе *пограничныхъ*; остальные-же казаки дѣлятся на *городовыхъ* и *станичныхъ*, при чемъ попрежнему остаются въ вѣдѣніи гражданскаго начальства, не имѣя однообразнаго обмундированія, вооруженія и снаряженія.

Въ такомъ видѣ пограничное устройство остается до 1851 г. не смотря на то, что вопросъ о необходимости усиленія вооруженныхъ силъ въ Забайкальѣ подымается не одинъ разъ. Но вотъ, назначеніе Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, кладетъ конецъ этому полуторо-вѣковому прозябанію Забайкалья, которое не смотря на пренебреженіе его бывшими Администраторами Восточной Сибири и наводненіе сс.-каторжными всѣхъ категорій—успѣваетъ, все таки, дать отпрыски уже зародившейся экономической жизни.

Муравьевъ, близко ознакомившись съ положеніемъ Забайкалья на мѣстѣ, составляетъ пространную записку о своихъ соображеніяхъ относительно этого края; отрицая всѣ прежніе предположенія объ укрѣпленіи Забайкалья, какъ недостигающія цѣли и несоотвѣтствующія силѣ и достоинству Россіи—онъ требуетъ образованія Забайкальскаго казачьяго войска, въ составъ коего предполагаетъ включить:

1) всѣхъ пограничныхъ русскихъ казаковъ отъ Горбиченскаго караула до Тункинскаго отдѣленія (въ предѣлахъ Иркутской губерніи);

2) Забайкальскій городовой казачій полкъ;

3) всѣхъ станичныхъ казаковъ Забайкальскаго края;

4) всѣхъ инородцевъ изъ состава Бурятскихъ казачьихъ полковъ и Тунгусскаго полка—получившихъ осѣдлость на пограничной линіи

и 5) всѣхъ крестьянъ горнаго вѣдомства Нерчинскаго округа.

Войско это обязано выставлять 6 конныхъ полковъ: 4 Русскихъ и 2 Бурятскихъ—всѣ шестисотеннаго состава, 12 пѣшихъ баталіоновъ и 1 конно-артиллерійскую бригаду (1). Полки эти, составляя три конныя бригады, должны быть расположены на протяженіи всей Монгольской границы для охраненія ея, содержанія карауловъ и разъѣздовъ, преслѣдованія и поимки бѣглыхъ, пресѣченія недозволенной торговли, внутренней службы, и въ случаѣ надобности —службы и внѣ войсковыхъ предѣловъ. 12-же пѣшихъ баталіоновъ, должны составить 3 бригады,—обязанности и служба коихъ должны быть одинаковы съ конными полками.

Муравьевъ, представляя свои соображенія по Забайкалью на Монаршее усмотрѣніе, обратилъ вниманіе Его Величества на важное экономическое и стратегическое значеніе его для насъ, указалъ на неразрывную связь его съ Амурскимъ вопросомъ и на то, что можетъ быть въ непродолжительномъ времени понадобятся военныя средства, такъ какъ все возрастающее вліяніе англичанъ на китайцевъ не можетъ быть для насъ благопріятно; онъ между прочимъ писалъ: „намъ остается только одно сред-» «ство: поддержать необходимое для Азіатской Рос-» «сіи вліяніе надъ китайцами, представивъ, этимъ» «слабымъ и боязливымъ сосѣдямъ нашимъ, уважи-» «тельныя военныя силы тамъ—гдѣ ближе и для» «помощи имъ и для страху; нигдѣ условія эти не» «достигаются лучше, какъ въ Забайкальскомъ краѣ,» «который, вмѣстѣ съ тѣмъ, прилегаетъ и къ Амуру.» «Что для вящаго и полнаго обладанія торговлею» «въ Китаѣ, англичанамъ нужно устье Амура и» «плаваніе по этой рѣкѣ—это неоспоримо; еслибъ» «Амуръ не была единственная рѣка, текущая изъ»

(1) Въ составѣ двухъ батарей—№ 23 и № 24

«Сибири въ Восточный океанъ, то мы могли-бы еще къ»
«предпріятіямъ ихъ быть снисходительнѣе, но пла-»
«ваніе по Амуру, какъ по единственному удобному»
«пути къ Востоку, есть вѣковая мечта здѣшнихъ»
«жителей всѣхъ состояній, можетъ быть для мно-»
«гихъ инстинктивная, но тѣмъ не менѣе справед-»
«ливая и я, по соображенію всѣхъ извѣстныхъ мнѣ»
«на мѣстѣ обстоятельствъ, дерзаю сказать, что,»
«кто будетъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ»
«владѣть и Сибирью, по крайней мѣрѣ до Байкала»
«и владѣть прочно, ибо достаточно имѣть устье»
«этой рѣки и плаваніе по оной подъ ключемъ,»
«чтобъ Сибирь болѣе населенная и цвѣтущая зем-»
«ледѣліемъ и промышленностью, оставалась неизмѣн-»
«ною данницею и подданною той Державы, у»
«которой будетъ этотъ ключъ“.

Вотъ какъ Муравьевъ смотрѣлъ на Забайкалье. Также взглянулъ на него и Императоръ Николай, почему въ началѣ 1851 года, состоялось утвержденіе всѣхъ предположеній Муравьева по улучшенію этой окраины.

Утвержденіе положенія о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ, переводъ линейныхъ баталіоновъ изъ ближайшихъ мѣстъ Восточной Сибири въ Забайкалье, отдѣленіе его отъ управленія Иркутскою губерніей—на правахъ самостоятельнаго областнаго учрежденія и установленіе Кяхтинскаго градоначальства—все это внесло новую струю жизни въ эту забытую и заброшенную окраину; Забайкалье встрепенулось и ожило, а занятіе нами Амурскаго края—дикаго и пустыннаго—сразу потребовавшаго отъ Забайкалья людей и хлѣба, дало еще новый толчекъ всей его экономической жизни.

Теперь изъ всего выше изложеннаго не трудно видѣть, что Забайкалье и Камчатка—двѣ крайнія области Приамурскаго края—соединеніе которыхъ естественнымъ, хорошимъ путемъ было, между прочимъ, одною изъ главныхъ причинъ побудившею

насъ къ занятію Амурскаго края—въ свою очередь далеко не одинаково восприняли послѣдствія этого, великаго въ исторіи Амура, событія; для перваго, т. е. Забайкалья, оно было новою восходящею звѣздою, сулившею ему лучшую будущность, а для втораго, т. е. Камчатки—смертнымъ приговоромъ.

ГЛАВА V.

Дѣятельность Генералъ-Губернатора Муравьева на Амурѣ.

Успѣхъ перваго сплава по Амуру—несомнѣнно составляетъ самое крупное событіе въ исторіи этого края. Этотъ сплавъ окончательно познакомилъ насъ съ берегами рѣки и показалъ намъ пригодность ея для сплава по ней, удобство и возможность заселенія береговъ Амура, миролюбіе ея мѣстныхъ жителей и главное—слабость китайцевъ; теперь надлежало только пользоваться этимъ, вновь открытымъ, сообщеніемъ, тѣмъ болѣе, что и обстоятельства къ тому побуждали.

Дѣйствительно, продолжавшаяся Крымская война требовала подкрѣпленія нашихъ постовъ на устьѣ Амура и снабженія провіантомъ всѣхъ командъ и судовъ нашихъ, пришедшихъ изъ Камчатки и Японіи ([1]); по этому, весною 1855 г., предпринимается **второй сплавъ** по Амуру, раздѣленный на этотъ разъ на три отдѣленія: 1-е отдѣленіе состояло изъ 26 баржъ, подъ начальствомъ самаго Генералъ-Губернатора, который въ этотъ разъ спускался по рѣкѣ съ своею супругою Екатериною Николаевною; 2-е отдѣленіе—изъ 52 баржъ, подъ начальствомъ командира 15 линейнаго баталіона, Подполковника Назимова и 3-е—изъ 35 баржъ, подъ начальствомъ

([1]) Фрегатъ „Діана“ погибъ въ Японіи во время землетрясенія, почему Адмиралъ Путятинъ выстроилъ вмѣсто него шкуну „Хеда“ и размѣстивъ команду фрегата на эту шхуну и на два зафрактованные имъ американскіе купеческіе корабля прибылъ въ исходѣ Іюня къ Николаевску; одно изъ этихъ судовъ, между прочимъ, по пути было взято въ плѣнъ непріятельскими крейсерами; да и самъ адмиралъ Путятинъ избѣжалъ плѣна только благодаря густому туману.

Полковника Корсакова. Съ этимъ сплавомъ прибыли на защиту Приамурскаго края: 15 линейный баталіонъ, полубаталіонъ 14-го баталіона, сводный казачій полубаталіонъ и взводъ горной артиллеріи — всего 3000 человѣкъ войска; при сплавѣ находилась ученая экспедиція, снаряженная сибирскимъ отдѣломъ Географическаго Общества, на счетъ члена его Г. Соловьева, пожертвовавшаго на изслѣдованіе Амурскаго края, полпуда золота ([1]); кромѣ того съ этимъ-же сплавомъ, подъ распоряженіемъ чиновника, особыхъ порученій при Генералъ-Губернаторѣ, князя Волконскаго, прибыли первые русскіе земледѣльцы, составленные изъ Иркутскихъ и Забайкальскихъ крестьянъ для поселенія, по правому берегу Амура между Николаевскомъ и Маріинскомъ ([2]).

Генералъ-Губернаторъ, спускаясь по Амуру, между прочимъ, близь устья рѣки Кумары встрѣтилъ китайскихъ чиновниковъ, высланныхъ ему на встрѣчу для совѣщанія о разграниченіи земель по Амуру. Муравьевъ предложилъ имъ прибыть въ Маріинскій постъ и тамъ вести переговоры, такъ какъ онъ очень занятъ и остановиться для переговоровъ въ пути своего слѣдованія не имѣетъ времени. Въ Маріинскѣ при переговорахъ, онъ предложилъ имъ, чтобы рѣка Амуръ была принята границею между Россійскою и Китайскою Имперіями ([3]), отъ чего уполномоченные по обыкновенію уклонились, ссылаясь въ своихъ доводахъ на листъ нашего Сената

([1]) Эта экспедиція состояла:—изъ натуралиста—Маака, астронома Рашкова, топографа Зончевскаго и чиновника Кочетова.

([2]) Были основаны деревни: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское, Сергіевское и Воскресенское; кромѣ того противъ Маріинскаго поста на о. Сучи поселилась сотня конныхъ казаковъ, образовавъ станицу Сучи.

([3]) Этотъ фактъ указываетъ, что даже Н. Н. Муравьевъ, какъ и всѣ тогда, все значеніе пріобрѣтеннаго края видѣлъ исключительно въ р. Амурѣ—не придавая никакого значенія морскому прибрежью и бассейнамъ рѣкъ Уссури и Сунгари.

въ Пекинъ ([1]), въ которомъ границею признавалась р. Горбица и хребты горъ, идущіе отъ ея вершины; но Муравьевъ настаивалъ на своемъ предложеніи, а потому переговоры ни къ чему не привели и китайскіе чиновники, уѣзжая, увезли полное убѣжденіе, что Генералъ-Губернаторъ дѣйствуетъ на Амурѣ самовольно, безъ согласія своего Правительства.

Вслѣдъ за прекращеніемъ переговоровъ Муравьевъ отдаетъ слѣдующее приказаніе:

1) Амурская экспедиція замѣняется управленіемъ Камчатскаго Губернатора Контръ-Адмирала Завойко, мѣстопребываніемъ котораго назначается Николаевскъ.

2) Контръ-Адмиралъ Невельской назначается Начальникомъ Штаба при Главнокомандующемъ([2]) всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными въ Приамурскомъ краѣ; при чемъ главною квартирою назначается Маріинскій постъ.

3) Всѣ чины, состоящіе въ Амурской экспедиціи, поступаютъ подъ начальство Контръ-Адмирала Завойко.

и 4) Всѣмъ судамъ, возможно поспѣшнѣе, слѣдовать въ рѣку Амуръ.

Кромѣ того, въ ожиданіи нападенія непріятеля на заливъ де-Кастри—Муравьевъ располагаетъ тамъ 500 человѣкъ пѣшихъ казаковъ, подъ командою адъютанта своего Подполковника Сеславина, который, простоявъ тамъ до Октября мѣсяца и не предполагая уже возможности появленія противника, возвращается въ Маріинскъ, оставивъ въ этомъ заливѣ 70 человѣкъ съ 2 горными орудіями. Между тѣмъ союзники, блокируя берега Татарскаго пролива

([1]) Листъ этотъ былъ отправленъ въ 1853 г. (смотри страницу 27).

([2]) Этимъ Главнокомандующимъ былъ самъ Н. Н. Муравьевъ.

тщетно искали нашихъ судовъ и въ исходѣ Сентября, не встрѣтивъ ни одного изъ нихъ, отрядили 3 судна въ Татарскій проливъ съ цѣлію добыть свѣдѣнія, гдѣ находится Камчатская эскадра; вотъ эти то 3 судна и прибыли въ де-Кастри—тотчасъ-же по уходѣ оттуда Сеславина и замѣтивъ оставленный имъ отрядъ немедленно спустили дессантъ, который и былъ отбитъ съ значительнымъ урономъ; тѣмъ временемъ начали подходить наши подкрѣпленія и къ серединѣ Октября въ заливѣ де-Кастри уже собралось до 1500 человѣкъ войска. Непріятельскія суда по прежнему оставались въ заливѣ и въ ожиданіи прихода туда нашихъ судовъ на зимовку —ежедневно бомбардировали насъ не принося, впрочемъ, никакого вреда; наконецъ въ концѣ Октября— не дождавшись нашей эскадры, которая успѣла уже расположиться на зимовку въ устьѣ Амура—непріятель ушелъ къ югу, а за нимъ и войска наши, по льду озера Кизи, возвратились обратно въ Маріинскій постъ. Этимъ, собственно говоря, ничтожнымъ и безрезультатнымъ дѣломъ, но замѣчательнымъ по тому огромному числу войскъ, которое мы собрали для защиты пункта, въ достаточной степени уже прикрытаго самою природою—оканчиваются наши дѣйствія съ союзниками на крайнемъ востокѣ. Муравьевъ, какъ разъ передъ этимъ дѣломъ, не предвидя возможности какого либо серьезнаго столкновенія—уѣхалъ на Американскомъ коммерческомъ суднѣ „Пальмето" (1) изъ Николаевска въ Аянъ и далѣе сухимъ путемъ черезъ Иркутскъ въ Петербургъ; Вице-Адмиралъ Путятинъ, также слѣдующій туда, избралъ для этого—новый, еще ни кѣмъ не испробованный, путь по Амуру; онъ поднялся на паровомъ катерѣ „Надежда" и встрѣчая по пути массу затрудненій, въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, не доходя 300 верстъ до усть-Стрѣлки—вынужденъ былъ, за шугою (ледъ) остановиться и отсюда уже, со всѣми своими спутниками, перенося страшныя лишенія, пробираться пѣшкомъ по берегу до усть-

(1) Первое иностранное судно вошедшее съ юга въ рѣку Амуръ.

Стрѣлочной станціи ([1]); по дорогѣ, между прочимъ, близь устья рѣчки Кутоманды они встрѣтили вновь выстроенный пароходъ „Шилку“ – сидящій на мели и за наступленіемъ рѣкостава расположившійся тутъ на зимовку; такимъ образомъ, здѣсь былъ основанъ первый нашъ постъ въ верховьяхъ Амура —*Кутомандскій* (10 человѣкъ), просуществовавшій, правда, всего лишь только два года.—Такъ окончилась навигація 1855 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и пятилѣтняя безпрерывная дѣятельность Амурской экспедиціи.

Изъ отчета, представленнаго Невельскимъ, видно, что эта экспедиція, принимая въ разсчетъ и все казенное довольствіе—стоила казнѣ 64,400 руб., т. е. около 12000 руб. ([2]) въ годъ; кромѣ того, за все время дѣятельности экспедиціи умерло 12 человѣкъ и не потеряно ни одного. Вотъ, что стоило Россіи утвержденіе ея въ Приамурскомъ краѣ.

Здѣсь не безъинтересно будетъ сдѣлать выдержку изъ приложеннаго къ этому отчету особаго мнѣнія Невельскаго, касающагося главнымъ образомъ дальнѣйшаго устройства этого края.

Такъ Невельской, между прочимъ, пишетъ: „Піо-» «нерный характеръ нашихъ дѣйствій въ Приамур-» «скомъ и Приуссурійскомъ краѣ, по обширному и» «пустынному его положенію и по разнобразнымъ» «условіямъ онаго, долженъ продолжаться еще долго.» «Топоръ, заступъ и плугъ должны имѣть здѣсь пер-» «венствующее мѣсто. Команды, сюда присылаемыя,» «должны составлять здѣсь главныхъ работниковъ.» «Военная и гражданская администраціи, въ томъ» «видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ Россіи и на» «Кавказѣ, здѣсь рѣшительно не умѣстны. Рѣки» «Амуръ и Уссури, составляющія одно неразрывное» «цѣлое, являются только базисами нашихъ дѣйствій,»

([1]) При сліяніи рѣкъ Шилки и Аргуни.

([2]) Жалованье и довольствіе одного Камчатскаго Губернатора стоило гораздо дороже.

«отнюдь не обусловливая полнаго значенія для Рос-» «сіи этого края; всю-же силу края и политическую» «важность его для Россіи, какъ ясно указываетъ» «намъ настоящая война, составляетъ южное при-» «брежье Приуссурійскаго бассейна съ гаванями,» «изъ которыхъ суда, по первому повелѣнію, всегда» «могутъ выйдти въ море,—гаванями, счастливо рас-» «положенными относительно торговыхъ пунктовъ и» «торговыхъ путей по океану. Банки лимана и ме-» «ли съ неправильными быстрыми теченіями, нако-» «нецъ, пустынныя, бездорожныя, лѣсистыя и гори-» »стыя прибрежья Приуссурійскаго и Нижне-Амур-» «скаго края будутъ еще надолго составлять самую» «надеждную защиту противъ всякихъ непріязнен-» «ныхъ покушеній на этотъ край съ моря, и черезъ» «это—обезпечивать наши дѣйствія въ ономъ».

«По этому, нынѣ всѣ средства здѣсь должны быть» «употреблены отнюдь не на созданіе, совершенно» «безполезной въ этомъ краѣ, организаціи съ арміею» «военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, или на» «сооруженіе какихъ либо долговременныхъ укрѣпле-» «ній и зданій, или же наконецъ на развитіе торго-» «вли и промышленности, которая не можетъ здѣсь« «идти тѣми шагами, какими она пошла въ Сѣверо-» «Американскихъ штатахъ и въ особенности въ Ка-» «лифорніи—но они должны быть всецѣло употре-» «блены на то, чтобы были въ этомъ краѣ надле-» «жащія суда для внутреннихъ сообщеній, чтобы» «были военно-рабочія и земледѣльческія силы и ли-» «ца, могущія разъяснить богатства природы этого» «края, наконецъ необходимо здѣсь всегда имѣть нѣ-» «сколько исправныхъ во всѣхъ отношеніяхъ воен-» «ныхъ крейсеровъ, могущихъ по первому повелѣ-» «нію выйти въ океанъ. Устье рѣки Уссури здѣсь» «представляетъ центръ, изъ котораго должны исхо-» «дить пути, обезпеченные земледѣльческими посе-» «леніями, дабы расположенная въ краѣ военная на-» «ша сила могла быть обезпечена мѣстнымъ продо-»

«вольствіемъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было обез-»
«печено сообщеніе по главнымъ путямъ края, какъ-»
«то: къ Забайкальской области, устью рѣки Амура»
«и къ гаванямъ, лежащимъ на прибрежьяхъ края.»
«Вотъ въ чемъ здѣсь и состоитъ *единственная*»
«*Правительственная задача*, непосредственно истека-»
«ющая изъ всѣхъ фактовъ, добытыхъ Амурскою»
«экспедиціею, какъ первымъ дѣйствующимъ піоне-»
«ромъ этого края,—піонеромъ, указавшимъ уже на»
«важное значеніе онаго для Россіи въ политиче-»
«скомъ и экономическомъ отношеніи.»

Таковъ былъ замѣчательно вѣрный взглядъ Невельскаго на этотъ край, вполнѣ оправдавшійся въ послѣдствіи и далеко не всѣми въ то время раздѣляемый.

Между тѣмъ скопленіе значительнаго числа войскъ и въ особенности камчатскихъ жителей и служащихъ, происшедшее внезапно, сверхъ всякаго ожиданія и безъ предварительныхъ приготовленій, естественно, должно было породить многія лишенія и стѣсненія, какъ въ помѣщеніи, такъ и въ продовольствіи; въ Николаевскѣ и въ Маріинскѣ, имѣвшемъ къ веснѣ 1854 г., помѣщенія всего только на 38 человѣкъ,—къ осени того-же года потребовалось уже помѣстить болѣе 1000 человѣкъ, а черезъ годъ не болѣе—не менѣе, какъ 7000 душъ обоего пола. Всѣхъ надобно было пріютить и размѣстить, доставить всѣмъ средства къ жизни и изготовить теплыя помѣщенія—тогда, когда непріятель блокировалъ насъ со всѣхъ сторонъ, когда намъ надобно было вводить всѣ наши суда въ рѣку, имѣть въ готовности гребную флотилію и строить батареи; а отсутствіе постовъ по Амуру для внутренняго сообщенія съ Маньчжуріей и Забайкальемъ совершенно насъ отрѣзывало отъ мѣстъ, изъ которыхъ мы могли-бы восполнять наши недостатки въ продовольствіи и одеждѣ. Только благодаря необычайной энергіи, давшей возможность къ зимѣ воздвигнуть до 25 зданій, да ту-

земцамъ, охотно доставлявшимъ въ изобиліи рыбу и дичь, удалось, сравнительно, легко перенести эту первую зиму.

Наступилъ наконецъ 1856 г. памятный въ исторіи Амурскаго края.

Начался онъ, прежде всего, затопленіемъ фрегата „Паллада"—спокойно простоявшаго 17 мѣсяцевъ въ Императорской гавани; подобное дѣйствіе признавалось тогда необходимымъ изъ опасенія, чтобы фрегатъ не достался въ руки противнику, тщетно отыскивающему нашу эскадру и потому все время шнырявшему по Татарскому проливу—дѣйствіе совершенно противное мнѣнію Невельскаго, доказывавшаго неосновательность подобной мѣры особенно въ виду возможности скоро ожидаемаго перемирія или мира. Одновременно съ этимъ былъ снятъ, расположенный въ этой-же гавани, Константиновскій постъ, просуществовавшій всего $2^1/_2$ года. Послѣ двухъ Сахалинскихъ постовъ—это былъ третій постъ, постепенно снимаемый новыми хозяевами, заступившими мѣсто Амурской экспедиціи, не мало потрудившейся для занятія таковыхъ. Насколько было основательно сосредоточеніе, умышленно разбросанныхъ Невельскимъ, постовъ, проводившимъ мысль о разсредоточиваніи—служитъ то, что вскорѣ-же пришлось большую часть изъ нихъ снова занять.

Раннею весною Полковникъ Корсаковъ, спустившись по Амуру до оставленнаго Графомъ Путятинымъ (1) парохода „Надежда", пошелъ на немъ въ Айгунъ, гдѣ и объявилъ Амбаню (губернатору), что нынѣшнимъ лѣтомъ будутъ спускаться по Амуру наши суда, и что по берегамъ рѣки будутъ ставиться посты для обезпеченія нашихъ войскъ, которые будутъ возвращаться съ низовьевъ этой рѣки.

Дѣйствительно, съ открытіемъ навигаціи отправился изъ Забайкалья **третій сплавъ** подъ началь-

(1) За дѣйствія адмирала Путятина въ Японіи, даровано ему графское достоинство и 3/т. руб. пенсіона.

ствомъ, состоявшаго для особыхъ порученій при Генералъ-Губернаторѣ, Подполковника Буссе—въ составѣ 110, различнаго рода лодокъ, баржъ и плотовъ; съ этимъ сплавомъ прибыло 1636 человѣкъ нижнихъ чиновъ—13 и 14 линейныхъ баталіоновъ при 24 офицерахъ и 289750 пудовъ разнаго груза.

Подполковникъ Буссе, спускаясь по Амуру, между прочимъ, поставилъ четыре новыхъ поста: *Кумарскій* (25 человѣкъ), противъ устья рѣки Кумары; *Усть-Зейскій* (50 человѣкъ), близъ устья рѣки Зеи; *Хинганскій* (24 человѣка), при входѣ въ малый Хинганъ и *Сунгарійскій* (24 человѣка) на устьѣ р. Сунгари. Такое число и распредѣленіе постовъ не вполнѣ соотвѣтствовало огромному протяженію рѣки, и особенно характеру ея, такъ какъ подъемъ по Амуру, по причинѣ большаго количества извилистыхъ и быстрыхъ протокъ, весьма затруднителенъ, а необходимость совершать плаваніе только на легкихъ гребныхъ судахъ—не позволяла имѣть всегда съ собою достаточнаго количества провизіи; необходимо было по этому поставить еще покрайней мѣрѣ три поста, чтобы войска подымающіяся вверхъ по Амуру, особенно въ значительномъ числѣ, не очутились-бы въ критическомъ положеніи, какъ то дѣйствительно и случилось съ однимъ изъ нашихъ отрядовъ, возвращавшихся въ концѣ лѣта изъ Маріинскаго поста въ Забайкалье по случаю прекращенія военныхъ дѣйствій и заключенія нами мира. Разумѣется, при постановкѣ постовъ и не предвидѣлось даже возможности возвращенія сразу такой массы войскъ, каковая въ дѣйствительности прошла и каковая была, между прочимъ, одною изъ причинъ той катастрофы, которая постигла нашъ послѣдне возвращавшійся отрядъ и предупредить которую, оставленіемъ отряда на зимовку въ Николаевскѣ, гдѣ продовольствія имѣлось въ обрѣзъ—не было возможности.

Войска, предназначенныя къ возвращенію въ Забайкалье, подъ общимъ начальствомъ

Полковника Сеславина, на легкихъ гребныхъ судахъ, пріобрѣтенныхъ большею частію отъ туземцевъ, выступили изъ Маріинскаго поста въ исходѣ Іюля тремя отрядами: *первый отрядъ*—въ составѣ двухъ ротъ 14 линейнаго баталіона, взвода горной артиллеріи и казачей сотни, въ числѣ около $^{1}/$т. человѣкъ, подъ начальствомъ самого Сеславина, не смотря на массу встрѣченныхъ въ пути затрудненій, прибылъ благополучно въ Забайкалье еще до наступленія зимняго времени; *второй отрядъ*—въ составѣ двухъ ротъ 13 линейнаго баталіона и сотни казаковъ—въ числѣ 819 человѣкъ, подъ командою командира 14 линейнаго баталіона Маіора Языкова, хотя и пришелъ въ Забайкалье почти что вслѣдъ за первымъ отрядомъ, но благодаря, главнымъ образомъ недостатку въ пропитаніи—перенесъ кучу лишеній; а между Кутомандскимъ и Усть-Стрѣлочнымъ постами—даже голодалъ; столь незавидное положеніе не замедлило тотчасъ-же отозваться на чинахъ отряда, вызвавъ сначала болѣзненность, а затѣмъ и смертность; вслѣдствіе чего этотъ отрядъ по приходѣ къ мѣсту своего постояннаго квартированія не досчитался 96 человѣкъ.

Можно себѣ теперь представить, что пришлось перенести *третьему отряду*, выступившему въ самомъ концѣ Іюля мѣсяца на утлыхъ лодченкахъ, набранныхъ уже съ величайшимъ трудомъ и двинувшемуся въ путь по дорогѣ, пропустившей двѣ тысячи ртовъ и обезпеченной на протяженіи 2340 верстъ—какими-то пятью жалкими постами, скромные запасы которыхъ къ тому времени были почти, что съѣдены. Дѣйствительно, этотъ отрядъ въ составѣ двухъ ротъ 14 линейнаго баталіона и полуроты 13 баталіона, въ числѣ 370 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 9 офицеровъ, подъ начальствомъ командира 13 линейнаго баталіона Полковника Облеухова, выступивъ 27 Іюля изъ Маріинскаго поста, достигъ Усть-Стрѣлочнаго караула лишь только 16

Декабря—пробывъ въ пути 143 дня и выдержавъ въ теченіи этого времени, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сорока-дневный постъ—не имѣющій себѣ равнаго въ исторіи и стоившій намъ 102 жертвъ, т. е. почти цѣлой трети всего отряда.

Нѣкоторые изъ участниковъ этого похода, такъ расказываютъ пережитые ими страдные дни: «отрядъ, безъ особенныхъ приключеній, имѣя доста-» «точный запасъ продовольствія, достигъ 8 Октяб-» «ря—въ назначенный срокъ—Кумарскаго поста.» «Отойдя отъ него верстъ пять, по случаю сильной» «шуги—принужденъ былъ тотчасъ-же вернуться» «обратно, вырыть землянки и ожидать, какъ гово-» «рится, „у моря погоды" т. е. рѣкостава; авангардъ» «этого отряда былъ остановленъ въ 15 верстахъ» «выше Кумары. Простоявъ здѣсь въ полномъ без-» «дѣйствіи около трехъ недѣль—28 Октября, лишь» «только стала рѣка, не теряя ни одной минуты,» «бросивъ свои лодки, отрядъ совершенно на легкѣ» «тронулся далѣе; дѣйствительно было легко: впере-» «ди предстояло 400 верстъ труднаго зимняго пути,» «а отрядъ имѣлъ на себѣ едва лишь только двухъ-» «недѣльный запасъ продовольствія, да кромѣ по-» «тертой обуви и поношенныхъ шинелишекъ—ровно» «ничего.»

«Съ 3 Ноября люди стали получать уже поло-» «винную дачу сухарей, а съ 6 Ноября, когда вы-» «шелъ весь чай, стали варить сухую траву и» «древесную кору; къ этому—приходилось идти» «еще при 20° мороза, ночевать все время въ» «полѣ, подъ открытымъ небомъ у костра, разгребая» «снѣгъ; вся одежда оборвалась и постоянно намока-» «ла отъ падавшаго снѣга; замѣнить-же ее было не-» «чѣмъ. Съ 9 Ноября начали уже попадаться отста-» «лые отъ авангарда; это были не люди, а живые» «мертвецы, поддерживающіе свое жалкое существо-» «ваніе еще уцѣлевшими ранцевыми ремнями. Оче-»

«видно всему отряду предстояла впереди таже ужа-»
«сная участь голодной смерти; но къ счастію сол-»
«датамъ было извѣстно, что вблизи р. Кутоманды»
«осталась отъ сплава на мели баржа съ мукою, за»
«которой уже было отправлено три человѣка впередъ.»
«Всѣ жили надеждою, всѣхъ занималъ только одинъ»
«вопросъ—не взята-ли мука возвращавшимися впе-»
«реди частями войска? но одною надеждою, видно»
«долго не проживешь:—для болѣе проголодавшихся»
«наступили послѣднія тяжелыя минуты. Слабыя-же»
«натуры, видѣвшія эту ужасную смерть, не выдер-»
«живали и съ отчаянія, спасая свою жизнь, броса-»
«лись на своихъ умершихъ товарищей и грызли»
«ихъ. Наконецъ нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ,»
«пробывъ уже 8 сутокъ безъ всякой пищи и от-»
«ставъ немного отъ своего отряда, дошли до тако-»
«го состоянія, когда человѣкъ не разсуждаетъ,—»
«когда онъ уподобляется звѣрю . . . . . Настала»
«страшная минута; былъ брошенъ жребій и невинно»
обреченная жертва человѣческаго умоизступленія,»
«пала въ одно мгновеніе подъ ударомъ ружейнаго»
«приклада . . . . . Вслѣдъ затѣмъ началась одна изъ»
«тѣхъ возмутительныхъ сценъ, которыя уже не под-»
«даются никакому описанію(1) . . . . Что было-бы даль-»
«ше, трудно сказать; но вотъ 15 Ноября блеснулъ лучъ»
«надежды на скорое спасеніе; отрядъ встрѣтилъ,»
«наконецъ, возвращавшагося отъ Кутоманды»
«солдата Толстихина, который везъ на 6 ло-»
«шадяхъ муку и раздавалъ ее отставшимъ, спаса-»
«сая тѣмъ ихъ отъ грозившей имъ, неминуемо-голод-»
«ной смерти. Всѣ повеселѣли, подтянулись и пошли»
«бодрѣе; черезъ четыре дня, 19 Ноября, отрядъ»
«былъ уже въ Кутомандскомъ посту—сдѣлавъ та-»
«кимъ образомъ этотъ нечеловѣческій переходъ въ»
«теченіи 22 дней, что въ среднемъ составило по»
«18 верстъ въ сутки. Отдохнувъ здѣсь и подкрѣ-»
«пивъ свои силы въ теченіи нѣсколькихъ дней—»
«тронулись далѣе; шли все время въ проголодь, но го-»

(1) Таково преданіе на Амурѣ.

«лодать уже не приходилось; особенно жутко было» «отъ страшныхъ морозовъ: обогрѣться можно было» «только на ночлегѣ у костра, да и то не на долго,» «а платье и обувь до того износились, что едва» «только прикрывали тѣло; по этому вскорѣ появи-» «лись люди съ отмороженными оконечностями и» «этихъ несчастныхъ, за неимѣнiемъ средствъ взять» «съ собою, приходилось оставлять въ пути на вѣр-» «ную смерть; такъ, 12-го Декабря оставили въ» «дорогѣ 24 человѣка съ отмороженными ногами,» «изъ коихъ почти всѣ до одного умерли. Наконецъ» «16 Декабря, отрядъ кое-какъ дотащился до Усть-» «Стрѣлочнаго караула, употребивъ для этого болѣе» «20 сутокъ, или иначе говоря, дѣлая въ среднемъ» «уже не болѣе 10 верстъ въ сутки. Казалось, еще» «одинъ такой переходъ и отряда не существовало-» «бы. Но какъ бы тамъ ни было, а новый годъ» «уже встрѣтили на своихъ квартирахъ; но и тутъ» «не пришлось порядкомъ отдохнуть—нужно было» «готовиться къ смотру; а въ тѣ времена это было» «дѣломъ не легкимъ, особенно послѣ такого похода,» «когда не въ чѣмъ было показаться на глаза на-» «чальству.

Ну! за то-жъ и досталось на смотру; всѣмъ по-» «пало за дурной видъ людей, да плохую одежду» «и обувь; а за недостачу ранцевыхъ ремней и» «суммъ кой-кому пригрозили и судомъ. Потомъ» «еще долго расказывали по секрету: будто-бы послѣ» «смотра нѣкоторыхъ таскали къ допросу по дѣ-» «лу о съѣденiи какого-то юнкера“, но такъ какъ» «виноватыхъ и свидѣтелей не оказалось, то и дѣло» «прекратили.»

И такъ, этотъ первый походъ нашихъ войскъ вверхъ по Амуру—ясно показалъ, что подъемъ людей, особенно въ значительныхъ массахъ безъ паровыхъ средствъ и при существующемъ числѣ постовъ, можетъ быть далеко не безопаснымъ и даже гибельнымъ.

Къ концу этого—56 г., за возвращеніемъ частей войскъ въ Забайкалье, на устьѣ Амура остались: 15 Сибирскій линейный баталіонъ, 6-я сотня, вновь образуемаго Амурскаго коннаго казачьяго полка и 4 горныхъ орудія; это былъ первый военный отрядъ, который по окончаніи войны признано было необходимымъ оставить въ нижне-Приамурскомъ краѣ, какъ доказательство того, что Россія фактически признала его своимъ. Всѣ послѣдующія распоряженія Правительства должны были китайцевъ еще болѣе въ этомъ утвердить: такъ, между прочимъ, въ концѣ этого-же года состоялось утвержденіе проекта положенія объ Амурской линіи, которая учреждалась по лѣвому берегу р. Амура, между Усть-Стрѣлочнымъ карауломъ и Маріинскимъ постомъ, для связи между Забайкальскою и вновь учрежденною Приморскою областями; для заселенія этой линіи предназначались конныя и пѣшія казаки Забайкальскаго казачьяго войска, а мѣстопребываніемъ начальника этой линіи, пользующагося правами бригаднаго командира и подчиненнаго Военному Губернатору Забайкальской области, назначалась станица ([1]) близь Маньчжурскаго города Сахалянъ-ула-хотонь; утвержденіе Приморской области, съ составъ которой должны были войти Камчатка, все прибрежье Охотскаго моря съ Удскимъ краемъ и всѣ занятыя нами мѣста въ низовьяхъ Амура и вдоль Татарскаго пролива; причемъ главнымъ центромъ ея назначался Николаевскій постъ, переименованный въ городъ „Николаевскъ на Амурѣ"; вмѣсто Адмирала Завойко Губернаторомъ области назначался Капитанъ 1-го ранга Казакевичъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ быть и командиромъ Сибирской флотиліи ([2]) и портовъ Восточнаго океана.

([1]) Гдѣ нынѣ стоитъ г. Благовѣщенскъ.

([2]) Бывшей Камчатской флотиліи, изъ состава которой фрегатъ „Аврора" корветъ „Оливуца" и транспортъ „Двина" передъ закрытіемъ навигаціи были, отправлены въ Кронштатъ.

Такимъ образомъ учрежденіемъ этой новой области нижне-Приамурскій край уже оффиціально присоединялся къ русскимъ владѣніямъ, а установленіемъ Амурской линіи—признавалась полная зависимость его и устья р. Амура отъ Россіи. Кромѣ того, въ видахъ установленія болѣе правильнаго сообщенія—въ этомъ-же году, между Николаевскомъ и Маріинскомъ, были выстроены почтовыя станціи, а изъ Америки получены, для плаванія по Амуру, два рѣчныя парохода: „Амуръ" и „Лена".

Этимъ собственно говоря и заканчивается знаменательный въ исторіи Амурскаго края 1856 годъ. Въ этомъ году Россія окончательно и безповоротно признала его своимъ, хотя договоровъ на этотъ счетъ еще не существовало; въ этомъ-же году сошли со сцены всѣ первые Амурскіе дѣятели, явившіеся сюда по своему личному почину, дѣйствовавшіе внѣ всякихъ повелѣній на свой страхъ по своему усмотрѣнію и въ концѣ концовъ разъяснившіе намъ всю важность и все значеніе его; наконецъ въ этомъ-же году на мѣста первыхъ піонеровъ нахлынули новыя свѣжія лица, прибывшія сюда уже по назначенію Правительства и положившія начало новой обширной дѣятельности: административнаго устройства и заселенія сего края.

Для разрѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ между Россіею и Китаемъ, въ число которыхъ входилъ и вопросъ о занятіи нами Амура —былъ назначенъ Графъ Путятинъ. Муравьевъ крайне не сочувствовалъ этому посольству, такъ какъ опасался, что Китайцы станутъ упорствовать въ несогласіи на установленіи границы по Амуру, а слѣдовательно, эти дипломатическіе переговоры лишь только повредятъ дѣлу; кромѣ того, эти переговоры невольно пріостанавливали, предполагаемое имъ въ навигацію 1857., переселеніе трехъ казачьихъ сотенъ на Амуръ.

Излагая свои соображенія по этому поводу въ рапортѣ къ Военному Министру, онъ въ то же время писалъ ему письмо, гдѣ, между прочимъ, высказывалъ:

«До сихъ поръ мы дѣйствовали на Амурѣ не» «прерывая дружескихъ отношеній съ сосѣдями и» «имѣя полное на нихъ вліяніе. Въ 1850 году» «мы стали у устья рѣки, въ—51 и—52 годахъ» «осмотрѣлись и заняли нужные пункты вверхъ по» «рѣкѣ, въ—53 г. заняли южную оконечность острова» «Сахалина, въ—54 г. проплыли по всей рѣкѣ одинъ» «разъ, въ—55 г. стали плавать взадъ и впередъ, въ» «56 г. продолжали плавать и разставили по всему» «лѣвому берегу казачьи посты. Китайцы никогда и» «ни на что не давали своего согласія, но никогда» «не смѣли дѣйствіямъ нашимъ препятствовать, а» «напротивъ, помогали намъ съ немаловажными для» «себя издержками, и я не имѣю ни малѣйшаго со-» «мнѣнія, что мы также покойно и дружно поселили-» «бы на избранныхъ мѣстахъ казаковъ съ ихъ се-» «мействами въ нынѣшнемъ году, если-бы продолжа-» «ли слѣдовать съ тою-же постепенностью, не входя» «въ безполезныя разсужденія съ ними, ибо много-» «лѣтній опытъ доказалъ намъ, что съ китайцами» «надобно *дѣйствовать*, а не говорить». Такъ Муравьевъ смотрѣлъ на свои отношенія къ китайцамъ, такъ онъ съ ними и поступалъ—почему они его сильно побаивались; къ тому-же видя въ немъ начальника крайне энергичнаго, а въ случаѣ надобности и готоваго рѣшиться на все—боялись его прогнѣвить, почему также весьма часто, помимо своего желанія, и соглашались съ его требованіями.

Вслѣдъ за полученіемъ рапорта и письма въ Петербургѣ [1] тотчасъ-же послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе

[1] Рапортъ Муравьева былъ отправленъ 28 Февраля, а Высочайшая резолюція на него послѣдовала уже 19 Марта. Характерный примѣръ, предѣла той быстроты, въ сношеніяхъ Иркутска съ Петербургомъ, котораго достигъ Муравьевъ; быстрота почти равняющаяся средней скорости желѣзно-дорожнаго сообщенія; этой почти легендарной быстротою, особенно отличался адъютантъ Муравьева Полковникъ Корсаковъ

произвести заселеніе лѣваго берега Амура казаками, нынѣ-же лѣтомъ 1857 г., не смотря на то, что отвѣта отъ Китайскаго Правительства на наши предложенія о переговорахъ—еще не послѣдовало. Такимъ образомъ съ открытіемъ навигаціи послѣдовалъ **четвертый сплавъ** по Амуру, трехъ сотенъ Амурскаго казачьяго полка, въ числѣ 450 семей, предназначенныхъ для заселенія лѣваго берега Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до впаденія р. Уссури и семей 6-й сотни—поселенной еще въ—55 г. въ станицѣ Сучи, что противъ Маріинскаго поста; сплавъ-же разныхъ казенныхъ грузовъ на этотъ разъ, въ видѣ опыта произведенъ былъ съ подряда, двумя Иркутскими купцами ([1]). Кромѣ того, съ этимъ сплавомъ было отправлено на поселеніе въ Николаевскъ еще 60 женщинъ изъ ссыльно-каторжныхъ для исполненія ими обязанностей женской прислуги, въ которой тамъ ощущался страшный недостатокъ. Наконецъ 28 Мая изъ Шилкинскаго завода отплылъ и самъ Муравьевъ; съ нимъ вмѣстѣ слѣдовалъ Графъ Путятинъ, не получившій еще до сего времени отъ Китайскаго Правительства разрѣшенія ѣхать въ Пекинъ, а потому ѣдущій къ устью Амура и далѣе моремъ въ Печелійскій заливъ, чтобы попасть въ столицу Китая съ другаго конца. Вмѣстѣ съ ними слѣдовали два линейныхъ баталіона (№№ 13 и 14), полевой дивизіонъ и два горныхъ орудія, 2-й легкой батареи—какъ мѣра предосторожности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ прикрытіе и содѣйствіе переселяющимся казакамъ при устройствѣ ими своихъ жилищъ и пашень.

Генералъ-Лейтенантъ Муравьевъ пробылъ все лѣто на Амурѣ, и побывалъ на устьѣ р. Буреи и въ Хинганскомъ хребтѣ,—лично указывая мѣста для заселенія казаковъ; ко времени-же возвращенія его съ Амура на пути отъ Хингана до Усть-Стрѣлки—стояло уже 11-ть станицъ. Одно-

([1]) Серебряковымъ и Зиминымъ.

временно съ Муравьевымъ возвратился на зимовку въ Шилкинскій заводъ и 13 линейный баталіонъ; 14—же баталіонъ съ дивизіономъ легкой артиллеріи и 2 горными орудіями были оставлены въ усть-Зейской станицѣ, увеличивъ такимъ образомъ численность войскъ этого края по сравненію съ прошедшимъ годомъ—вдвое.

Тѣмъ временемъ, графъ Путятинъ, узнавъ, что въ Айгунѣ не получено на его имя никакихъ бумагъ изъ Пекина, прослѣдовалъ далѣе въ Николаевскъ, пересѣлъ на пароходъ „Америку" и направился къ берегамъ Китая; по пути, 14 Іюля, открылъ заливъ Св. Владиміра, (1) отправилъ лейтенанта Рудановскаго на островъ Сахалинъ снова поставить постъ на устьѣ р. Кусунай изъ 15 человѣкъ (2) и 24 Іюля достигнувъ р. Пейхо вошелъ въ сношеніе съ Китайскими властями. Китайское Правительство, усматривая, что мы основаніемъ нашихъ постовъ въ низовьяхъ р. Амура и по прибрежью Приамурскаго края сознали, наконецъ, права наши на этотъ край и видя, что начиная основывать военныя поселенія по берегамъ рѣки, мы принимаемъ уже рѣшительныя мѣры къ прочному водворенію въ этомъ краѣ и не желаемъ дѣлать ни уступокъ, ни замедленій прислало наконецъ сказать, что „изъ возникшихъ недоразумѣній не приходится ему разрывать съ нами двухсотлѣтнюю дружбу."—Да и другаго отвѣта нельзя было ожидать, такъ какъ съ одной стороны, Муравьевъ, въ теченіи какихъ нибудь семи лѣтъ, успѣлъ изъ ничего собрать и поставить на границѣ

(1) Заливъ „Св. Ольги," равно, какъ и заливъ „Посьета" были имъ еще открыты въ 1854 году на пути изъ Японіи въ Императорскую гавань.

(2) Одновременно съ этимъ въ Императорской гавани возобновленъ Константиновскій постъ. Очевидно новые дѣятели начали уже убѣждаться въ справедливости представленій Невельскаго, что намъ отнюдь не должно ограничиваться лѣвымъ берегомъ р. Амура, а непремѣнно имѣть за собою бассейнъ рѣки Уссури съ его прибрежьями до Корейской границы, что при маломъ числѣ войскъ требовало разсредоточенія.

Маньчжуріи и Монголіи 22/т. войска съ 40 орудіями, (1) готовыхъ по первому требованію двинуться внутрь этихъ провинцій и разорить ихъ, а съ другой стороны стоялъ графъ Путятинъ, въ ожиданіи прибытія изъ Кронштата семи военныхъ винтовыхъ судовъ, предназначенныхъ на службу въ Сибирскую флотилію. Китай не такое государство, съ которымъ можно было-бы тогда ограничиться дипломатической перепиской—ему нужно было показать могущество, силу Россіи, и какъ только онъ провѣдалъ объ этомъ, то сейчасъ-же и перемѣнилъ тонъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дальнѣйшихъ событій, имѣвшихъ уже мѣсто въ слѣдующемъ году, должно еще упомянуть, что въ навигацію того же—57 г. посѣтило Николаевскъ 7 иностранныхъ кораблей и въ эту же навигацію, въ первый разъ по Амуру, на пароходахъ „Амуръ" и „Лена", было доставлено въ Сибирь незначительное количество товаровъ.

Съ открытіемъ-же навигаціи 1858 г., раннею весною, Генералъ-Губернаторъ Муравьевъ, въ сопровожденіи Преосвященнаго Архіепископа Иннокентія, отправился на Амуръ для переговоровъ съ китайскими посланцами въ г. Сахалянъ-ула-хотонь. 21 Апрѣля онъ былъ уже въ Стрѣтенскѣ, откуда, между прочимъ, писалъ Военному Министру Генералу Сухозанету: «Льды на рѣкахъ нашихъ вскрылись, и я сегодня» «отправляюсь изъ Забайкальской области на Амуръ.»

---

(1) Къ концу 1857 г. находилось на границахъ Маньчжуріи и Монголіи:

13, 14, 15 и 16 линейные баталіоны			4/т.
12 пѣшихъ баталіоновъ Забайкальскаго казачьяго войска			12/т.
Батарейныхъ орудій	8	Линейной Забайкальской артиллерійской бригады	
Легкихъ орудій	24		
Горныхъ орудій	8		1/т.
	40 орудій.		
6 конныхъ полковъ Забайкальскаго казачьяго войска			5/т.
		Всего:	22/т.
Сверхъ того изъ Иркутской и Енисейской губерніи могло быть двинуто въ случаѣ надобности за границу еще			1/т.

«Генералъ Корсаковъ отправится туда-же, когда»
«окончитъ всѣ приготовленія къ огромному сплаву»
«нынѣшняго года и застанетъ меня, вѣроятно, еще»
«въ Усть-Зейской станицѣ, гдѣ я долженъ сдѣлать»
«окончательныя распоряженія къ занятію вдругъ»
«всей нашей линіи по лѣвому берегу Амура и пра-»
«вому берегу Уссури. Въ Айгунѣ, конечно, ждетъ»
«меня со стороны Китая Амурскій Главнокоманду-»
«ющій, и будутъ, вѣроятно, возбуждены погранич-»
«ные вопросы, судя по послѣднему „листу" изъ»
«Китайскаго трибунала въ нашъ Сенатъ. Пла-»
«ваніе мое по Амуру и далѣе продолжится, вѣроятно,»
«до Августа мѣсяца, въ половинѣ коего я надѣюсь»
«быть обратно въ Иркутскѣ, но прежде того будутъ»
«отъ меня донесенія въ С.-Петербургъ—съ устья»
«Зеи и съ устья Амура. Совершенная неизвѣст-»
«ность о томъ, что дѣлается въ китайскихъ моряхъ»
«послѣ взятія Кантона ([1]), много затрудняетъ меня»
«въ предстоящихъ переговорахъ, если они должны»
«быть въ передній путь мой по Амуру т. е. прежде,»
«чѣмъ я получу на устьѣ извѣстія отъ графа Пу-»
«тятина; почты изъ Петербурга ходятъ очень дурно»
«и постоянно годъ отъ году хуже, такъ что необ-»
«ходимо было-бы, по крайней мѣрѣ съ важнѣйши-»
«шими политическими извѣстіями, посылать ко»
«мнѣ фельдъегерей до Иркутска, а здѣсь уже не»
«замедлятъ доставлять ихъ ко мнѣ, гдѣ-бы я ни»
«находился, ибо огромныя наши пространства дав-»
«но уже выучили насъ дорожить временемъ; спасе-»
«ніемъ Камчатки въ-54 году и нашей эскадры въ»
«-55 году—обязаны мы этой наукѣ. Не дремлетъ»
«также и Амурская компанія, она уже заказала въ»
«Бельгіи пять рѣчныхъ пароходовъ: три большихъ»
«буксирныхъ—для себя и два почтовыхъ—для насъ;»
«разумѣется эти послѣдніе—на наши Амурскія»

([1]) Кантонъ былъ взятъ 30 Декабря 1857 г. союзной Англо-Французской эскадрой, добивавшейся открытія Китайскихъ портовъ для торговли.

«суммы(¹); всѣ эти пароходы въ будущемъ году будутъ» «на Амурѣ, гдѣ, между тѣмъ, отъ Николаевска и до» «Уссури (около 1000 вер.) откроется правильное поч-» «товое сообщеніе, а отъ устья Уссури до Забайкаль-» «ской области оно пойдетъ по казачьимъ станицамъ;» «впрочемъ, и нынѣ уже извѣстія съ устья Зеи по-» «лучаются въ Иркутскѣ (около 2500 вер.) въ двѣ» «недѣли. Кромѣ переселенія на Амуръ казаковъ, я» «оставляю тамъ-же на постоянныхъ квартирахъ 13» «и 14 линейные баталіоны съ легкою батареею пѣ-» «шей артиллеріи; устройство ихъ и пособіе имъ для» «этого передвиженія дѣлаются изъ Амурскихъ суммъ,» «но конечно, безъ форменныхъ проектовъ и смѣтъ» «на постройки, а то-бы Амурскія суммы не выдер-» «жали этихъ расходовъ. Амурскія-же обстоятель-» «ства укажутъ мнѣ въ какой степени будетъ необ-» «ходимъ пріѣздъ въ Петербургъ въ концѣ нынѣш-» «няго года—мой или Генерала Корсакова; но по положе-» «нію дѣлъ въ краѣ, вообще, я чувствую большую надоб-» «ность прожить въ Восточной Сибири хоть одинъ цѣ-» «лый годъ, и конечно я не принесу въ жертву семей-» «нымъ обстоятельствамъ пользу края, какъ ни тяже-» «ло мнѣ быть такъ долго въ разлукѣ съ женою.»»

(¹) Обремененіе Государственнаго Казначейства, огромными расходами по случаю Восточной войны, побудило Муравьева для расходовъ по устройству вновь пріобрѣтеннаго края испросить разрѣшенія Правительства изъ остатковъ, образующихся отъ сокращенія расходовъ по Управленію Восточною Сибирью и частныхъ пожертвованій--составить особый военный капиталъ, на что и послѣдовало 11 Января 1854 г. Высочайшее разрѣшеніе. Этотъ капиталъ и былъ главнымъ и почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго черпалась большая часть всѣхъ расходовъ по занятію и устройству Приамурскаго края. Къ 1 Января 1860 г., было въ приходѣ всего 836,588 рублей

Израсходовано:

1) На постройку батарей и казенныхъ помѣщеній на устьѣ Амура — — — — — —	43.271	руб.
2) На постройку парохода „Шилка" — — —	41,801	»
3) Содержаніе крейсеровъ въ Охотскомъ морѣ — —	25,409	»
4) Переселеніе Амурскаго коннаго казачьяго полка съ полнымъ хозяйствомъ и двухъ-лѣтнимъ продовольствіемъ —	117,725	»
5) За 6 рѣчныхъ пароходовъ — — — —	137,065	»
6) На Уссурійскую ученую экспедицію — — —	10,000	»
7) Подарки Маньчжурскимъ чиновникамъ, прогоны лицамъ, командированнымъ на Амуръ и на мѣстные расходы Губернаторамъ Амурской и Приморской областей — —	195,571	»
Итого израсходовано —	570,842	руб.
Къ 1-му Января 1860 года осталось — — —	265,746	руб.

9 Мая Муравьевъ находился уже въ Усть-Зейской станицѣ, гдѣ въ этотъ день Преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ заложенъ храмъ во имя Благовѣщенія Господня. Въ виду особенныхъ выгодъ мѣстоположенія Усть-Зейской станицы, при сліяніи р.р. Амура и Зеи, среди довольно густаго населенія, дѣлающихъ этотъ пунктъ важнымъ въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ и представляющихъ всѣ условія для быстраго и успѣшнаго развитія станицы въ значительный населенный пунктъ, Муравьевъ вошелъ съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на образованіе изъ усть-Зейской станицы города Благовѣщенска.

На другой день послѣ этого, Генералъ-Губернаторъ на своемъ катерѣ, въ сопровожденіи двухъ большихъ вооруженныхъ лодокъ, все время сопровождавшихъ его по Амуру, отправился въ Айгунъ, на обѣдъ къ Амбаню, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ настойчиво просилъ его отсрочить дальнѣйшее плаваніе и пожаловать къ нему, чтобы имѣть возможность переговорить съ Цицикарскимъ Главнокомандующимъ и уполномоченнымъ—княземъ И-Шанъ, прибывшимъ сюда по вопросу о разграниченіи земель. Маньчжуры еще заранѣе просили позволенія принять Муравьева съ подобающими, высокому сановнику, почестями и салютомъ, на что онъ изъявилъ свое согласіе; поэтому при вступленіи его на берегъ, показался въ сторонѣ дымъ и послышался слабый трескъ; пушекъ, какъ видно, у нихъ не было, но судя по звуку, можно было предполагать, что это были маленькія мортирки. Съ нашей стороны вооруженные катера отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ орудій, громкій звукъ которыхъ ихъ не мало озадачилъ, почему впослѣдствіи, когда Муравьевъ хотѣлъ салютовать въ честь заключеннаго трактата, они просили не стрѣлять, прибавивъ при этомъ: „Мы чиновники, да и наши военные не любятъ выстрѣловъ.“

По прибытіи во дворецъ Амбаня—при чемъ Муравьевъ ѣхалъ въ парадной одноколкѣ, а свита (1) его верхами—онъ былъ встрѣченъ самимъ хозяиномъ у однихъ изъ наружныхъ воротъ дома. Послѣ обычнаго привѣтствія и обмѣна разныхъ любезностей съ находившимся уже тамъ Цзянь-Цзюномъ (Главнокомандующій) И-Шанъ--началось угощеніе, состоявшее изъ безконечнаго числа разнообразныхъ китайскихъ блюдъ, приправляемыхъ неоднократно Майгалой (теплая рисовая водка). Обѣдъ кончился въ 7-мъ часу вечера, при чемъ сообщено было другъ другу масса новостей и наговорена куча любезностей, а о главномъ дѣлѣ ни полъ слова.

На другой день, 11 Мая, въ 10 часовъ утра, какъ это и было условлено наканунѣ, Муравьевъ со свитою снова прибылъ въ домъ Амбаня—приступивъ, на этотъ разъ, уже прямо къ переговорамъ, по окончаніи коихъ представилъ китайскому уполномоченному заблаговременно написанный проектъ пограничной черты по Амуру, Уссури и по рѣкѣ Тюмень-ула, до моря (2), предложивъ ему обсудить его на досугѣ и пообѣщавъ въ тоже время прислать завтра—проектъ самого договора. Уѣзжая къ себѣ

(1) Свиту составляли: приставъ духовной миссіи въ Пекинѣ Перовскій, Генеральнаго Штаба Подполковникъ Будоговскій, секретарь по дипломатической части Бютцовъ, переводчикъ маньчжурскаго языка Шишмаревъ, чиновники особыхъ порученій: Гурьевъ, Корчевскій и Карповъ и адъютантъ Поручикъ Котлубацкій.

(2) Совершенно вѣрное примѣчаніе Невельскаго, оправдавшееся впослѣдствіи: нельзя не высказать здѣсь, что подъ вліяніемъ укоренившагося неправильнаго мнѣнія, что рѣки должны составлять пограничныя черты, сдѣлали здѣсь величайшую ошибку, упуская изъ вида слѣдующія весьма важныя для края обстоятельства: по праву Нерчинскаго трактата, граница наша въ при-Уссурійскомъ краѣ, о чемъ я, неоднократно представлялъ и объяснялъ, должна идти по Хингану, перебрасывающемуся черезъ рѣки Амуръ и Сунгари и отдѣляющему весь бассейнъ рѣки Уссури въ наши владѣнія. Положить границу этимъ хребтомъ для насъ было-бы весьма важно во первыхъ потому, что рѣка Сунгари, при сліяніи съ рѣкою Амуръ, составляетъ огромную низменную болотистую долину, изрѣзанную протоками, и только у упомянутыхъ горъ, входя въ свои берега, представляетъ для насъ самый важный стратегическій пунктъ; во вторыхъ, потому, что правые значительные притоки рѣки Уссури образуютъ превосходныя долины для поселеній и мѣстности, по которымъ идутъ ближайшіе береговые пути въ Маньчжурію, т. е. мѣстности представляющія для насъ важные стратегическіе пункты; въ третьихъ, потому, что владѣя всѣмъ бассейномъ рѣки Уссури и отклоняя границу къ хребту, мы избѣжали-бы различныхъ непріятныхъ по р. Уссури береговыхъ столкновеній и стѣсненій. Можно сказать съ увѣренностью, что со стороны китайцевъ не было-бы при этомъ затрудненія, ибо они жалѣли только лишь о части Дауріи т. е. лѣвомъ берегѣ Амура до Хингана.

онъ просилъ Цзянь-Цзюня посѣтить его, назначивъ для того 4 часа по полудни. Дѣйствительно въ назначенное время князь И-Шанъ былъ принятъ Муравьевымъ у себя на катерѣ съ большимъ почетомъ; ему было предложено обильное угощеніе и музыка, которая по видимому ему очень понравилась—особенно веселые мотивы русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, которые по его желанію, повторялись нѣсколько разъ.

На другой день, 12 Мая, согласно обѣщанію былъ отправленъ Цзянь-Цзюню проектъ договора, состоявшій изъ пяти пунктовъ; по прочтеніи его китайскіе уполномоченные прежде всего рѣшительно отказались отъ включенія въ договоръ пятаго пункта, которымъ назначался пересмотръ прежнихъ трактатовъ, относительно торговыхъ сношеній и сообщеній съ Пекиномъ, отправленія миссій, пословъ, курьеровъ и прочаго. ссылаясь на то, что по этимъ предметамъ они не имѣютъ полномочій. Затѣмъ, желая по возможности оттянуть время,—начали рядъ обычныхъ увертокъ и придирокъ къ словамъ самого договора; словомъ начался рядъ безцѣльныхъ разговоровъ и разсужденій, занявшихъ собою этотъ и весь слѣдующій день.

Муравьевъ видя, что маньчжуры только оттягиваютъ время и что обыкновеннымъ путемъ никакого толка отъ нихъ не добьешься,—рѣшилъ измѣнить характеръ переговоровъ, давъ имъ другой оборотъ. Въ этихъ видахъ онъ 14 Мая прибылъ въ Айгунъ и предложилъ имъ въ теченіи сутокъ дать свое согласіе по всѣмъ пунктамъ договора, обѣщая въ противномъ случаѣ прекратить всякіе переговоры и продолжать свой путь далѣе къ Николаевску.

Вслѣдствіе этого, на другой день, китайцы прибыли на баржу къ Генералъ-Губернатору для окончательнаго соглашенія по всѣмъ договорнымъ статьямъ проекта, за исключеніемъ впрочемъ пятаго пункта объ изъятіи котораго соглашеніе между обѣими сторонами состоялось уже ранѣе; при этомъ, они убѣдительно просили, что-бы слово граница въ Уссу-

рійскомъ краѣ было вычеркнуто и чтобы эти земли впредь до утвержденія договора въ Пекинѣ оставить безъ разграниченія ([1]). Муравьевъ, согласившись на это, въ свою очередь, выговорилъ право свободно плавать по рѣкѣ Сунгари и производить торговлю по берегамъ ея. Теперь оставалось только подписать этотъ трактатъ, для чего и было назначено 12 часовъ слѣдующаго дня—16 Мая; но за перепиской бѣловыхъ экземпляровъ на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ—время протянулось до вечера. Послѣ подписи Генералъ-Губернаторъ и Цзянь-Цзюнь взяли каждый въ руку по два подписанные экземпляра на обоихъ языкахъ и въ одно время обмѣнялись ими съ взаимнымъ поздравленіемъ.

Такимъ образомъ въ этотъ достопамятный день китайцы оффиціально признали Приамурскій край,—находившійся 169 лѣтъ во власти Китая, присоединеннымъ къ Россіи,—край, который за два года передъ тѣмъ, благодаря разумнымъ и настойчивымъ дѣйствіямъ Муравьева окончательно и безповоротно былъ уже нами занятъ.

По полученіи донесенія о заключеніи Айгунскаго договора Государь Императоръ возвелъ Николай Николаевича Муравьева въ графское достоинство, съ присовокупленіемъ къ его имени Амурскаго; кромѣ того и всѣ сподвижники Муравьева удостоились наградъ орденами и пенсіями.

Спустя 15 дней послѣ этого графомъ Путятинымъ былъ заключенъ Тянь-цзинскій трактатъ, по которому китайцы открывали намъ для торгов-

([1]) Кромѣ того китайцы выговорили себѣ право, чтобы жители маньчжуро-китайскихъ деревень, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Амура, отъ устья Зеи до казачей станицы Низменной (или китайской дер.-Хормолдженгъ) были оставлены на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ Китайскаго Правительства. Ошибка, которая постоянно служила предметомъ многихъ недоразумѣній; такъ еще во времена Муравьева, когда ставили почтовые станки по лѣвому берегу Амура—два изъ нихъ пришлись среди означеннаго маньчжурскаго населенія, что имъ было далеко не по вкусу; поэтому одинъ станокъ вскорѣ сгорѣлъ. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ страшно разсердился, пригрозилъ китайцамъ и отдалъ приказъ немедленно въ теченіи одной ночи выстроить на этомъ-же мѣстѣ другой. Такъ появилась станція „Неожиданная.“

ли 6 портовъ и которымъ постановлено изслѣдовать неопредѣленныя части границы по р. Уссури и далѣе до Японскаго моря: этимъ-же трактатомъ, между прочимъ, устанавливалось ежемѣсячное почтовое сообщеніе Пекина съ Кяхтою.

Покончивъ такимъ образомъ со славою этотъ вопросъ, тянувшійся болѣе полутораста лѣтъ, Муравьевъ 21 числа поплылъ далѣе, къ устью Амура; по пути оберъ-квартирмейстеръ Будоговскій избралъ мѣста для поселенія Амурскаго пѣшаго баталіона, который въ числѣ 500 семей въ этомъ же году занялъ весь остальной лѣвый берегъ Амура отъ малаго Хингана до устья р. Уссури, раскинувъ на этомъ протяженіи 18 станицъ. Далѣе при устьѣ рѣки Уссури было основано поселеніе 13-го линейнаго баталіона, названное **Хабаровскимъ**; баталіонъ этотъ прибылъ изъ Забайкалья во главѣ **пятаго сплава**—вмѣстѣ съ дивизіономъ легкой батареи и 2-мя горными орудіями по пути оставленными въг. Благовѣщенскѣ, гдѣ такимъ образомъ и сосредоточилась вся 2-я легкая батарея. Отъ Хабаровскаго поселенія Генералъ-Губернаторъ продолжалъ свой дальнѣйшій путь, на пароходѣ „Аргунь“ въ сопровожденіи прибывшаго сюда на встрѣчу Военнаго Губернатора Приморской области Адмирала Казакевича; прибывъ 8 Іюня въ Маріинскій постъ Муравьевъ осмотрѣлъ казармы, церковь и другія зданія, выстроенныя въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ его отсутствія, и 10 Іюня прибылъ въ Николаевскъ, гдѣ былъ встѣченъ салютомъ съ береговыхъ батарей.

Николаевскъ послѣ 1855 г., когда Муравьевъ былъ въ немъ послѣдній разъ, изъ нѣсколькихъ существовавшихъ тогда домиковъ превратился въ большое село, растянувшееся на $1^1/_2$ версты по берегу и въ которомъ насчитывалось тогда уже до 200 однихъ только частныхъ домовъ. Пробывъ въ Николаевскѣ нѣсколько дней Муравьевъ тронулся въ обратный путь; 22 Іюня въ Маріинскомъ посту въ

его присутствіи былъ освященъ Преосвященнымъ Иннокентіемъ, первый на берегахъ Амура, Православный храмъ, за тѣмъ на слѣдующій день у мыса Джай, въ 35 верстахъ выше Маріинска, въ его-же присутствіи, Преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ заложенъ новый храмъ во имя Св. Софіи (Премудрости Божіей) и тѣмъ положено основаніе будущему городу Софійску. 2-го Іюля, Муравьевъ подошелъ къ устью р. Сунгари; взявъ здѣсь въ провожатые маньчжуровъ, онъ вошелъ съ пароходомъ въ устье этой рѣки и поднялся по ней на 20 верстъ. Такимъ образомъ, пароходъ „Амуръ", на которомъ Генералъ-Губернаторъ ѣхалъ въ обратный путь, былъ первый, конечно, отъ сотворенія міра пароходъ появившійся на Сунгари и положившій первое начало русскому судоходству и пароходству по этой рѣкѣ, на основаніи предоставленнаго Айгунскимъ трактатомъ права. Начиная съ устья р. Уссури, пароходъ ежедневно встрѣчалъ цѣлые десятки баржъ и плотовъ, спускавшихся внизъ по рѣкѣ съ провіантомъ, казаками, переселенцами, различными тяжестями, съ рогатымъ скотомъ, лошадьми и прочимъ, такъ что рѣка, не смотря на свои пустынные берега, представляла въ то время довольно оживленное зрѣлище.

Дѣйствительно, сплавъ этого года былъ одинъ изъ самыхъ большихъ: кромѣ 500 семей казаковъ, поселившихся по Амуру внизъ отъ малаго Хингана, почти столько-же прибыло еще на приселеніе къ казакамъ, поселившимся въ прошломъ-57 году; эти приселившіеся образовали 19 новыхъ станицъ, что съ прошлогодними составило уже 30 станицъ; кромѣ того, въ этомъ-же году прибыло еще 150 семей казаковъ—для заселенія береговъ р. Уссури, образовавшихъ пока только четыре станицы. Вмѣстѣ съ казаками прибыло 236 человѣкъ штрафованныхъ солдатъ, назначенныхъ на приселеніе къ нимъ; этихъ солдатъ, въ числѣ 15/т. изъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, было предположено отправить на Амуръ, простить штрафы и разселить ихъ между казаками;

послѣдніе дали имъ по этому весьма удачное прозвище „Сынковъ“ — такъ какъ, всѣ они, волей не волей, поступали къ нимъ на пропитаніе ([1]). 12 Августа, наконецъ, Муравьевъ прибылъ въ Срѣтенскъ и отсюда уже прямо прослѣдовалъ въ Иркутскъ; по пути его всюду встрѣчали съ такимъ-же восторгомъ и радостью, какъ четыре года тому назадъ, при первомъ отправленіи на Амуръ.

Вотъ каковы были окончательные результаты неутомимой и кипучей дѣятельности адмирала Невельскаго, котораго *отечество никогда не забудетъ, какъ перваго дѣятеля, создавшаго то основаніе, на которомъ и воздвигнуто настоящее зданіе*: подлинные слова Муравьева, обращенные къ Геннадію Ивановичу—по случаю заключенія айгунскаго договора и сообщенныя ему письмомъ въ тотъ-же достопамятный день 16 Мая.

Между прочимъ, въ концѣ этого-же года, а именно 8 Декабря, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи Амурской области и опредѣленіи границъ Приморской, въ томъ именно видѣ, въ какомъ они существуютъ и по настоящее время, а нѣсколько дней позже, 24 Декабря, состоялось переименованіе Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ въ Восточно-Сибирскіе ([2]) и тѣмъ положено первое основаніе или ядро къ образованію боевыхъ силъ Приамурскаго края.

Къ концу этого года въ Приморской и Амурской областяхъ находилось 3 линейныхъ баталіона, лег-

([1]) Приселеніе штрафованныхъ солдатъ продолжалось до—62 г.; въ настоящее время изъ нихъ осталось на Амурѣ весьма не много, такъ какъ большинство, по предоставленному имъ въ—79 г. праву, возвратилось на родину, а также много поумирало. Вообще они далеко не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагали при переселеніи, явившись только обузой, какъ для всего казачьяго населенія, такъ и для самихъ себя. Не даромъ ихъ любимою поговоркою была: „Кто на Амурѣ не бывалъ,—тотъ и горя не знавалъ; кто на Амурѣ побывалъ—тотъ и горе распозналъ“. Не хитра она складомъ, да ладная—какъ говорили они.

([2]) Сибирскіе линейные баталіоны переименованы:

№ 13-й въ Восточно-Сибирскій № 3-й;
№ 14-й » » » № 2 й;
№ 15-й » » » № 4-й;
№ 16-й » » » № 1-й.

кая батарея съ двумя горными дивизіонами, 6 сотенъ Амурскаго коннаго казачьяго полка и Амурскій пѣшій баталіонъ—всего, стало быть, 4 баталіона, 6 сотенъ и 16 орудій изъ нихъ 8 горныхъ([1]).

Такъ окончился 1858 г.—послѣдній годъ пятилѣтней кипучей дѣятельности по занятію и первоначальному устройству этого, вновь пріобрѣтеннаго и укрѣпленнаго за нами, края;—Муравьевъ, своимъ личнымъ присутствіемъ ([2]) и горячимъ участіемъ во всемъ, что касалось Амура—вносилъ ту энергію и жизнь, которая заставляла каждаго лѣзть изъ кожи, составляя нынѣ только предметъ одного удивленія.

Но вотъ прошелъ годъ и этотъ, по видимому несокрушимый, человѣкъ почувствовалъ наконецъ потребность отдыха послѣ 13 лѣтней безпрерывной дѣятельности, всецѣло посвященной на дорогую ему окраину, которую онъ вывелъ на путь новой жизни, —открывъ ей врата къ Великому Океану.

Въ началѣ 1861 г. Муравьевъ покинулъ тѣ мѣста, которыя на всегда обезсмертили его имя, уступивъ поле дѣятельности Генералу Корсакову, котораго онъ въ теченіи десяти лѣтъ провелъ изъ Штабсъ-Капитановъ въ Генералы и котораго съ любовью и заботою, какъ роднаго сына, давно уже подготовлялъ себѣ въ пріемники. Покидая эти мѣста, Муравьевъ не могъ удержаться, чтобы не побывать еще разъ на дорогомъ ему Амурѣ и вотъ, въ навигацію 1859 г., мы опять видимъ его на этой рѣкѣ; на этотъ разъ на пароходѣ „Америка“ онъ объѣз-

---

([1]) Расположеніе войскъ было слѣдующее: линейный баталіонъ № 2 и легкая батарея съ горнымъ дивизіономъ—въ г. Благовѣщенскѣ; линейный баталіонъ № 3—въ п. Хабаровскомъ; линейный баталіонъ № 4 и горный дивизіонъ—въ п. Маріинскомъ и г. Николаевскѣ; Амурскій конный казачій полкъ и Амурскій пѣшій баталіонъ—по станицамъ лѣваго берега Амура, отъ усть-Стрѣлки до устья р. Уссури

([2]) Начиная съ 1854 года Н. Н. Муравьевъ ежегодно ѣздилъ, весною изъ Иркутска на Амуръ, затѣмъ обратно; осенью въ Петербургъ, а зимою опять въ Иркутскъ.

жаетъ все наше южное побережье, заходитъ въ заливъ Посьета, объѣзжаетъ берега Кореи, входитъ даже въ Бэй-чжилійскій заливъ и подплываетъ къ самому устью р. Пей-хо, спустя только нѣсколько дней послѣ неудачной попытки Англичанъ овладѣть проходомъ въ эту рѣку.

Графъ Муравьевъ, положительно восхищенный осмотромъ южнаго побережья при-Уссурійскаго бассейна, окончательно убѣждается, что вся сила и могущество Россіи лежатъ тутъ на прибрежьи Великаго Океана, а не на дорогомъ для него Амурѣ —лично выбираетъ двѣ лучшія гавани—Владивостокъ и Посьетъ и спѣшитъ ихъ занять нашими отрядами, чтобы фактически показать китайцамъ наше неоспоримое право владѣніями, тѣмъ болѣе въ виду тѣхъ переговоровъ, которые должны были вестись съ китайцами нашимъ посломъ въ Пекинѣ Игнатьевымъ, по окончательному опредѣленію нашей границы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

Черезъ годъ послѣ этого, 20 Іюля 1860 г., команда изъ 40 человѣкъ высаживается на полуостровѣ имени Генералъ-Губернатора, кладетъ основаніе Владивостоку —нашему опорному пункту на берегахъ Великаго Океана, а одновременно съ этимъ, ротою линейнаго баталіона № 4, занимается заливъ Посьета; такимъ образомъ, на южномъ побережьи вновь пріобрѣтеннаго нами края, мы уже занимаемъ два пункта, когда 12 Ноября 1860 г. Игнатьевъ заключаетъ съ Китайскимъ Правительствомъ блестящій дополнительный Пекинскій договоръ, которымъ, между прочимъ, подтверждаются всѣ статьи Айгунскаго и Тяньцзинскаго договоровъ, и точно, въ подробностяхъ, опредѣляется граница отъ устья р. Уссури до озера Ханка и далѣе до Японскаго моря, опредѣленная еще лѣтомъ прошлаго 1859 г. особой экспедиціей, подъ начальствомъ оберъ-квартирмейстера Подполковника Будаговскаго. Кромѣ того, въ этомъ же году были направлены первые пере-

селенцы—крестьяне въ Уссурiйскiй край и тѣмъ положено основанiе къ заселенiю его; словомъ вопросъ о занятiи нами Уссурiйскаго края—въ этомъ году былъ рѣшенъ окончательно и безповоротно. Между прочимъ, въ концѣ этого-же года войска Амурскаго края были усилены еще однимъ баталiономъ (1) направленнымъ въ г. Николаевскъ.

(1) Линейнымъ баталiономъ № 5, переименованнымъ въ 1859 г. изъ Енисейскаго гарнизоннаго баталiона.

ГЛАВА VI.

Сплавы по Амуру

Снабженіе поселенныхъ по лѣвому берегу Амура казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска, а также крестьянъ переселенцевъ—различными предметами сельскаго хозяйства, продовольственными запасами, лошадьми, рогатымъ скотомъ и прочимъ—равно, какъ и доставка разнаго казеннаго груза войскамъ, расположеннымъ въ Амурскомъ краѣ, производилась ежегодно изъ Забайкалья при помощи сплавовъ; эти сплавы, продолжавшіеся до 1872 года, когда доставка всякихъ грузовъ стала уже производиться на судахъ Амурскаго Товарищества—играли въ общественной жизни края настолько важную роль и проявлялись, при этомъ, въ такихъ своеобразныхъ формахъ, что ради интереса слѣдуетъ остановиться нѣсколько долѣе на этомъ явленіи, сохранившемъ за собою и до сихъ поръ еще не мало преданій.

Завѣдываніе, какъ снаряженіемъ, такъ и движеніемъ сплавовъ до 1862 года поручалось одному лицу, обыкновенно избираемому самимъ Генералъ-Губернаторомъ изъ числа штабъ-офицеровъ Забайкальскаго казачьяго войска. Съ этого-же года должность завѣдывающаго снаряженіемъ сплава была отдѣлена отъ должности завѣдывающаго сплавомъ, такъ какъ занятія по каждой изъ этихъ обязанностей, въ отдѣльности, представлялись настолько сложными, что одному лицу было не подстать; при этомъ завѣдывающему сплавомъ было присвоено званіе— „Начальникъ сплава амурскихъ грузовъ“. И такъ

съ раздѣленіемъ означенныхъ обязанностей завѣдывающій снаряженіемъ сплава вѣдалъ только заготовкою матеріаловъ для постройки баржъ, пріобрѣтеніемъ необходимыхъ предметовъ для оснастки ихъ, какъ-то: канатовъ, якорей, цѣпей и проч., заготовленіемъ продуктовъ для сплавщиковъ на путь отъ Читы до Николаевска, наймомъ мастеровъ и рабочихъ и наконецъ завѣдывалъ еще всѣми нижними чинами, назначенными, какъ для работъ, такъ и для сплава, при чемъ послѣдними—до открытія навигаціи, когда они передавались уже въ распоряженіе начальника сплава. Дѣлопроизводство по сплавнымъ операціямъ сосредоточивалось въ канцеляріи Наказнаго Атамана Забайкальскаго казачьяго войска, а у завѣдывающаго снаряженіемъ—въ особой, состоявшей при немъ, конторѣ. Мѣстопребываніе завѣдывающаго снаряженіемъ было въ г. Читѣ, а постройка баржъ производилась на берегу р. Ингоды въ 1/2 верстѣ отъ станицы Сиваковой, отстоящей отъ Читы въ 30 верст. вверхъ по означенной рѣкѣ. Обыкновенно зимою производилась заготовка матеріала, а весною, передъ открытіемъ навигаціи, начиналась самая настоящая горячая работа по постройкѣ баржъ, ежегодно изготовляемыхъ въ числѣ до 300 штукъ; кромѣ того строилось еще для каждой баржи по одной небольшой лодкѣ, поднимающей до 10 человѣкъ и до 60 большихъ, такъ называемыхъ разгрузныхъ лодокъ, поднимающихъ до 500 пудовъ груза каждая; такія лодки придавались на время сплава къ каждымъ пяти баржамъ—по одной, для разгрузки при посадкѣ баржъ на мель. Строеніе баржъ было далеко не одинаковое—выливаясь въ самыя разнообразныя, часто даже фантастическія, формы, представляющія иногда, напримѣръ, правильныя геометрическія фигуры: квадрата, ромба и треугольника; начиная-же съ 1862 года баржи строились уже однообразной овальной формы.

Пространство, занятое подъ постройку однихъ только баржъ, тянулось по правому берегу Ингоды

на протяженіи болѣе 3-хъ верстъ, а площадь подъ помѣщеніями, службы, сараями и складомъ матеріаловъ обнимала собою до 100 десятинъ земли; для служащихъ офицеровъ имѣлся большой удобный домъ со всѣми къ нему службами, а для рабочихъ нижнихъ чиновъ—двѣ громадныя казармы, въ два этажа каждая; вольнонаемные-же рабочіе и мастера помѣщались, относительно удобно, въ землянкахъ, выстроенныхъ изъ казеннаго матеріала.

Заранѣе опредѣленнаго количества рабочихъ, какъ казенныхъ такъ и вольно-наемныхъ, не было: все зависѣло отъ предстоящихъ работъ; цифра первыхъ доходила до 2500 человѣкъ, изъ коихъ до 1500 человѣкъ сибирскихъ рекрутовъ, предназначавшихся для укомплектованія войскъ, расположенныхъ въ Амурскомъ краѣ, а главнымъ образомъ—для судовъ сибирской флотиліи и до 1000 человѣкъ штрафованныхъ солдатъ изъ бывшихъ баталіоновъ внутренней стражи—также слѣдовавшихъ на укомплектованіе, но уже исключительно только—линейныхъ баталіоновъ, равно какъ и для приселенія къ казакамъ, поселеннымъ по лѣвому берегу Амура. Всѣ эти люди прибывали на мѣсто постройки баржъ въ началѣ Января мѣсяца и сейчасъ-же принимались за работы по заготовкѣ лѣсныхъ матеріаловъ, а знавшіе какое либо мастерство получали работы соотвѣтственныя ремеслу каждаго. За исполненіе работъ (преимущественно урочныхъ) плотничныхъ, кузнечныхъ и другихъ, рабочіе получали: вольнонаемные—до 30 руб., а казенные—до 8 руб. въ мѣсяцъ; чернорабочіе-же, назначаемые для заготовки и вывоза лѣснаго матеріала, ухода за рабочими лошадьми и быками—въ половину меньше; при чемъ въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ отпускалось казенное продовольствіе и два раза въ недѣлю винная порція. Завѣдывающій снаряженіемъ сплава, равно какъ и начальникъ тако-

ваго, получали по 5 руб. суточныхъ—каждый, независимо прочаго содержанія.

Здѣсь, между прочимъ, должно упомянуть, что въ періодъ времени съ 1864 по—68 годъ принимали участіе въ постройкѣ баржъ политическіе преступники, осужденные въ каторжныя работы за участіе въ польскомъ мятежѣ 1863 года и въ концѣ слѣдующаго года прибывшіе въ ст. Сивакову—числомъ до ²/т. человѣкъ, преимущественно изъ привиллегированнаго сословія; они прибывали партіями на подводахъ; одѣтые почти всѣ безъ исключенія въ костюмы польскаго покроя (кунтуши) изъ сѣраго толстаго сукна, подпоясанные широкими черными ремнями, въ длинныхъ сапогахъ, въ конфедераткахъ съ башлыками—они имѣли весьма воинственный и даже молодецкій видъ; и вотъ этимъ господамъ, не знавшимъ никакого ремесла, пришлось заполучить въ свое вѣдѣніе по парѣ быковъ, запряженныхъ въ четырехъ-колесныя дроги и имѣя въ рукахъ по длинному бичу, за надлежащимъ казачьимъ конвоемъ, слѣдовать въ лѣсъ для вывозки приготовленыхъ тамъ кокоръ (деревяныя части изъ которыхъ дѣлается остовъ баржи), плахъ, теса, угля и т. п., покрикивая на непослушныхъ бычковъ „цобъ-цобе“(¹). Въ послѣдующіе затѣмъ годы стали ихъ привлекать уже къ постройкѣ баржъ и лодокъ, что продолжалось до 1868 года, когда они были обращены на другія работы.

Построенныя, такимъ образомъ, баржи и лодки, по вскрытіи р. Ингоды, что обыкновенно бываетъ между 20 и 25 апрѣля, спускались на воду и по снабженіи всѣмъ необходимымъ на время дальняго плаванія, какъ-то: топорами, конопатками, помпами, канатами, паклею и т. п., сдавались начальникамъ рейсовъ, назначаемыхъ Наказнымъ Атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска—по выбору и представле-

(¹) Употребительное въ малороссіи понуканіе при поѣздкѣ на быкахъ.

ленію начальника сплава. Такихъ начальниковъ рейсовъ назначалось отъ 10 до 15—исключительно изъ регулярныхъ и войсковыхъ заурядъ—офицеровъ Забайкальскаго казачьяго войска; въ помощь каждому изъ нихъ назначались молодые офицеры, слѣдующіе въ войска расположенныя на Амурѣ и остававшіеся обыкновенно подъ разными предлогами въ Читѣ до открытія навигаціи для того, чтобы попасть на сплавъ и въ качествѣ помощника начальника рейса получать рубль суточныхъ денегъ, что въ концѣ концовъ давало возможность заработать офицеру въ лѣто (съ Апрѣля по Августъ) до 150 руб. и кромѣ того пріятно провести время, плывя потихоньку, не торопясь, останавливаясь въ попутныхъ казачьихъ станицахъ и устраивая тамъ „вечерки", на забранныя „въ счетъ" порціоновъ деньги; обыкновенно выдача помощникамъ „въ счетъ", въ особенности помощникамъ изъ юнкеровъ, прекращалась уже съ прибытіемъ въ Стрѣтенскъ и только рѣдкіе ухитрялись сохранить право полученія „въ счетъ". до Албазина; вслѣдъ затѣмъ, потерявшій такое право, не долго говоря, помѣщалѐя на довольствіе изъ котла „за счетъ" баржевой команды и такъ до конечнаго пункта г. Николаевска. Ничего—всѣ были всегда сыты и веселы!

По пріемѣ начальниками рейсовъ въ свое вѣдѣніе—опредѣленное каждому число баржъ (отъ 15 до 20) съ принадлежностями къ нимъ и продовольствіемъ для командъ, составъ которыхъ опредѣлялся по разсчету 10 человѣкъ на каждую баржу—рейсы, безъ груза отправлялись по Ингодѣ до Читы, проплывая разстояніе въ 35 верстъ при безвѣтріи въ 3–4 часа времени. Съ прибытіемъ рейсовъ въ Читу обязанности завѣдывающаго снаряженіемъ прекращались, уступая мѣсто дальнѣйшей дѣятельности — по пріему и отправленію грузовъ, начальнику сплава, которому по-

лагался еще и помощникъ съ трехъ рублевымъ окладомъ суточныхъ денегъ.

Обязанности начальника сплава амурскихъ грузовъ заключались въ томъ, что въ теченіи всей зимы предшествующей навигаціи онъ, черезъ посредство состоявшихъ въ его распоряженіи двухъ трехъ офицеровъ и нѣсколькихъ благонадежныхъ урядниковъ, принималъ казенные грузы, доставляемые въ Читу различными подрядчиками для отправки таковыхъ на Амуръ. Весною-же, какъ только прибывали баржи, принятые грузы распредѣлялись по рейсамъ, при чемъ на каждую баржу грузилось отъ 4 до $4^1/_2$ т. пудовъ; баржи эти обыкновенно останавливались по лѣвому берегу рѣчки Ингоды отъ станицы Титовой до провіантскихъ магазиновъ. При принятіи грузовъ, передъ отплытіемъ изъ Читы, каждый начальникъ рейса приказывалъ поднять на своихъ баржахъ, въ носовой ихъ части, флаги, размѣръ и цвѣтъ которыхъ былъ произвольный—по желанію и вкусу каждаго начальника. Поднятіе флаговъ означало, что рейсъ готовъ къ отплытію. Рейсы отправлялись по одному, по два и по три въ одинъ день, смотря, кто какъ успѣвалъ. Въ хорошую погоду, въ дни отхода рейсовъ, обыкновенно, на пристани собиралась масса публики, происходило прощаніе отплывающихъ съ остающимися, выпивалось при этомъ обѣими сторонами болѣе чѣмъ достаточное количество разныхъ напитковъ, а сплавщикамъ-солдатамъ отпускалась казенная чарка водки. Но вотъ, наконецъ, раздавалась команда начальника рейса: „снимай сходни“, затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ, когда все было готово слѣдовала команда: „отваливай“ и баржи, подъ тяжестью груза, слегка поскрыпывая, помаленьку отчаливали на середину рѣки, а солдатики подъ этотъ скрыпъ затягивали какую нибудь пѣсенку съ разухабистымъ припѣвомъ; сплавщики-же офицеры, прощаясь съ остающимися на берегу знакомыми, заключали свой послѣдній привѣтъ и до сихъ поръ

еще памятными словами: *„прощай Чита въ началѣ Мая, и въ Сентябрѣ прощай Амуръ“*. Проводивъ рейсъ, публика возвращавшаяся въ городъ, еще не доходя до него слышала, обыкновенно, всѣмъ знакомую и излюбленную „дубинушку“, означавшую, что которая нибудь изъ отплывшихъ баржъ уже приткнулась не подалеку отъ пристани на одну изъ находящихся здѣсь мелей; солдатики, стаскивая съ мели баржу при первой ея посадкѣ, всегда начинали свою дубинушку вопросомъ обращеннымъ къ самой баржѣ: *„отчего ты баржа стала?“* послѣ чего слѣдовалъ отвѣтъ, яко-бы отъ имени баржи: *„оттого, что спирту мало“*. Такой отвѣтъ разумѣется непріятно дѣйствовалъ на начальника рейса, который спѣшилъ всегда заявить, что баржа вретъ—спирту довольно и какъ только она слѣзетъ съ мели, то молодцы сейчасъ-же получатъ по „единой“; послѣ такого обѣщанія ни одна баржа не оставалась на мели болѣе получаса,—развѣ ужъ залѣзетъ въ сухую протоку.

Начальниками рейсовъ обыкновенно назначались офицеры самые опытные, знакомые съ особенностями сплава, знающіе и изучившіе до тонкости всѣ мели, камни, перекаты и непроходимыя протоки. Къ числу такихъ многихъ офицеровъ принадлежалъ и Есаулъ Поротовъ, всѣми любимый и уважаемый начальникъ, въ которомъ солдатики души не чаяли; но только на бѣду его, имѣлъ онъ на головѣ однѣ лишь воспоминанія о волосахъ, почему солдатики,—какъ говорится, для краснаго словца не пожалѣющіе и роднаго отца—посвятили ему въ дубинушкѣ двухстишіе, собственнаго произведенія, въ коемъ, между прочимъ, обозвали р. Шилку „паршивой“ за изобиліе мелей, камней и т. п. препятствій, затруднявшихъ скорое плаваніе по ней, а командира своего—„плѣшивымъ“.

«Какъ по Шилкѣ, по паршивой,»
«Командиръ плыветъ плѣшивый».

Добрякъ Есаулъ, слышавшій не разъ эту пѣсенку при снятіи баржъ съ мели, отъ души смѣялся, дѣ-

лая, впрочемъ, видъ, что на свой счетъ ее не принимаетъ. Такихъ, ему подобныхъ, припѣвовъ къ „дубинушкѣ“ масса и если-бы всѣ ихъ собрать въ одно, то по нимъ легко было-бы прочесть исторію всѣхъ сплавовъ—настолько многіе изъ нихъ мѣтки и характерны; такъ, между прочимъ, однимъ изъ самыхъ любимыхъ припѣвовъ нашихъ солдатиковъ, возившихся обыкновенно надъ баржами сидящими на мели, былъ слѣдующій:

«Вотъ солдаты припотѣли—»
«Выпить водки захотѣли».

Вслѣдъ за тѣмъ, дружно налегая на работу, припѣвали

«Ужъ ты тетушка Настасья»
«Раскачай-ко баржу намъ на счастье»;

если-же и послѣ этого баржа продолжала стоять на мели, то они живо переходили къ слѣдующему припѣву, служащему яко-бы отвѣтомъ на первый:

«Я-бы братцы живо раскачала»—
«Ка-бы выпить дали намъ сначала».

Но видя, что выпить не даютъ, снова обращались къ первому припѣву и тогда уже рѣдкая баржа оставалась на мели.

До 1863 г. сплавы удавались прекрасно, не смотря на то, что баржи строились безъ всякихъ желѣзныхъ скрѣпленій; грузы, за весьма малыми исключеніями, достигали мѣстъ своего назначенія; если и бывала порча и трата, то такихъ грузовъ, какъ мука, крупа и соль, но безъ этого обойтись рѣшительно не было никакой возможности, въ виду того, что продукты эти помѣщались въ баржѣ не въ мѣшкахъ, а въ розсыпь, каковой способъ доставки, очевидно не только давалъ много утраты, но и портилъ ихъ иногда до совершенной негодности, превращая, преимущественно отъ дождей, муку и крупу въ комки,

а соль въ какую-то кашу; при сдачѣ груза вслѣдствіе этого происходили не рѣдко пререканія, а иногда пріемщики совершенно отказывались отъ нихъ. Въ такихъ случаяхъ на выручку сдатчиковъ изъ бѣды—составлялись акты о негодности сихъ продуктовъ происшедшіе по волѣ Божіей, безъ упоминанія конечно тѣхъ, легко устранимыхъ, причинъ, которыя не мало способствовали къ осуществленію воли Божіей. Акты вообще многое упрощали въ сплавныхъ операціяхъ, такъ что тѣ, кого они не рѣдко выручали, вѣроятно и теперь, много лѣтъ спустя, благодушествуютъ себѣ на покоѣ и съ умиленіемъ вспоминаютъ доброе старое время существованія сплава казенныхъ грузовъ на Амурѣ.....

Но вотъ злосчастный сплавъ 63 года, погубившій въ какое нибудь одно мгновеніе массу казеннаго добра, слѣдовавшаго двумя рейсами на 32 баржахъ изъ Читы въ Николаевскъ—далъ понять, наконецъ, что эти суда нужно строить съ желѣзными скрѣпленіями внутри и что деревянные гвозди крайне необходимо замѣнить желѣзными. Этотъ страшный погромъ произошелъ 5 Августа 1863 г. въ пространствѣ между Хабаровкою и Софійскомъ у станка № 12 (1), гдѣ эти суда, слѣдовавшіе съ грузомъ интендантскаго и морскаго вѣдомствъ—не много не доходя до указаннаго мѣста, были внезапно застигнуты ураганомъ необычайной силы, пронесшимся по всему низовью Амура; баржи, не имѣя уже возможности зайти въ какую нибудь протоку, вынуждены были причалить кое-какъ къ ближайшему берегу, что-бы дать возможность спастись хотя людямъ; причаленныя на два каната, ударяясь безпрестанно о берегъ и не имѣя прочныхъ скрѣпленій, они просто на просто расползлись, а влѣдъ затѣмъ поплыло внизъ по Амуру все содержимое въ нихъ, какъ-то: холсты, сукна, солонина въ бочкахъ, свѣчи и мыло въ ящикахъ, медикаменты и многое другое; отъ

(1) Между станціями Малмыжское и Хунгари.

муки и крупы бывшихъ въ розсыпи даже Амуръ побѣлѣлъ.

Это грустное событіе, описанное въ многочисленныхъ актахъ, признано происшедшимъ по волѣ Божіей, а въ предупрежденіе возможности повторенія подобнаго несчастія предписано баржи строить уже съ желѣзными скрѣпленіями, употребляя гдѣ возможно желѣзные, а не деревянные гвозди.

На сколько въ этотъ знаменательный день было сильно волненіе, даже въ среднемъ теченіи Амура, можно судить по тому, что одинъ изъ рейсовъ, находившійся въ то время въ ста верстахъ ниже г. Благовѣщенска, былъ спасенъ отъ неминуемой гибели только благодаря предусмотрительности стараго опытнаго лоцмана, который еще до урагана, въ предвидѣніи его, успѣлъ завести баржи, въ ближайшую протоку, въ которой, не смотря на сравнительно покойную стоянку, потребовалось все таки не мало труда, чтобы отстояться спокойно. Зато бывали и такіе случаи, что по винѣ плохихъ лоцмановъ баржи усаживались не только, что на мель и на камни, но иногда просто залѣзали въ невылазныя протоки—вслѣдствіе чего грузъ, предназначавшійся къ сплаву въ г. Николаевскъ, не доходилъ уже во время къ мѣсту своего назначенія; но такъ какъ отвѣтственности за это никто не подвергался, а застрявшіе грузы лишь только сдавались на храненіе въ ближайшую станицу до навигаціи слѣдующаго года, когда они снова принимались и доставлялись уже по назначенію, то за это насмѣшкамъ и остротамъ надъ такими сплавщиками не бывало конца; для нихъ была даже сочинена пѣсенка, распѣвавшаяся на мотивъ: „въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана“ и начинавшаяся слѣдующимъ куплетомъ:

«Пятнадцать баржъ, не доходя Хингана,»
«Съ мукой въ ларяхъ усѣлись на мели;»

«Ихъ лоцмана устопорили рано»
«И въ Николаевскъ грузъ не довели.»

Наконецъ, по сдачѣ грузовъ въ Николаевскѣ, тѣ сплавщики, коимъ надлежало возвратиться въ Читу, спѣшили примазаться къ одному изъ ходившихъ по Амуру казенныхъ пароходовъ, ибо въ противномъ случаѣ уже приходилось подыматься на легонькихъ лодочкахъ вверхъ по рѣкѣ, или же дожидаться зимняго пути; плыть же на частныхъ пароходахъ было далеко не по карману ([1]); даже купцы появлявшіеся на Амурѣ съ товарами предпочитали баржи собственнаго издѣлія существовавшимъ пароходамъ—на столько была цѣна высока за перевозку не только пасажировъ, но даже и грузовъ. Везли преимущественнно бакалейные и разные мелочные товары для казаковъ поселенныхъ по Амуру ([2]) и для купцовъ, успѣвшихъ уже открыть въ нѣкоторыхъ пунктахъ лавченки, послужившіе основаніемъ большинства нынѣшнихъ магазиновъ—благодаря тѣмъ неимовѣрно высокимъ цѣнамъ, какія они брали за свои товары съ первыхъ переселенцевъ Амура; между прочимъ, въ числѣ разнаго товара привозился иногда и такой, который невольно вызывалъ улыбку человѣка болѣе или менѣе устроенныхъ мѣстъ, но который, тѣмъ не менѣе, тогда составлялъ предметъ не послѣдней важности для новоселовъ дикаго и пустыннаго Амура; такъ расказываютъ, что одинъ предпріимчивый и догадливый купецъ, узнавъ, что поселенные по Амуру казаки не мало терпятъ отъ множества огромныхъ крысъ— привезъ цѣлый транспортъ кошекъ и продавая ихъ по довольно высокой цѣнѣ—началъ уже высчитывать свои барыши, какъ вдругъ они начали отчего-то дох-

([1]) Первый частный пароходъ „Адмиралъ Казакевичъ“ бралъ за проѣздъ отъ Николаевска до Шилкинскаго завода 200 руб.; въ послѣдствіе-же частные пароходы Амурской компаніи брали въ половину меньше; между тѣмъ, какъ казенные пароходы брали за это разстояніе всего 1 р. 75 коп.

([2]) Эта выгодная торговля (сплавомъ) съ казаками, доставлявшая большіе барыши—продолжается и по нынѣ.

нуть, а часть ихъ разбѣжалась; такъ онъ и остался не причемъ, утѣшая себя впрочемъ тѣмъ, что также внесъ свою лепту на развитіе и благоустройство вновь пріобрѣтеннаго края.

Съ возвращеніемъ въ Читу и съ представленіемъ отчетовъ и расчетовъ—обыкновенно заканчивалась вся дѣятельность по сплаву текущаго года, завершаясь въ случаѣ полнаго благополучія раздачею наградныхъ денегъ, въ размѣрѣ отъ 1500 до 100 руб. сообразно относимыхъ каждымъ обязанностей.

И такъ изъ всего выше-изложеннаго не трудно видѣть, что эти сплавы стоили Правительству громадныхъ денегъ, отвлекали массу лицъ отъ прямыхъ ихъ обязанностей и были причиною истребленія лѣсовъ въ верховьяхъ Амура; но избѣжать всего этого—за отсутствіемъ частной предпріимчивости, которая могла-бы взять на себя всю операцію доставки—не представлялось возможнымъ.

ГЛАВА VII.

Обозрѣніе событій совершившихся въ Уссурійскомъ краѣ съ 1860 по 1880 годъ.

Съ отъѣздомъ Графа Муравьева, вновь возвращенный имъ Приамурскій край, какъ-бы истомленный той необычайно кипучей и живой дѣятельностью, которая была вызвана личною энергіею этого замѣчательнаго человѣка, сталъ мало по малу переходить къ состоянію полнаго покоя. Дѣйствительно, Амурская жизнь, почти въ теченіи всего двадцатилѣтняго періода, до назначенія Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири Генерала Анучина,—бѣдна событіями; Амуръ, такъ сильно возбуждавшій въ —50 годахъ всеобщее вниманіе, сталъ снова забываться, а отдаленность Амурскаго края отъ центра управленія Восточной Сибирью—невольно тормозила всѣ благія намѣренія и представленія мѣстной администраціи; словомъ, Амуръ сталъ жить своей особой жизнью—тихой и мирной, не смотря на то, что она была основана на началахъ, данныхъ еще Графомъ Муравьевымъ—Амурскимъ—началахъ, требовавшихъ дальнѣйшей энергической работы, а не одного только спокойнаго выжиданія какихъ-то результатовъ.

Муравьевъ, какъ бы предвидя все это, заранѣе, еще передъ оставленіемъ своего поста, настоятельно требовалъ новаго территоріальнаго раздѣленія всей Сибири и образованія вмѣсто двухъ,—трехъ административныхъ центровъ управленія ([1]), при

([1]) По проекту Н. Н. Муравьева должно было Сибирь раздѣлить на три слѣдующія части: 1) Приморская область; 2) Губернія Иркутская и области— Якутская. Амурская и Забайкальская съ Кяхтинскимъ градоначальствомъ и 3) Западная Сибирь съ губерніей Енисейской.

чемъ этотъ третій центръ долженъ былъ находиться на Амурѣ въ Приморской области. Сдѣланное по этому поводу представленіе, хотя и удостоилось Высочайшаго вниманія, но по многимъ причинамъ не получило утвержденія, а потому и осталось безъ исполненія; самая-же мысль о раздѣленіи Сибири, подобно сѣмени упавшему на добрую почву, не заглохла и получила свое осуществленіе, но не ранѣе, какъ 24 года спустя и притомъ далеко не въ такой формѣ, какъ первоначально предполагалъ Муравьевъ.

Для полноты дальнѣйшаго изложенія слѣдуетъ бросить бѣглый взгядъ на событія этого, довольно длиннаго, періода Амурской жизни—средоточіе которой, начиная съ—60 годовъ, постепенно переносится уже къ югу отъ Амура, въ Приуссурійскій край.

Первое, что кидается въ глаза—это переселеніе, или вѣрнѣе передвиженіе, уже осѣвшихъ на Амурѣ новоселовъ на новыя, болѣе удобныя мѣста, высмотрѣнныя и избранныя ими-же самими; все что имѣло возможность двинулось въ благословенный Южно-Уссурійскій край, гдѣ первоначально появляются три селенія (¹) на огромной ханкайской равнинѣ, а къ 1864 году можно уже видѣть поселенія, правда крайне рѣдкія и небольшія, въ окрестностяхъ залива Ольги и въ нѣкоторыхъ другихъ прибрежныхъ пунктахъ. Здѣсь умѣстно замѣтить, что первые переселенцы, прибывшіе на Амуръ, въ виду необходимости возможно скорѣе занять важные водные пути, въ то время еще не присоединеннаго къ намъ Амурскаго края, были посажены на мѣста не всегда удовлетворявшія ихъ привычкамъ и вкусамъ, а потому, естественно, сразу были поставлены въ безвыходное положеніе, заставившее ихъ, вскорѣ, искать выхода въ передвиженіи на новыя мѣста, болѣе отвѣчающія ихъ потребностямъ.

(¹) С. Никольское на р. Суйфунѣ и селенія—Астраханка и Турій-Рогъ на западномъ берегу озера Ханка.

	КУПЛЕНО ПУДОВЪ.			
	Муки и зерна.	Средняя цѣна.	Крупы.	Средняя цѣна.
1890 годъ	80722	78	48968	1.58
1891 „	117851	59	42527	1.41
1892 „	125393	68	47524	1.10
1893 „	207062	89	57764	1.40

Что касается стоимости производства пуда хлѣба въ разныхъ мѣстахъ Приамурскаго края *), то понятіе объ этомъ даетъ слѣдующая таблица:

Наименованіе селеній.	Одинъ пудъ стоитъ хозяину (въ копѣйкахъ).				
	Ярица.	Пшеница	Гречиха.	Овесъ.	Озимая рожь.
Никольское, Приморской обл.	53	45	66	29	—
Шкотово „ „	—	66	—	55	—
Астраханка „ „	52	48	51	39	—
Григорьевка „ „	—	72	80	50	—
Спасское „ „	63	48	82	50	41
Марково, Амурской области .	65	70	—	38	—
Ивановское „ „ .	64	57—64	—	38	—
Малета, Забайкальской обл. .	38	—	—	43	—
Торей „ „ .	20	55	—	40	—
Урлукъ „ „ .	28	—	—	—	—
Байхора „ „ .	31	45	—	35	—
Тарбагатай „ „ .	33	48	—	—	—
Новобрянь „ „ .	38	—	—	39	—

Качество хлѣбныхъ зеренъ въ Уссурійскомъ краѣ вообще невысокое. Хлѣба, особенно ярица, пшеница и овесъ,—страдаютъ отъ избытка влажности, какъ въ почвѣ, такъ и въ воздухѣ, отъ различныхъ низшихъ грибковъ и бываютъ сильно засорены посторонними травами. Самый составъ зерна нѣсколько односторонній, именно въ немъ меньшій процентъ крахмала; это между прочимъ

*) Опредѣленія стоимости производства были сдѣланы на мѣстахъ путемъ бесѣдъ съ мѣстными хозяевами въ Амурской и Приморской областяхъ въ 1895 г., а въ Забайкальѣ—1849 г.

оказалось при первыхъ пробахъ винокуренія. Изъ заторовъ, сдѣланныхъ изъ мѣстной ярицы не получалось установленное нормой количество градусовъ спирта, вслѣдствіе этого винокуренный заводъ обратился къ другимъ растеніямъ, именно: гаоляну, кукурузѣ и японской пшеницѣ. Вообще въ Уссурійскомъ краѣ лучше родятся бобовыя растенія, просяныя, гаолянъ и нѣкоторыя другія, а тѣ растенія, къ которымъ привыкло русское населеніе— ярица, пшеница и овесъ даютъ худшіе результаты, такъ какъ вслѣдствіе обилія влаги въ почвѣ и воздухѣ растенія идутъ преимущественно въ стебель и листья, а зерно задерживается въ развитіи. Совершенно обратныя условія представляетъ Забайкалье; въ этой сторонѣ зерновые хлѣба очень высокаго качества, не смотря на то, что ихъ приходится спасать отъ другой крайности, именно отъ засухи. Поэтому давно уже въ Забайкальѣ практикуется орошеніе и не только полей, но и луговъ. Воду берутъ обыкновенно изъ ручейковъ и источниковъ и проводятъ ее канавами на поле или лугъ, поэтому всѣ пашни въ Забайкальѣ дѣлятся на двѣ категоріи: поливныя и неполивныя. Никакихъ особыхъ ирригаціонныхъ сооруженій не дѣлается, а населеніе проводитъ воду съ помощью одной лопаты, вслѣдствіе того можетъ пользоваться водою только въ недальнемъ разстояніи.

Общія данныя о населеніи, распредѣленіи пашенъ, скота и проч. приводятся въ нижеслѣдующихъ таблицахъ для каждой области особо:

отказа американской компаніи отъ своего предпріятія, совершенно неожиданно—остановились; въ —68 году они снова возобновились, но безъ содѣйствія компаніи, а въ—70 г. телеграфное сообщеніе Китая съ Европейскою Россіей уже было открыто по двойному проводу, потребовавъ на это еще дополнительнаго расхода 844/т. руб. Эта, крайне трудная и тяжелая работа, непрерывно продолжавшаяся въ теченіи десяти лѣтъ, почти всецѣло выпала на долю нашихъ войскъ, явившихся и въ данномъ случаѣ единственными работниками, которые, прокладывая просѣку для телеграфной линіи среди дикой и непроходимой тайги, тѣмъ самымъ сдѣлали первый твердый шагъ къ установленію прочной и неразрывной связи этой далекой окраины съ сердцемъ Россіи; къ этому умѣстно сказать, что среди офицеровъ, также принимавшихъ дѣятельное участіе въ проведеніи этой линіи, наиболѣе видное мѣсто принадлежитъ Генералу Баранову (1), бывшему въ то время еще молодымъ Капитаномъ Генеральнаго Штаба—энергія и распорядительность котораго не мало способствовали быстротѣ и правильной постановкѣ этой не легкой работы.

Въ—61 году, одновременно съ окончаніемъ разграниченія нашихъ земель въ Южно-Уссурійскомъ краѣ съ Китаемъ, вниманіе Правительства нашего было также обращено на установленіе болѣе близкихъ и прочныхъ отношеній съ этимъ сосѣдомъ, начавшимъ уже пробуждаться отъ своей вѣковой спячки, благодаря завязавшимся сношеніямъ съ Европейцами. Для этого, прежде всего, воспользовались обѣщаніемъ Графа Путятина, даннаго китайцамъ при заключеніи Тянь-Цзинскаго договора: выслать имъ въ подарокъ нѣсколько образцовъ хорошаго оружія; поэтому, посылая въ Пекинъ 10/т.

(1) Генералъ І. Г. Барановъ, нынѣ находящійся въ отставкѣ, большую часть своей службы провелъ на Амурѣ, гдѣ между прочимъ, въ теченіи восьми лѣтъ занималъ должность Военнаго Губернатора Приморской области.

Литтихскихъ нарѣзныхъ ружей семилинейнаго калибра, 500 ракетъ 2 дюйм. калибра съ двумя станками и 4 горныхъ единорога—съ ними еще отправили въ качествѣ инструкторовъ: трехъ офицеровъ (1), оружейнаго и двухъ арсенальныхъ мастеровъ, кондуктора, строеваго унтеръ-офицера, двухъ гальванеровъ и 15-ть нижнихъ чиновъ; всѣ эти люди состояли подъ командою Флигель-Адъютанта Полковника Балюзека, на котораго, одновременно съ этимъ, была возложена и обязанность Министра-Резидента въ Пекинѣ; кромѣ того, что-бы дать возможность, независимо отъ возложенныхъ на него обязанностей, пользоваться своимъ пребываніемъ въ Китаѣ для сбора свѣдѣній объ этой странѣ въ военно-статистическомъ отношеніи—ему было предоставлено право, при всякомъ удобномъ случаѣ, требовать изъ Восточной и Западной Сибири офицеровъ Генеральнаго Штаба и топографовъ, которые, слѣдуя по новымъ путямъ, могли-бы составлять маршруты и собирать другія полезныя свѣдѣнія. Но происки и вмѣшательство англичанъ, предложившихъ китайцамъ своихъ инструкторовъ, были причиною того, что въ слѣдующемъ году, за отсутствіемъ дѣла, нашимъ инструкторамъ пришлось волею не волею возвратиться въ Россію; такъ собственно говоря и завершилось дѣло образованія китайскихъ войскъ, давшее нам возможность, все-таки ближе ознакомиться съ Китаемъ и открывшее намъ свободный доступъ къ Пекину.

Посмотримъ теперь, какъ сказалось на боевыхъ силахъ края, то тихое и мирное настроеніе, которое сопровождало Амурскую жизнь въ теченіи этого двадцатилѣтняго періода.

До—62 года численность и расположеніе войскъ, заповѣданныхъ еще Графомъ Муравьевымъ-Амур-

(1) Капитанъ Л. Гв. Семеновскаго полка Зейфортъ, Подпоручикъ Гв. конной артиллеріи Филименко и Подполковникъ Горныхъ Инженеровъ Давыдовичъ-Нащинскій.

скимъ, оставалась безъ измѣненія; съ—62 же года, когда появляются въ южной части Уссурійскаго края зачатки русской осѣдлости—начинается постепенное передвиженіе войскъ къ двумъ, уже заранѣе намѣченнымъ, прибрежнымъ пунктамъ—Владивостоку и Посьету черезъ промежуточную станцію въ тылу—п. Камень-Рыболовъ; одновременно съ этимъ, какъ-бы на замѣну частей, выбывающихъ въ Южно-Уссурійскій край, медленно и незамѣтно прибываютъ на Амуръ новыя части изъ Забайкалья; такъ въ—62 г. прибылъ въ Николаевскъ—6-й Восточно-Сибирскій линейный баталіонъ (¹) на замѣну только что ушедшаго въ Новгородскій постъ горнаго дивизіона 1-й батареи; въ-63 году съ уходомъ 3-го линейнаго баталіона изъ Хабаровки въ п. Камень-Рыболовъ—на его мѣсто прибылъ изъ Троицкосавска 1-й линейный баталіонъ: въ—66 году этотъ баталіонъ былъ уже переведенъ изъ Хабаровки въ п. Новгородскій, въ виду предполагавшагося перенесенія туда Николаевскаго порта, а вмѣстѣ съ этимъ, на замѣну его, была образована Хабаровская постовая команда; кромѣ того, для занятія наиболѣе важныхъ прибрежныхъ пунктовъ Уссурійскаго края—были образованы еще постовыя команды: Александровская де-Кастри, Новгородская, Ольгинская и Дуйская на о-вѣ Сахалинѣ; въ—69 г. изъ горныхъ дивизіоновъ линейной Забайкальской артиллерійской бригады—сформирована 3-я горная батарея, а бригада переименована въ Восточно-Сибирскую артиллерійскую бригаду; въ—74 году, на замѣну 2-го линейнаго баталіона, по частямъ оттянутаго въ Забайкалье для надобностей гарнизонной службы, прибылъ изъ Иркутска въ Благовѣщенскъ 72 резервный баталіонъ, переименованный въ томъ-же году въ Благовѣщенскій губернскій баталіонъ (²);

(¹) Переименованный въ 1861 году изъ Иркутскаго Гарнизоннаго баталіона

(²) Въ 1876 году баталіонъ переименованъ въ Благовѣщенскій мѣстный баталіонъ.

въ—76 году, 2-я батарея изъ Благовѣщенска была передвинута въ с. Никольское, а на ея мѣсто въ слѣдующемъ году—прибыла 1-я батарея изъ города Верхнеудинска; въ—79 г. разрозненныя части казаковъ, поселенныхъ по р.р. Амуру и Уссури, были соединены въ одно казачье войско—Амурское, образовавшее собою новое—десятое казачье войско Россіи, при чемъ согласно дѣйствительной способности населенія выставлять строевыя части—переименованы: конная бригада въ Амурскій конный полкъ, а пѣшіе баталіоны въ Амурскій и Уссурійскій пѣшіе полубаталіоны; наконецъ, въ этомъ-же году, состоялось переселеніе въ Южно-Уссурійскій край 389 семей, въ числѣ 2615 душъ обоего пола—казаковъ съ Уссури, образовавшихъ 10 новыхъ станицъ между с. Воронежскимъ (у Турьяго-Рога) и р. Суйфуномъ; это переселеніе, вызванное по ходатайству командира баталіона (1), имѣло самыя благотворныя послѣдствія для всего казачьяго населенія; дѣйствительно, переселившіеся казаки, сѣвъ на хорошія земли быстро поправились и уже давно избытокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не только что посылаютъ своимъ сородичамъ на Уссури, но даже продаютъ на сторону; казаки-же, оставшіеся на старыхъ мѣстахъ, мало того, что воспользовались обработанными полями ушедшихъ, но получая, по прежнему, весь заработокъ отъ почтовой гоньбы, поставки дровъ и другихъ промысловъ, на количество населенія уже вдвое меньшее—также не менѣе быстро оправились, давно позабывъ горькую нужду и невзгоды первыхъ лѣтъ по заселеніи (2).

Такимъ образомъ, къ началу—80 годовъ мы имѣ-

---

(1) Полковника Глена.

(2) Для сравненія хлѣбнаго оборота настоящаго времени—съ временемъ до переселенія, помѣщаемъ цыфры посѣва и сбора хлѣбовъ за 78 и 90 года. Въ—78 г. на 6064 души населенія посѣяно 16740 п., а собрано 48360 п. Въ—90 г. на 6614 душъ населенія посѣяно 50300 п., а собрано 267860 п. Слѣдовательно до переселенія на душу приходилось около 5 п. чистаго сбора, а спустя 10 лѣтъ послѣ переселенія уже около 33 пуд. т. е. въ 6 разъ больше.

ли уже въ Южно-Уссурiйскомъ краѣ два линейныхъ баталiона, двѣ постовыя команды, двѣ батареи, сотню уссурiйскихъ казаковъ и конную сотню, о сформированiи которой будетъ сказано ниже (1).

Изъ изложеннаго не трудно видѣть, что развитiе боевыхъ силъ этого края вполнѣ отвѣчало тому мирному настроенiю амурской жизни, которымъ отличался весь этотъ, довольно длинный, перiодъ.

Одновременно съ передвиженiемъ нашихъ войскъ въ Южно-Уссурiйскiй край началось упроченiе нашего влiянiя и на о-вѣ Сахалинѣ; для этого, въ—63 году, были переведены туда двѣ роты для занятiя постовъ—Косуная и вновь образованнаго Дуэ; въ—66 году занятъ еще новый постъ Мануэ, противъ Косуная, на восточномъ берегу острова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, общее начальство надъ всѣми постами сосредоточено въ рукахъ одного лица: Подполковника де-Витте; наконецъ въ—68 году, когда со стороны Японiи, совмѣстно съ которой Россiя владѣла этимъ островомъ, обнаружилась рѣшимость противодѣйствовать нашему водворенiю въ этомъ краѣ, то Высочайше было повелѣно довести военныя силы наши на этомъ островѣ до одного линейнаго баталiона и взвода горной артиллерiи, что съ находящейся тамъ Дуйской постовой командою—дало намъ возможность занять, наиболѣе важные въ военномъ отношенiи, пункты—въ южной части острова, гдѣ находились также и посты японцевъ. Такое увеличенiе нашихъ военныхъ силъ на островѣ Сахалинѣ и отдаленность большей части занятыхъ нами пунктовъ отъ мѣстопребыванiя военнаго управленiя. Приморской области—побудила въ-84 году къ образованiю особаго военнаго управленiя, которому было-бы ввѣрено не только завѣдыванiе собственно войсками, но и гражданское

---

(1) 1 линейный баталiонъ стоялъ во Владивостокѣ; 3 линейный баталiонъ и 2-я батарея въ с. Никольскомъ; 3-я батарея въ ур. Новокiевскомъ; постовыя команды—Новгородская и Ольгинская по прибрежнымъ пунктамъ, а конная сотня въ п. Камень-Рыболовѣ.

управленіе, какъ туземнымъ населеніемъ острова, такъ и ссыльно-каторжными, которыхъ, начиная съ 1869 года, начали направлять туда изъ Забайкалья.

Войскамъ передвинутымъ въ Южно-Уссурійскій край, помимо тѣхъ трудовъ и лишеній, которые выпали на ихъ долю, какъ по устройству самихъ себя, такъ равно и по благоустройству этой дикой и еще пустынной мѣстности, чуть-ли не съ первыхъ шаговъ пришлось стать въ непріязненныя отношенія къ манзовскому населенію, которое, совершенно не признавая нашего господства, занималось разными промыслами, а при случаѣ обращалось въ хунхузовъ ([1]), грабившихъ и разорявшихъ мирное населеніе этого края—преимущественно-же русскихъ крестьянъ. Подобныя отношенія, разумѣется, привели вскорѣ къ вооруженному столкновенію, поводомъ къ которому послужило слѣдующее обстоятельство: въ концѣ 1867 года, шкуна „Алеутъ," слѣдуя изъ Николаевска въ заливъ Посьета, зашла, по пути, на островъ Аскольдъ; найдя тамъ китайцевъ добывающихъ золото, капитанъ ([2]) шкуны приказалъ имъ оставить островъ, а для прекращенія противузаконнаго промысла, Военнымъ Губернаторомъ Приморской области, былъ выставленъ въ бухтѣ „Стрѣлокъ" особый военный постъ, подъ командою Поручика Каблукова; кромѣ того, для той-же цѣли былъ усиленъ еще отрядъ, находящійся въ бухтѣ „Находка". Подобное запрещеніе разумѣется не могло понравиться китайскимъ выходцамъ, которые, стараясь набрать болѣе сильную и при томъ вооруженную партію, чтобы дать отпоръ въ случаѣ возобновленія запрещенія—дѣлали воззванія къ жителямъ окрестныхъ фанзъ, приглашая ихъ присоединиться къ нимъ, произвести волненіе въ краѣ и истребить всѣхъ русскихъ, что-бы затѣмъ уже безпрепятственно пользоваться богатствами этого края; результаты этого воззванія не замедлили вскорѣ проявиться сре-

([1]) Разбойникъ-грабитель.

([2]) Капитанъ Этолинъ.

ди манзъ, живущихъ по сучанской долинѣ, которые, зимою-же этого года, оказали неповиновенiе и буйство противъ находящагося тамъ поста, почему для усмиренiя ихъ сформированъ былъ отрядъ изъ двухъ линейныхъ ротъ и взвода горной артиллерiи, подъ начальствомъ Подполковника Дьяченко, который, быстро двинувшись на Сучанъ, возстановилъ тамъ порядокъ и спокойствiе.

Это повидимому наружное спокойствiе продолжалось только до Апрѣля мѣсяца-68 года. Въ это время шкуна „Алеутъ", зимовавшая на Владивостокскомъ рейдѣ, отправилась осмотрѣть о. Аскольдъ и, замѣтивъ на немъ снова нѣсколькихъ манзъ, спустила шлюпку съ небольшой командою; но едва только команда высадилась на островъ, какъ неожиданно, изъ за кустовъ, посыпался цѣлый градъ выстрѣловъ, подъ которыми пали убитыми—три матроса и были ранены: Амурскаго флотскаго экипажа лекарь Кизель, корпуса лѣсничихъ Подпоручикъ Петровичъ и восемь нижнихъ чиновъ; подобравъ убитыхъ и раненыхъ, команда отступила къ шлюпкѣ и возвратилась на шкуну, которая въ продолженiи своего крейсерства у береговъ острова до 27 Апрѣля, когда недостатокъ топлива принудилъ ее вернуться въ Новгородскую гавань—успѣла истребить всѣ манзовскiя шлюпки, лишивъ ихъ тѣмъ всякаго сообщенiя съ материкомъ. Въ это время Цимухинскiе манзы, считавшiеся намъ преданными, пользуясь малочисленностью отряда на посту „Стрѣлокъ", въ ночь на 26 Апрѣля, при густомъ туманѣ, бросились въ расплохъ на команду, убили нѣсколько человѣкъ и двинулись на д. Шкотову, находящуюся въ глубинѣ Уссурiйскаго залива, на устьѣ р. Цимухэ—напали на нее, произвели вновь убiйства и затѣмъ предали ее огню; выждавъ здѣсь присоединенiя манзъ съ о. Аскольда, которые по удаленiи крейсера перебрались на материкъ на плотахъ и бревнахъ—двинулись главною массою къ с. Никольскому, а частью разбрелись небольшими партiями по всему краю для разбоя и грабежа. Главное-же скопище, направ-

ляясь къ границѣ Маньчжуріи, достигнувъ Суйфуна, внезапно напало на с. Никольское сожгло его и вынудило жителей, подъ прикрытіемъ расположенной въ деревнѣ небольшой команды линейныхъ войскъ, отстрѣливаясь, отступить къ посту Камень-Рыболовъ.

Численность и расположеніе войскъ Уссурійскаго края въ этотъ періодъ времени было слѣдующее: *1-й линейный баталіонъ*—на р. Янчихэ, занимая небольшими караулами нѣсколько пограничныхъ пунктовъ вдоль границы съ Кореей, Китаемъ и Маньчжуріей; *3-й линейный баталіонъ*, имѣя двѣ роты при штабѣ баталіона въ п. Камень-Рыболовъ, тремя ротами, въ томъ числѣ и стрѣлковой, занималъ Раздольнинскій постъ, выставляя при этомъ также нѣсколько карауловъ вдоль пограничной линіи; *горный дивизіонъ* съ 4 орудіями, имѣя подъемныхъ лошадей всего на одинъ взводъ, въ п. Владивостокѣ; кромѣ того, въ видѣ мѣстныхъ войскъ, *Новгородская постовая команда* содержала отъ себя посты во Владивостокѣ, въ бухтѣ Находка, въ заливѣ Стрѣлокъ, въ урочищѣ Вяземскомъ и въ ст. Верхне-бѣльцовой. Словомъ, численность нашихъ войскъ простиралась едва только до 1 ½ тысячъ штыковъ, которые были разбросаны къ тому болѣе, чѣмъ на 1500 кв. миль -мелкими частями, раздѣленными по свойству самой мѣстности едва проходимыми горами, болотистыми долинами рѣкъ и рѣчекъ, лѣсными пространствами и проч. Въ тылу этого плацдарма, верстъ за 400, находилась:—въ Хабаровкѣ постовая команда и стрѣлковая школа, всего до 300 человѣкъ; станицы-же пѣшаго казачьяго баталіона, по правому берегу Уссури, представляли собою, какъ-бы вооруженную траншею къ нашимъ передовымъ колонистамъ Южно-Уссурійскаго края. Наконецъ еще далѣе, на разстояніи 600-900 верстъ внизъ по Амуру, въ Софійскѣ, Маріинскѣ и Николаевскѣ расположены были 4, 5 и 6 линейные баталіоны и нѣкоторыя другія мѣстныя войска.

Таковы были наши силы и таково было размѣщеніе нашихъ войскъ, представлявшихъ не только стражу нашихъ владѣній, но и съ заступомъ или топоромъ въ рукахъ, явившихся сюда первыми колонизаторами и піонерами этой далекой окраины.

Военный Губернаторъ Приморской области Контръ-Адмиралъ Казакевичъ, получивъ извѣстіе о движеніи манзъ, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Образовать сводный стрѣлковый полубаталіонъ, силою около 300 человѣкъ, изъ стрѣлковъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ въ низовьяхъ Амура, и изъ людей стрѣлковой школы, отправивъ его въ первыхъ числахъ Мая на пароходѣ по Уссури въ п. Камень-Рыболовъ на усиленіе войскъ.

2) Въ ст. Буссе устроить временный провіантскій магазинъ на 10/т. пудовъ муки и соотвѣтственное количество крупъ.

3) Для единства дѣйствій и сосредоточенія всѣхъ распоряженій въ рукахъ одного лица, командировать съ этой цѣлью Начальника Штаба войскъ Приморской области, Полковника Тихменева въ Уссурійскій край.

и 4) Сдѣлать представленіе Генералъ-Губернатору объ объявленіи всего края отъ Хабаровки до Владивостока на военномъ положеніи.

Полковникъ Тихменевъ, хорошо изучившій край и усвоившій себѣ вѣрный взглядъ на отношенія наши къ туземному населенію, большая часть котораго находилась только въ ожиданіи перваго успѣха со стороны мятежниковъ,—остановился на рѣшительномъ образѣ дѣйствія. Еще 10-го Мая, по телеграфу изъ Маріинска, имъ отдано было слѣдующее приказаніе: командиру 3-го баталіона двинуть изъ п. Камень-Рыболова роту къ с. Воронежскому (у Турьяго рога); Капитану Холевинскому съ Ситхинскимъ гарнизономъ, всего 85 человѣкъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшему изъ Ситхи (¹),

(¹) Гарнизонъ этотъ прибылъ изъ Ситхи въ виду того, что американскія владѣнія наши, въ этомъ-же—68 году, были проданы американцамъ.

занять д. Никольскую; командиру 1-го баталіона занять отрядами пограничную линію отъ Хунчунскаго караула до верховья р. Эльдогу, съ цѣлью устранить съ этой стороны возможность вторженія въ наши предѣлы новыхъ партій бродягъ и сводному стрѣлковому полубаталіону ускорить свое движеніе, захвативъ съ собою 10/т. пуд. провіанта, 90/т. патроновъ, 26 подъемныхъ лошадей и разные предметы для снаряженія вьючнаго и колеснаго обоза. Пока означенныя распоряженія приводились въ исполненіе, пришло извѣстіе, что отрядъ хунхузовъ, силою около 1/т. человѣкъ, двинулся съ верховьевъ Лефу на Даубиху, угрожая нашимъ Даубихинскимъ и даже верхне-Уссурійскимъ поселеніямъ и, что, кромѣ того, появились шайки на р. Ула-хэ.

Въ виду этихъ извѣстій, было отдано распоряженіе сформировать немедленно роту изъ населенія верхнихъ Уссурійскихъ станицъ, въ составѣ 150 штыковъ, и, подъ начальствомъ командира Уссурійскаго казачьяго баталіона Подполковника Маркова, немедленно двинуться на Камень-Рыболовъ, гдѣ, усилившись свободными людьми 3-го баталіона, форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ с. Никольскому. Капитану-же Флоренскому съ сводным стрѣлковымъ полубаталіономъ—двинуться вверхъ по Уссури и Даубихэ съ тѣмъ, что-бы, очистивъ Даубихинскую долину и обезпечивъ спокойствіе нашихъ по Уссури, перейти на Лефу и совокупно съ Подполковникомъ Марковымъ тѣснить разбойниковъ со стороны Лефу и Суйфуна въ опустошенныя уже ими долины Майхэ и Цимухэ; кромѣ того для связи этихъ колоннъ, выдвинуть небольшіе отряды, а Подполковнику Дьяченко, съ отрядомъ и двумя горными орудіями, занять ст. Лоренцову для содѣйствія двигавшимся колоннамъ.

Означенное движеніе войскъ вскорѣ привело главное скопище хунхузовъ къ окрестностямъ с. Никольскаго; въ это время Полковникъ Тихменевъ, разсчитывая ,что уже отрядъ Подполковника Марко-

ва долженъ быть въ тылу скопища—посылаетъ приказаніе Раздольнинскому отряду (силою 70 челов.) двинуться въ ночь съ 28 на 29 Мая и, не смотря на разность силъ, атаковать хунхузовъ въ направленіи на Никольское, отбросивъ ихъ такимъ образомъ, на отрядъ Подполковника Маркова. Между тѣмъ манзы, на разсвѣтѣ 29 Мая, пройдя с. Никольское, сами двинулись по Рыболовской дорогѣ на встрѣчу Подполковнику Маркову, не будучи атакованы Раздольнинскимъ отрядомъ, нерѣшительно и медленно наступавшимъ. Хунхузы, имѣя въ головѣ конныхъ манзъ, встрѣтившись, около полудня, на 15 верстѣ отъ с. Никольскаго, съ головными частями отряда Подполковника Маркова, довольно искусно выбрали хорошую и сильную позицію ([1]). Подполковникъ Марковъ, не мѣшкая, тотчасъ-же выслалъ стрѣлковую цѣпь, которая открыла огонь, на что манзы отвѣтили не менѣе оживленнымъ огнемъ изъ густо-разсыпанной цѣпи по опушкѣ занятаго ими лѣса.

Послѣ шести-часовой перестрѣлки Подполковникъ Марковъ, замѣтивъ утомленіе непріятеля, приказалъ Подпоручику Дубинину съ охотниками въ числѣ 40 человѣкъ обойти лѣвый флангъ и очистить штыками занимаемую манзами высоту, дабы затѣмъ, перемѣнивъ фронтъ, загнать ихъ въ болотистую долину р. Тудагоу, къ которой они примыкали своимъ правымъ флангомъ. Подпоручикъ Дубининъ, скрытно приблизившись къ противнику, открылъ огонь и, подаваясь понемногу впередъ, не доходя ста шаговъ до занимаемой ими высоты, бросился въ штыки. Манзы не выдержали смѣлаго молодецкаго натиска и обратились въ бѣгство. Подполковникъ Марковъ, не теряя времени, двинулся впередъ, перешелъ рѣчку, раздѣлявшую до сихъ поръ обѣ стороны и преслѣдовалъ отступающихъ до наступленія темноты.

Съ нашей стороны принимало участіе въ этой стычкѣ до 175 человѣкъ, а со стороны манзъ до 400 человѣкъ. У насъ былъ убитъ одинъ казакъ и ра-

---

([1]) Не подалеку отъ ст. Дубининской или Михайловской.

нено двое: Инженеръ-Поручикъ Зотиковъ и барабанщикъ; манзы оставили на мѣстѣ до 50 труповъ, потеряли значекъ, часть обоза, быковъ и два ручныхъ фальконета.

Послѣ отдыха, въ теченіи слѣдующаго дня, отрядъ Подполковника Маркова снова продолжалъ преслѣдованіе бѣжавшихъ манзъ уже въ теченіи 8 дней, истребляя безпощадно, раздробившіяся на мелкія шайки, скопища манзъ. Затѣмъ, въ промежутокъ времени съ 29 Мая по 7-е Іюня, неутомимыя и одновременныя передвиженія цѣлаго ряда небольшихъ отрядовъ, покрывшихъ довольно густою сѣтью весь Южно-Уссурійскій край, произвели настолько сильное впечатлѣніе среди туземнаго китайскаго населенія, считавшаго во многихъ мѣстахъ себя недоступнымъ, что вскорѣ-же былъ водворенъ среди нихъ полный порядокъ и спокойствіе; такимъ образомъ возмущеніе было подавлено, порядокъ возстановленъ и жители возвращены на свои мѣста.

Энергія и благоразумныя мѣры распорядителей съ съ одной стороны, а пароходы и телеграфъ съ другой стороны дали возможность покончить съ этимъ дѣломъ въ одинъ мѣсяцъ, при чемъ многіе разбойники были захвачены и арестованы; остальные-же частью уничтожены, а частью разсѣяны. Для опредѣленія степени виновности всѣхъ арестованныхъ манзъ, по распоряженію Генералъ-Губернатора, была составлена особая коммисія подъ предсѣдательствомъ артиллеріи Подполковника Педашенко, которому, между прочимъ, было приказано:

1) Всѣхъ манзъ, признанныхъ виновными, отправить моремъ на островъ Сахалинъ, въ п. Дуэ для работъ на каменно-угольныхъ копяхъ.

2) Манзъ, оставленныхъ въ подозрѣніи, отправить въ Новгородскій постъ для передачи пограничнымъ китайскимъ властямъ, но съ тѣмъ, чтобы этимъ манзамъ воспрещенъ былъ навсегда въѣздъ въ русскіе предѣлы.

и 3) Манзъ, признанныхъ невиновными, освободить, предоставивъ имъ отравиться куда пожелаютъ.

Означенное волненіе указало, между прочимъ, на необходимость усиленія войскъ Южно-Уссурійскаго края и особенно на недостатокъ артиллеріи, почему въ томъ-же году горный дивизіонъ 2-й легкой батареи былъ передвинутъ изъ г. Благовѣщенска въ п. Камень-Рыболовъ и, кромѣ того, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, дислокація войскъ измѣнена слѣдующимъ образомъ:

1-му линейному баталіону—штабъ-квартирою назначено ур. Новокіевское, при чемъ, отъ него должно было выставляться 6 постовъ (1); кромѣ того онъ долженъ былъ содержать людей на телеграфныхъ станціяхъ отъ Посьета до ст. Баранова.

3-му линейному батальону—штабъ и двѣ роты имѣть въ п. Камень-Рыболовъ, выставляя отъ нихъ посты въ Турій-рогъ и на сосѣднихъ станціяхъ; остальныя-же двѣ роты держать въ с. Никольскомъ и на постахъ—Барановскомъ и Раздольномъ.

Горной артиллеріи—держать дивизіонъ въ п. Камень Рыболовъ, взводъ въ п. Владивостокъ и взводъ въ Посьетѣ.

Новгородской постовой командѣ, по увеличеніи ея состава до 320 нижнихъ чиновъ—переводомъ изъ другихъ командъ,—размѣститься въ Новгородской гавани, во Владивостокѣ, Находкѣ и Угловомъ.

Хабаровской-же постовой командѣ—занять постъ Бѣльцова и станціи по р. Уссури до Буссе.

По возстановленіи спокойствія въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, Командующій войсками округа (2), лично посѣтившій его лѣтомъ того же года, призналъ необходимымъ, въ виду значительности пространства этого края, разбросанности въ немъ населенія, равно какъ и для поддержанія порядка на будущее время—сдѣлать распоряженіе о раздѣленіи

---

(1) Корейскій, Хунчунскій, Рязановскій, Монгугайскій, Ханшинъ и Вяземскій
(2) Генералъ-Адъютантъ Корсаковъ.

всего Уссурійскаго края на пять округъ ([1]), подчинить населеніе каждой округи особому Окружному Начальнику изъ числа начальниковъ частей войскъ, тамъ находившихся, и поручить имъ произвести полную опись всѣмъ фанзамъ и, живущимъ въ нихъ, китайцамъ, имѣя за дѣйствіями сихъ послѣднихъ бдительный надзоръ. Одновременно съ этимъ Генералъ-Губернаторъ представилъ свои соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченія дальнѣйшаго развитія и благосостоянія этого края, касавшіяся слѣдующихъ предметовъ:

1) Перенесенія областного центра гражданскаго и военнаго управленія изъ Николаевска въ Хабаровку.

2) Раздѣленія Южно-Уссурійскаго края на округи, усиленія въ немъ русской колонизаціи и установленія правильныхъ сообщеній его съ другими частями области.

3) Обезпеченія границы Южно-Уссурійскаго края отъ внѣшнихъ вторженій, черезъ образованіе для того особаго пограничнаго коннаго дивизіона.

4) Учрежденія въ этомъ-же краѣ должности пограничнаго коммисара, для завѣдыванія сношеніями съ иностранными пограничными властями.

5) Учрежденія въ Хабаровкѣ областного казначейства и въ одной изъ южныхъ гаваней—расходнаго отдѣленія.

и 6) Преобразованія въ составѣ Сибирской флотиліи и назначенія постоянной эскадры въ водахъ Тихаго Океана.

Для разсмотрѣнія означенныхъ предположеній по устройству и управленію Приморской области, была образована въ Петербургѣ особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Лутковскаго, изъ лицъ по преимуществу, бывшихъ въ этомъ

([1]) Округи: Уссурійская, Ханкайская, Суйфунская, Сучанская и Аввакумовская

краю и близко знакомыхъ съ его положенiемъ и нуждами. По зрѣломъ обсужденiи означенныхъ предположенiй, разсмотрѣнныхъ еще, между прочимъ, въ особомъ совѣщанiи Министровъ, было постановлено:

1) Для усиленiя русской колонизацiи Уссурiйскаго края—переселить съ Аянскаго тракта 108 семей крестьянъ, въ числѣ 556 душъ обоего пола, поселенныхъ тамъ еще въ-51 году, для поддержанiя почтоваго тракта.

2) Въ видахъ обезпеченiя границы Южно-Уссурiйскаго края—сформировать безотлагательно одну сводную казачью сотню, съ дополненiемъ ея пѣхотными солдатами, если не найдется достаточнаго числа казаковъ-охотниковъ.

3) Въ Южно-Уссурiйскомъ краѣ учредить пограничное Коммиссарство.

и 4) Приступить къ устройству почтоваго сообщенiя между Хабаровкою и заливомъ Посьета.

Что же касается остальныхъ предположенiй Генералъ-Адъютанта Корсакова, то разсмотрѣнiе ихъ было отложено до полученiя результатовъ другой коммисiи, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Сколкова, командированной на Амуръ на два года, для изученiя на мѣстѣ всѣхъ потребностей и нуждъ этого края. Ближайшимъ послѣдствiемъ дѣятельности этой коммисiи, доставившей, между прочимъ, массу самого разнообразнаго матерiала объ этой мало-извѣстной странѣ—было окончательное и безповоротное рѣшенiе вопроса о переносѣ Николаевскаго порта во Владивостокъ, а не въ заливъ Посьета, какъ объ этомъ хлопоталъ Генералъ Корсаковъ, при чемъ рѣшенiе это получило утвержденiе въ 1872 году, когда и начался переносъ порта; съ этихъ поръ Николаевскъ, имѣвшiй уже болѣе 3/т. жителей и созданный не нуждами и требованiями народными, а исключительно по необходимости имѣть на первое время въ устьѣ Амура, хотя какой ни-

будь портъ, естественно, сталъ постепенно клониться къ упадку, представляя изъ себя въ настоящее время не болѣе не менѣе какъ село ([1]), если онъ и не утерялъ окончательно своего значенія, то лишь только благодаря тому, что до сихъ поръ—это единственно-удобный транзитный пунктъ для товаровъ и грузовъ доставляемыхъ въ край морскимъ путемъ; за то съ другой стороны Владивостокъ, имѣвшій ко времени переноса порта всего лишь только до 600 жителей, началъ быстро развиваться, составляя въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ городовъ Амурскаго края, обѣщающій въ недалекомъ будущемъ занять не послѣднее мѣсто среди портовъ Тихаго океана.

Послѣдующія событія Амурской жизни до 1880 года,—когда возникшія недоразумѣнія съ Китаемъ, снова обратили взоры всѣхъ на эту далекую окраину, на столько обыденны и не интересны, что не заслуживаютъ даже вниманія; только передача Японіи въ—75 году Курильскихъ острововъ, въ замѣнъ уступленнаго ею права на исключительное владѣніе нами островомъ Сахалиномъ, да постановка Морскимъ Вѣдомствомъ въ концѣ—76 года гладкостѣнныхъ орудій на мысахъ: Голдобина, Эгершельда, и Бурномъ, для прикрытія входа въ бухту Золотой Рогъ и защита самого города Владивостока отъ бомбардированія со стороны Амурскаго залива, а главное, сосредоточеніе на лѣтнее время—77 года, когда Россія была въ войнѣ съ Турціей, всѣхъ свободныхъ силъ Амурскаго края къ прибрежью при-Уссурійскаго бассейна—внесли нѣкоторое оживленіе въ то, какъ-бы сонливое, настроеніе въ которое начиналъ впадать Амуръ въ—70 годахъ.

([1]) Въ настоящее время въ Николаевскѣ всего только около 1200 человѣкъ жителей, не считая войскъ.

ГЛАВА VIII.

Развитіе боевыхъ силъ Приамурскаго военнаго округа.

Двухсотлѣтняя дружба Россіи съ Китаемъ, основанная на искреннемъ желаніи жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдомъ, привела насъ къ убѣжденію, что миръ нарушенъ не будетъ и намъ нѣтъ особой необходимости сосредоточивать въ Приамурскомъ краѣ значительныхъ военныхъ силъ и принимать какія либо особыя мѣры къ оборонѣ нашихъ, здѣшнихъ, границъ. Между тѣмъ Китайское Правительство, усматривая въ этомъ, какъ-бы нашу слабость, рѣшилось въ 1879 г. на такой способъ дѣйствія противъ насъ въ средней Азіи, который уже не могъ быть долѣе терпимъ. Дѣйствительно, дерзкій отказъ въ ратификаціи Ливадійскаго договора по Кульджинскому вопросу, а затѣмъ начавшіеся по этому поводу переговоры невольно заставили обратить полнсе вниманіе на оборону Государственной границы съ Китаемъ, особенно на ея крайнемъ востокѣ, гдѣ мы располагали столь незначительными силами, что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Китаемъ были-бы сразу поставлены въ безвыходное положеніе. По этому признано было необходимымъ немедленно развить и переформировать войска не только, что Приамурскаго края, но и всей Восточной Сибири, а также перевооружить пѣхоту и артиллерію скорострѣльными ружьями и стальными дальнобойными орудіями.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ преобразованій—будетъ умѣстно, въ короткихъ словахъ, на-

помнить о появленіи той слабой горсти войска, которая послужила кадромъ для развитія боевыхъ силъ Приамурскаго края,—развитія, имѣвшаго мѣсто въ теченіи всего послѣдняго десятилѣтія и продолжающагося еще понынѣ.

Вооруженныя силы края сложились изъ двухъ элементовъ—регулярнаго войска и казачества. До учрежденія регулярныхъ войскъ, единственную военную силу составляли казаки, которые и послѣ появленія регулярныхъ частей не исчезли, а напротивъ, постепенно развиваясь, всегда служили важнымъ дополненіемъ боевыхъ силъ этого края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ для образованія новыхъ частей. Первоначально Сибирскіе казаки, не имѣя своихъ отдѣльныхъ поселеній, ни промысловъ ни вольностей, дѣлясь на пограничныхъ и городовыхъ—относили службу, частью военную, а частью полицейскую, получая за это отъ казны ничтожное вознагражденіе. Въ 1822 году, одновременно съ общимъ административнымъ переустройствомъ Сибири, издается „Уставъ о Сибирскихъ городовыхъ казакахъ", опредѣляющій болѣе точно—права и обязанности ихъ. Въ—51 году въ составѣ и устройствѣ казачества производятся уже болѣе значительныя измѣненія, а въ учрежденной тогда-же Забайкальской области—образуется особое Забайкальское казачье войско, обязанное выставлять 6 конныхъ полковъ, 12 пѣшихъ казачьихъ баталіоновъ и 1 конно-артиллерійскую бригаду, въ составѣ двухъ батарей. Этимъ собственно говоря и кладется первое начало правильной организаціи боевыхъ силъ края.

Съ занятіемъ-же Амура, когда требуются для охраненія юго-восточной границы Сибири и содержанія сообщенія по р. р. Амуру и Уссури новыя силы, то тогда, съ этою цѣлью, переселяются туда казаки изъ Забайкалья, образуя, такимъ образомъ, на 7-мъ году своего существованія, уже новое казачье

войско—Амурское; это казачье населеніе, на основаніи изданнаго въ 1860 году временнаго положенія объ Амурскомъ казачьемъ войскѣ должно было выставлять 2 конныхъ полка и 2 пѣшихъ казачьихъ баталіона. Далѣе, въ видахъ устраненія замкнутости Амурскаго и Забайкальскаго казачьихъ войскъ, въ—70 годахъ, они подвергаются значительнымъ преобразованіямъ, находившимся въ тѣсной связи съ общей реформою, которую признано было необходимымъ ввести во всѣхъ казачьихъ поселеніяхъ; вводится воинская повинность, служилый составъ ограничивается извѣстнымъ числомъ казаковъ, а остальные освобождаются отъ службы и обкладываются особымъ налогомъ; при чемъ, одновременно съ этимъ, для Забайкальскаго войска число выставляемыхъ имъ пѣшихъ баталіоновъ уменьшается до 9. Наконецъ, когда для всего населенія Имперіи учреждается обще-обязательная воинская повинность, давшая большее развитіе нашимъ вооруженнымъ силамъ, то тогда становится необходимымъ примѣнить ее и къ казачьимъ поселеніямъ; преобразованіе это для Забайкальскаго войска наступаетъ въ—78 году, а для Амурскаго въ—80 году, при чемъ число выставляемымъ ими строевыхъ частей, сообразно дѣйствительной способности населенія, уменьшается на половину, за исключеніемъ, впрочемъ, конно-артиллерійскихъ батарей число которыхъ увеличивается еще на одну.

Переходя затѣмъ къ регулярнымъ войскамъ—можно сказать, что таковыхъ до 1851 года въ краѣ не существовало, если не считать Горнаго баталіона № 5, сформированнаго въ—20-хъ годахъ и состоявшаго при Нерчинскихъ заводахъ; въ—51-мъ-же году, одновременно съ образованіемъ Забайкальскаго казачьяго войска, Генералъ-Губернаторъ Муравьевъ, озабочиваясь своевременно сосредоточеніемъ въ Забайкальѣ достаточныхъ силъ для осуществленія своей давнишней, завѣтной, мечты—занятія

Амурскаго края—переводитъ туда, изъ ближайшихъ мѣстъ Восточной Сибири, 4-ю бригаду 24-й пѣхотной дивизіи, состоявшую тогда изъ четырехъ Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ №№ 13, 14, 15 и 16 ([1]) и одновременно съ этимъ формируетъ 16-ю гарнизонную артиллерійскую бригаду, въ составѣ двухъ ротъ съ двумя горными при нихъ взводами. Вотъ это всѣ тѣ силы съ которыми мы занимаемъ Амуръ и которыя, постепенно передвигаясь сначала къ устью Амура, а затѣмъ въ—60 годахъ на югъ, къ прибрежнымъ пунктамъ Уссурійскаго края—образуютъ тотъ кадръ изъ котораго развертывается въ послѣдствіи большинство существующихъ нынѣ частей. Но этимъ дальнѣйшее развитіе боевыхъ силъ не ограничивается; такъ въ—55 году формируется въ Забайкальѣ подвижной полупаркъ; въ—57 году гарнизонная артиллерійская бригада переформировывается въ линейную Забайкальскую артиллерійскую бригаду, въ составѣ двухъ батарей; затѣмъ въ—58 году Сибирскіе линейные баталіоны, составлявшіе 4-ю бригаду 24-й пѣхотной дивизіи—исключаются изъ общаго состава Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, подчиняются непосредственно Военнымъ Губернаторамъ тѣхъ областей въ которыхъ они были расквартированы и образуютъ собою особые линейные баталіоны Восточной Сибири, которымъ присваивается новая нумерація, отъ № 1 до № 4. Въ-60 и 61-мъ годахъ, какъ бы на замѣну частей выбывающихъ въ Уссурійскій край—направляются на Амуръ, вновь сформированные изъ Иркутскаго и Енисейскаго гарнизонныхъ баталіоновъ,

---

([1]) Баталіоны эти переформированы въ 1829 году:—№ 13—изъ Иркутскаго гарнизоннаго баталіона; № 14—изъ Красноярскаго гарнизоннаго баталіона, переформированнаго первоначально въ Сибирскій линейный баталіонъ № 11, а затѣмъ только въ—49 году уже переименованнаго въ баталіонъ № 14; № 15—изъ Горнаго № 5 баталіона и № 16 изъ Томскаго гарнизоннаго баталіона, переформированнаго первоначально въ Сибирскій линейный баталіонъ № 14, а затѣмъ переименованнаго въ—49 году въ баталіонъ № 12 и только уже въ—54 г.—въ баталіонъ—№ 16.

—баталіоны №№ 5 и 6 ([1]). Далѣе, для непосредственнаго завѣдыванія линейными баталіонами расположенными въ Приморской области, въ томъ же—61 году, учреждается должность Инспектора линейныхъ баталіоновъ и формируется въ Николаевскѣ штабъ крѣпостной артиллеріи 1-го класса и крѣпостная рота, которые, однако черезъ 14 лѣтъ въ—75 году, съ переносомъ Николаевскаго порта во Владивостокъ—упраздняются. Въ—69 г. линейная Забайкальская артиллерійская бригада перевооружается 4 фунт. мѣдными орудіями и переименовывается въ Восточно-Сибирскую,—при чемъ изъ горныхъ дивизіоновъ ея формируется 3-я горная батарея; наконецъ, въ этомъ же году, для обезпеченія границъ Южно-Уссурійскаго края, формируется еще Уссурійская казачья конная сотня.

При введеніи военно-окружной системы въ Восточной Сибири дается новое устройство также мѣстнымъ войскамъ и ихъ управленіямъ; такъ въ—65 году формируется въ Забайкальѣ 3 мѣстныхъ и 3 этапныхъ команды ([2]), кромѣ того въ Николаевскѣ—крѣпостная команда и 5 постовыхъ командъ—въ Приморской области ([3]); въ—73 году, при упраздненіи всѣхъ резервныхъ баталіоновъ, находившихся въ Восточной Сибири, 72 пѣхотный резервный баталіонъ переформировывается въ Губернскій баталіонъ, отправляется на Амуръ и называется 72-мъ Благовѣщенскимъ; въ—76 году этотъ баталіонъ, Николаевская крѣпостная и всѣ постовыя команды—переименовываются въ мѣстный баталіонъ и мѣстныя команды. Наконецъ, въ—77 году, въ Забайкальѣ вновь формируется 9 конвойныхъ командъ, а вмѣстѣ

([1]) Баталіонъ № 5 переименованъ въ—59 году изъ Енисейскаго Гарнизоннаго баталіона, а баталіонъ № 6—въ—61 году изъ Иркутскаго Гарнизоннаго баталіона.

([2]) Мѣстныя команды—Верхнеудинская, Читинская и Нерчинско-Александровская; этапныя команды—Боярская, Ильинская и Кабанская переименованная въ—78 году въ Курбинскую этапную команду.

([3]) Постовыя команды: Хабаровская, Новгородская, Александровская де-Кастри, Ольгинская и Дуйская на о. Сахалинѣ.

съ тѣмъ отмѣняется формированіе казачьихъ отрядовъ для исполненія конвойной службы.

Такимъ образомъ къ 1880 году мы имѣемъ въ Приамурскомъ краѣ: (¹)—8 баталіоновъ, 2 пѣшихъ сотни, 7 конныхъ сотенъ и 32 орудія—въ числѣ около 8800 человѣкъ (²); кромѣ того—еще Благовѣщенскій мѣстный баталіонъ, 9 мѣстныхъ и 12 конвойныхъ командъ—въ числѣ около 2750 человѣкъ—всего-же около 11550 человѣкъ. Вотъ это всѣ тѣ силы, которыми мы могли располагать на случай войны съ Китаемъ и которыя къ тому-же были разбросаны еще по всему огромному протяженію Приамурскаго края.

Необходимо было ихъ увеличить, особенно въ виду враждебнаго намъ настроенія Китайскаго Правительства; и вотъ, послѣ непродолжительнаго, особо назначеннаго, совѣщанія о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо было принять для защиты Приамурскаго края—24 Апрѣля 1880 года состоялось Высочайшее повелѣніе:

1) Сформировать изъ 2, 3 и 5-го, а также одной роты 4-го Восточно-Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ—четыре стрѣлковыхъ баталіона (³), которые именовать Восточно Сибирскими стрѣлковыми баталіонами, съ № 1 по № 4, образовавъ изъ нихъ Восточно-Сибирскую стрѣлковую бригаду.

2) Взамѣнъ 2-го и 3-го Восточно-Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, поступающихъ въ составъ означенной бригады, сформировать два новые линейные баталіона тѣхъ же нумеровъ, обративъ на

(¹) 1) 6 линейныхъ баталіоновъ. 2) Восточно-Сибирскую артиллерійскую бригаду изъ трехъ батарей. 3) Подвижной полупаркъ. 4) Забайкальскаго казачьяго войска: Конный полкъ (4 сотни; 2 сотни этого полка находились въ командировкѣ въ Западной Сибири), 2 пѣшихъ баталіона и 2 конныхъ батареи (по 4 оруд. каждая). 5) Амурскаго казачьяго войска: 2 конныхъ сотни и 2 пѣшихъ сотни и 6) Уссурійскую казачью конную сотню.

(²) По мирному положенію.

(³) 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый баталіонъ сформированъ изъ четырехъ ротъ 5-го линейнаго баталіона; 2-й Стрѣлковый—изъ четырехъ ротъ 2-го линейнаго баталіона; 3-й стрѣлковый—изъ четырехъ ротъ 3-го линейнаго, и 4-й стрѣлковый баталіонъ—изъ остальныхъ трехъ ротъ 2, 3 и 5 линейныхъ баталіоновъ и изъ одной роты 4-го линейнаго баталіона.

сформированіе № 3 баталіона—Хабаровскую мѣстную команду, а № 2—Благовѣщенскій мѣстный баталіонъ.

3) Восточно-Сибирскій № 4 линейный баталіонъ упразднить, обративъ остальныя четыре его роты на сформированіе трехъ новыхъ мѣстныхъ командъ (¹) на островѣ Сахалинѣ, а баталіону № 6 присвоить—№ 4.

4) Сформировать саперную роту, наименовавъ ее: Восточно-Сибирскою саперною ротою.

5) Сформировать роту крѣпостной артиллеріи, которую именовать Владивостокскою, а также команду крѣпостной артиллеріи—въ Николаевскѣ.

6) Образовать во Владивостокѣ крѣпостное Артиллерійское управленіе.

7) Усть-Кутскую мѣстную команду перевести изъ Иркутска въ Троицкосавскъ, наименовавъ Троицкосавскою мѣстною командою и усиливъ ее до состава 300 рядовыхъ.

8) При 1 и 2-й батареяхъ Восточно-Сибирской артиллерійской бригады, снова образовать горные дивизіоны, а въ 3-й горной батареѣ 5-й взводъ, до сего расположенный на о. Сахалинѣ, упразднить. Помимо того, Уссурійскую казачью конную сотню переименовать въ регулярную подъ названіемъ 1-й Уссурійской конной сотни, а вмѣстѣ съ тѣмъ сформировать еще вторую такую-же конную сотню, назначивъ для завѣдыванія ими особаго Штабъ-офицера; кромѣ того перевести еще въ Южно-Уссурійскій край, на усиленіе кавалеріи, двѣ сотни Забайкальскаго казачьяго войска (²).

Сформированіи этихъ частей, разумѣется, не могло быть произведено при помощи однихъ мѣстныхъ

(¹) Корсаковскую—въ 200 человѣкъ, Тымовскую и Александровскую—въ 150 человѣкъ каждую; кромѣ того существующая нынѣ Дуйская мѣстная команда была усилена еще до состава 300 нижнихъ чиновъ.

(²) 3 и 4 сотни.

средствъ, а потому въ Россіи были образованы—саперная рота и части крѣпостной артиллеріи, перевезенныя затѣмъ моремъ въ Уссурійскій край вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ для пополненія стрѣлковой и артиллерійской бригадъ ([1]).

Одновременно съ этимъ признано было необходимымъ дать болѣе самостоятельное устройство управленію морскою частью и съ этою цѣлью сдѣлано слѣдующее преобразованіе въ администраціи Приморской области: званіе Главнаго Командира портовъ Восточнаго океана было отдѣлено отъ званія Военнаго Губернатора области и Командующаго войсками въ ней расположенными; Главный Командиръ портовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ Военнымъ Губернаторомъ Владивостока и при немъ учреждена канцелярія для завѣдыванія гражданскими и военными дѣлами, а мѣстопребываніемъ Военнаго Губернатора Приморской области, Штаба, Областнаго правленія и Окружнаго суда—была назначена Хабаровка, которая тогда-же, т. е. въ —80 году, была возведена на степень областного города.

Этимъ дальнѣйшее развитіе боевыхъ силъ не ограничивается. Послѣ подписанія С. Петербургскаго договора, положившаго конецъ нашимъ недоразумѣніямъ съ Китаемъ, хотя отношенія наши и приняли нормальный характеръ, но тѣмъ не менѣе въ пограничныхъ съ нами мѣстностяхъ Манчьжуріи китайцы настойчиво продолжали принимать мѣры къ увеличенію оборонительныхъ и наступательныхъ своихъ средствъ, направивъ, прежде всего, все свое вниманіе на заселеніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, пограничныхъ съ нами и дотолѣ пустынныхъ мѣстностей, затѣмъ —на переустройство управленія въ Манчьжуріи и на возведеніе новыхъ городовъ и укрѣпленій вблизи нашей границы

([1]) Всего потребовалось отправить изъ Россіи въ Приамурскій край 50 офицеровъ, 2 чиновника и 1012 нижнихъ чиновъ.

(Удагоу, Санчакою). Все это разумѣется не могло не обратить вниманія Военнаго Министерства, которое уже въ —82 году испросило Высочайшаго соизволенія на сформированіе изъ Троицкосавской и Верхоленской мѣстныхъ командъ—новаго 5-го Восточно-Сибирскаго линейнаго баталіона и на усиленіе нѣкоторыхъ батарей г. Владивостока 11-ти дюймовыми орудіями.

Наконецъ, вскорѣ стали обнаруживаться такіе факты, которые требовали уже безотлагательнаго усиленія войскъ; —такъ китайцы начали вмѣшиваться въ управленіе манзъ, живущихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, назначали и присылали туда своихъ чиновниковъ, сформировали изъ Сучанскихъ манзъ вооруженную команду изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія подъ начальствомъ чиновника Лигуя, между прочимъ, для уничтоженія которой въ апрѣлѣ—82 года пришлось даже послать отрядъ въ составѣ—роты, 1½ сотенъ и 2 горныхъ орудій, распространяли среди китайскихъ жителей слухи, что край этотъ только временно уступленъ Россіи, а въ заключеніе всего, при пограничныхъ сношеніяхъ, стали обнаруживать заносчивость и даже явную враждебность. Мало того, стремясь найти выходъ для Манчьжуріи къ морю—начали высказываться о необходимости пересмотра границы для возвращенія части залива Посьета, будто-бы нами неправильно захваченнаго и безъ котораго невозможно дальнѣйшее гражданское развитіе Манчьжуріи, тѣмъ болѣе, что поводъ къ этому былъ на лицо:—Начальникъ Новгородской постовой команды Подполковникъ Савеловъ, образуя изъ корейскихъ выходцевъ деревню своего имени, поселилъ ее, вслѣдствіе недостаточно точнаго опредѣленія границы, на китайской территоріи; поэтому китайцы, домогаясь возврата этой, неправильно занятой нами, мѣстности, стали требовать одновременно съ этимъ пересмотра и исправленія всей границы. Все это

вмѣстѣ взятое требовало немедленнаго увеличенія войскъ для предотвращенія прискорбныхъ случайностей, которыхъ при такомъ положеніи вещей можно было ожидать со дня на день. Еще до обсужденія мѣръ по усиленію войскъ Приамурскаго края, въ особо назначенномъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Графа Баранова, было Высочайше разрѣшено немедленно перевести изъ Николаевска въ заливъ Посьета 4-й линейный баталіонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ довести, какъ этотъ, такъ и 3-й линейный баталіонъ до 42-хъ-ряднаго состава, для чего необходимое укомплектованіе въ числѣ 800 человѣкъ отправить изъ Россіи кругосвѣтно, на судахъ Добровольнаго флота. Вслѣдъ затѣмъ, это особое совѣщаніе, обсудивъ во всей подробности вопросъ о политическомъ нашемъ положеніи въ Приамурскомъ краѣ и принявъ во вниманіе происходящее въ сосѣднихъ съ нами частяхъ Маньчжуріи—увеличеніе оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ—признало единогласно необходимымъ принять и съ нашей стороны мѣры для укрѣпленія за нами Южно-Уссурійскаго края—усиленіемъ находящихся тамъ войскъ; въ виду этого, Высочайшимъ приказомъ 30 октября 1883 года, было объявлено о сформированіи трехъ новыхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ (¹), на образованіе которыхъ было выдѣлено по одной ротѣ въ полномъ составѣ изъ 1-го, 3-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ и кромѣ того обращено для той-же надобности еще 832 нижнихъ чина предназначавшихся на доведеніе 3-го и 4-го линейныхъ баталіоновъ до 42-хъ ряднаго состава съ добавкомъ 95 нижнихъ чиновъ, изъ состава Новгородской мѣстной команды, переформировываемой въ Сучанскую; одновременно съ этимъ 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый баталіонъ, расположенный въ урочищѣ Новокіевскомъ и 4-й линейный баталіонъ, перемѣщаемый туда-же изъ

(¹) Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ №№ 1-й, 7-й и 8-й.

г. Николаевска—переименовывались въ 5-й и 6-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые баталіоны. Такимъ образомъ была сформирована 2-я Восточно-Сибирская стрѣлковая бригада, штабъ-квартирою которой было назначено уроч. Новокіевское. Помимо того для усиленія кавалеріи были выкомандированы въ томъ-же году отъ 1-го коннаго Забайкальскаго казачьяго полка и отъ Амурскаго казачьяго войска по одной сотнѣ въ Южно-Уссурійскій край, а Восточно-Сибирская артиллерійская бригада увеличена новой 4-й горной батареей, окончательно сформированной лишь только въ слѣдующемъ—84 году. Кромѣ того для упроченія нашего положенія въ Приамурскомъ краѣ, съ этого-же года, въ видѣ опыта, устанавливался на три года новый способъ заселенія Южно-Уссурійскаго края, состоящій въ привлеченіи туда переселенцевъ по добровольному желанію, съ отправкою кругосвѣтно во Владивостокъ на казенный счетъ и съ обезпеченіемъ имъ также средствъ для первоначальнаго устройства и обзаведенія на мѣстѣ.

Крѣпкая зависимость огромнаго Приамурскаго края отъ Иркутска, удаленнаго на нѣсколько тысячъ верстъ, особенно теперь, съ развитіемъ боевыхъ силъ, потребовавшихъ болѣе частыхъ и скорыхъ сношеній съ отдѣлами Окружнаго управленія—оказывалась настолько не нормальнымъ явленіемъ, что настоятельно требовала выдѣленія изъ состава Восточной Сибири этого края въ особый административный и военный округъ. Необходимость эта, начиная еще со временъ Графа Муравьева-Амурскаго, представившаго первый проектъ раздѣленія Сибири—признавалась большинствомъ высшихъ Правительственныхъ учрежденій и лицъ, въ теченіи всего истекшаго двадцатилѣтія, одинаково необходимой, какъ по политическимъ, военнымъ, такъ и административнымъ соображеніямъ. Существенное-же разногласіе въ мнѣніяхъ по этому вопросу обнару-

живалось лишь только относительно опредѣленія состава и границъ новаго Приамурскаго Генералъ-Губернаторства; такъ одни ограничивали предѣлы новаго раіона—областями Приморской и Амурской, а другіе включали въ составъ его и Забайкалье.

Но вотъ, въ особо назначенномъ, по этому вопросу, совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Графа Баранова—было, наконецъ, признано необходимымъ, при отдѣленіи Приамурскаго края отъ Восточной Сибири въ особое Генералъ-Губернаторство, включить въ него и Забайкалье, въ виду той тѣсной связи, которая существуетъ между этимъ краемъ и Забайкальскою областью; дѣйствительно, большая часть его принадлежитъ къ Амурскому бассейну, тяготѣетъ къ нему экономически и составляетъ его естественный базисъ; а необходимость, что-бы вся граница съ Монголіей и Маньчжуріей, составляющая особый театръ войны, находилась въ рукахъ одного лица, который въ мирное время могъ-бы подготовить всѣ средства къ веденію войны—устанавливала еще болѣе крѣпкую и тѣсную связь между ними и въ военномъ отношеніи. Поэтому, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, 14-го Іюня 1884 года, состоялось, давно ожидаемое, отдѣленіе Приамурскаго края въ особое Генералъ-Губернаторство въ составѣ Забайкальской, Амурской и Приморской областей, отдѣльнаго управленія о-мъ Сахалинымъ и особаго Владивостокскаго Губернаторства, при чемъ первымъ Генералъ-Губернаторомъ этого, вновь образованнаго, края—былъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ Баронъ Корфъ, на долю котораго выпало разобраться среди массы требованій и нуждъ молодаго края, отдѣлить главное отъ второстепеннаго, поднять и возбудить насущные вопросы дня, а главное, во время помочь и не задержать того естественнаго хода амурской жизни, который былъ ей предопредѣленъ свыше.

По прибытіи въ край новому Генералъ Губерна-

тору и Командующему войсками на первыхъ же парахъ пришлось, помимо своего желанія, сразу стать лицомъ къ вопросу до сихъ поръ еще ни кѣмъ нетронутому—вопросу о боевой готовности края.

Поводомъ къ этому послужили политическія осложненія съ Англіей, обострившіяся въ началѣ—85 года, неожиданнымъ, но всѣхъ поразившимъ, дѣломъ при Кушкѣ; слѣдовало ожидать разрыва съ Англіей, тѣмъ болѣе, что по полученнымъ свѣдѣніямъ у китайскихъ береговъ уже стояли большія торговыя Англійскія суда, нанятые для перевозки дессанта на наше Южно-Уссурійское побережье, а одновременно съ этимъ англичанами былъ занятъ, принадлежащій Кореѣ, о. Гамильтонъ, какъ ближайшая станція къ нашимъ предѣламъ. Положеніе наше было далеко не завидное: на батареяхъ Владивостока стояло всего 36 орудій, артиллеристовъ едва хватало на половинное число батарей, а численность всего гарнизона равнялась только баталіону пѣхоты, при чемъ, вслѣдствіе страшной распутицы, никакіе резервы еще подойти не могли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ было еще другое, не менѣе серьезное, дѣло—пересмотра границы Южно-Уссурійскаго края съ Маньчжуріей, возбужденное китайцами по поводу Савеловки и грозившее намъ крупными недоразумѣніями, тѣмъ болѣе, что въ приграничныхъ съ нами мѣстностяхъ Маньчжуріи шла энергическая работа по усиленію войскъ, по заготовкѣ для нихъ провіанта и по постройкѣ новыхъ крѣпостей. Все это ставило насъ въ весьма тяжелое положеніе. Необходимо было приготовиться на сколько это было возможно. Дѣйствительно, работа закипѣла и въ теченіи какихъ нибудь 20-ти сутокъ мы уже возвели новыя береговыя батареи и поставили на нихъ орудія, по счастью оказавшіяся въ складахъ; недостающее-же число артиллеристовъ пополнили чинами 4-й горной батареи, орудія которой роздали по два на каждый баталіонъ 2-й стрѣл-

ковой бригады, образовавъ этимъ, какъ-бы, новый видъ артиллеріи—баталіонной;—стрѣлки запрягли подъемныхъ лошадей, поставили свою прислугу, обучили ее, при помощи присланныхъ фейерверкеровъ, необходимымъ пріемамъ, а въ Іюнѣ мѣсяцѣ на смотру Командующаго войсками, стрѣляли уже такими молодцами, что не уступали настоящимъ артиллеристамъ. Солдатики были страшно рады полученнымъ орудіямъ—постоянно приговаривая: „они насъ не выдадутъ, да и мы ихъ не выдадимъ". Одновременно съ этимъ было произведено сосредоточеніе 1-й стрѣлковой бригады къ Владивостоку, а 2-й бригады—къ посту Новгородскому и другимъ прибрежнымъ пунктамъ Посьетскаго участка,—сосредоточеніе произведенное, не смотря на распутицу, быстро и молодецки; между прочимъ нагляднымъ примѣромъ той быстроты съ которой производилось сосредоточеніе нашихъ войскъ можетъ служить передвиженіе Амурской конной сотни ([1]) изъ урочища Анучино во Владивостокъ:—въ 8 часовъ вечера Командующій войсками округа телеграфировалъ изъ Хабаровки въ Анучино командиру сотни выступить возможно поспѣшнѣе во Владивостокъ, гдѣ ожидается высадка англичанъ; въ 7 часовъ утра слѣдующаго дня была уже получена отвѣтная телеграмма—„выступилъ", а черезъ двое сутокъ изъ Владивостока вторая телеграмма—„прибылъ"; такимъ образомъ, сотня, въ теченіи $2^1/_2$ сутокъ, успѣла собраться и сдѣлать переходъ въ 200 верстъ по страшной распутицѣ, не оставивъ при этомъ въ пути ни одного человѣка ни одной лошади.

И такъ мы были готовы встрѣтить серьезное нападеніе противника; но, конечно, готовность эта была больше въ сердцахъ—нежели въ дѣйствительности. Но какъ-бы тамъ ни было, а на наше счастье Кушкинское дѣло, надѣлавшее столько шуму и столь

([1]) Сотня эта была привлечена въ—84 году на усиленіе кавалеріи Южно-Уссурійскаго края, а въ слѣдующемъ—85 г. уже возвращена къ мѣсту своего служенія.

энергично поведенное—было вскорѣ кончено мирнымъ путемъ; казалось можно было теперь обратиться къ мирнымъ занятіямъ и работамъ, которыхъ было по горло; да и въ самомъ дѣлѣ—число войскъ, начиная съ —80 г. сильно прибавилось, а помѣщеній не было никакихъ; обыкновенно выбиралось мѣсто стоянки, гдѣ нибудь въ необитаемой тайгѣ, приводился баталіонъ и подавалась команда: „Составь! ранцы—долой“! а затѣмъ начальникъ поздравлялъ всѣхъ съ новою штабъ-квартирою. Первые дни, обыкновенно, располагались бивуакомъ, затѣмъ переходили въ землянки, а черезъ годъ, черезъ два, часть людей и во вновь выстроенныя собственнымъ трудомъ ([1]) казармы; на четвертомъ-же и на пятомъ году выросталъ уже, на нѣкогда дикомъ и пустынномъ мѣстѣ, цѣлый городокъ съ пригородомъ изъ солдатской слободки, городокъ, который начиналъ жить своей особой замкнутой жизнью и который имѣлъ свои радости и свое горе. Въ послѣдствіи новымъ баталіонамъ уже было легче: они, какъ говорится, вздваивали ряды въ помѣщеніяхъ старыхъ баталіоновъ, или же для нихъ строились казармы инженернымъ вѣдомствомъ еще до сформированія. Вообще, должно сказать, войскамъ было крайне трудно, какъ первое время, когда зданія строились деревянныя, такъ и въ послѣдствіи, когда убѣдились, что здѣшній лѣсъ не проченъ и перешли къ постройкѣ кирпичныхъ помѣщеній; если при деревянныхъ постройкахъ не хватало плотниковъ и мастеровыхъ, то при переходѣ къ постройкамъ каменнымъ—каменьщиковъ не оказывалось вовсе, такъ какъ въ Сибири кирпичныя дома на перечетъ, а потому и мастеровъ этого дѣла не много. Но какъ ни трудна и ни тяжела была эта работа, она, все-таки, далеко не ограничивала собою всѣхъ тѣхъ заботъ и трудовъ, которыя выпадали на долю нашихъ

([1]) Вольныхъ рабочихъ не было, приходилось строить самимъ; въ видѣ опыта выписали рабочихъ изъ Китая, но неудачно: китайцы набрали денегъ и ушли, снова оставивъ насъ безъ рабочихъ.

войскъ, какъ первыхъ піонеровъ этого края. Войскамъ, одновременно съ постройкою казармъ приходилось самимъ косить сѣно, рубить дрова, отправляясь для того, не рѣдко, за нѣсколько десятковъ верстъ въ непроходимую тайгу, самимъ сажать огороды, прокладывать дороги, строить мосты, возить провіантъ и все прочее, необходимое, изъ двухъ трехъ пунктовъ, не рѣдко, удаленныхъ на значительное разстояніе, содержать почтовыя станціи и почтовую гоньбу, обстраивать переселившихся казаковъ, сплавлять разные грузы и въ заключеніе всего строить еще Владивостокскія укрѣпленія. Словомъ, войскамъ приходилось—все, начиная отъ колеса и смолы для смазки обоза и кончая каменной казармою—дѣлать самимъ: поэтому не удивительно, что расходъ людей былъ постоянный и огромный, а размѣръ самихъ работъ на столько великъ, что приходилось ихъ производить даже по праздничнымъ днямъ.

Но вотъ, покончивъ съ англичанами, вмѣсто того чтобы снова приняться за прерванныя работы, намъ пришлось еще кончать разграничительный вопросъ съ Китаемъ, который всѣми мѣрами старался раздуть его до геркулесовыхъ столбовъ. Вопросъ этотъ, какъ уже было сказано выше, начался еще въ—82 г.; въ—83 году была назначена съ обѣихъ сторонъ разграничительная коммисія, и когда нами было признано, что Савеловка дѣйствительно ошибочно занята, то тогда китайскіе чиновники открыто заявили, что они не уполномочены окончательно рѣшать этого вопроса; поэтому тотчасъ-же завелась дипломатическая переписка съ Пекиномъ черезъ Петербургъ, которая привела наконецъ къ назначенію, въ—86 году, новой разграничительной коммисіи;—съ нашей стороны подъ предсѣдательствомъ Военнаго Губернатора Приморской области, Генерала Баранова, а со стороны Китая—подъ предсѣдательствомъ Прокурора У-да-Жена; одновременно съ этимъ, для охлажденія той горячности и

задора, который обнаруживали китайцы изъ за пустячнаго Савеловскаго вопроса—влили въ составъ боевыхъ силъ края еще три новыхъ баталіона:—5-й линейный (1), сформированный въ Европейской Россіи и перевезенный затѣмъ во Владивостокъ кругосвѣтно моремъ; 2-й Западно-Сибирскій линейный—передвинутый изъ Семипалатинска первоначально въ Читу, а затѣмъ въ—88 году во Владивостокъ и наконецъ Срѣтенскій резервный—сформированный изъ Нерчинской и Срѣтенской мѣстныхъ командъ и изъ трехъ ротъ выдѣленныхъ отъ Тобольскаго, Томскаго и Красноярскаго резервныхъ баталіоновъ. Это усиленіе нашихъ войскъ, было, собственно говоря, отвѣтомъ на тѣ военныя приготовленія, которыя начались въ Маньчжуріи непосредственно передъ началомъ самихъ переговоровъ; такъ, намъ хорошо было извѣстно, что изъ арміи Лихунчана было прислано нѣсколько баталіоновъ, которыя послужили кадрами для маньчжурскихъ регулярныхъ войскъ, что среди пограничнаго населенія Маньчжуріи вводилась организація на подобіе нашей, что въ Гиринѣ строился пороховой заводъ и склады огнестрѣльнаго оружія, что пограничныя крѣпости и укрѣпленія вооружались дальнобойными орудіями большаго калибра, а въ тоже время шло и развитіе китайскаго флота. Подобный отвѣтъ съ нашей стороны на военныя приготовленія китайцевъ сразу заставилъ ихъ быть болѣе сговорчивыми; они уже не такъ настойчиво стали требовать отмежеванія Посьетскаго участка, какъ-то было въ началѣ, а затѣмъ вскорѣ-же, благодаря умѣло поведеннымъ переговорамъ съ нашей стороны, пришли къ полному соглашенію, и граница была возстановлена согласно существующимъ трактатамъ, при чемъ не было уступлено нами ни единой пяди, принадлежащей намъ земли.

---

(1) 5-й линейный баталіонъ сформированъ изъ четырехъ ротъ выдѣленныхъ по жребію изъ 5, 9, 31 и 36 пѣхотныхъ дивизій.

Повидимому пустячный Савеловскій вопросъ, чуть было не нарушившій нашу двухъ-вѣковую дружбу, имѣлъ гораздо болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ то можно было предполагать въ началѣ; онъ далъ толчекъ Китаю къ развитію въ сосѣдней съ нами Манчьжуріи такихъ боевыхъ средствъ, которыя уже долѣе не могли быть оставляемы безъ вниманія; такъ, къ концу—80 годовъ Манчьжурія считала въ своихъ рядахъ до 86/т. человѣкъ, изъ коихъ новыхъ формированій, обученныхъ по Европейскому образцу, до 48/т.; если же къ нимъ прибавить 35/т. запаса новыхъ формированій и категорію восьми-знаменныхъ войскъ, численность коихъ, въ населеніи всѣхъ трехъ провинцій простирается до 175/т., то окажется, что сухопутныя силы Манчьжуріи могли быть доведены въ военное время до 296/т. человѣкъ, не считая еще неисчерпаемаго запаса всего остальнаго населенія. У насъ-же, во всемъ Приамурскомъ краѣ, къ тому времени имѣлось (1)—17 баталіоновъ, 2 пѣшихъ сотни, саперная рота, крѣпостная артиллерійская рота, 10 конныхъ сотенъ и 40 орудій—въ числѣ около 21050 человѣкъ (2); кромѣ того еще 12 мѣстныхъ и 12 конвойныхъ командъ, въ числѣ около 2750 человѣкъ; всего же около 23,800 человѣкъ. Хотя числительность войскъ, по сравненію съ таковой до-80 года, и увеличилась болѣе чѣмъ вдвое, но она, все-таки, еще далеко не отвѣчала тѣмъ боевымъ силамъ, которыя противникъ могъ каждую минуту выставить противъ насъ; очевидно наши военныя средства въ такомъ положеніи оставаться долѣе не могли, тѣмъ болѣе, что значеніе Великаго океана въ глазахъ Европейскихъ державъ росло съ

(1) 1) 8 Стрѣлковыхъ баталіоновъ. 2) 6 Линейныхъ баталіоновъ. 3) 1 Резервный баталіонъ. 4) Саперная рота. 5) Восточно-Сибирская артиллерійская бригада въ составѣ четырехъ батарей. 6) Крѣпостная артиллерійская рота. 7) Подвижной полупаркъ. 8) Забайкальскаго казачьяго войска: конный полкъ, 2 пѣшихъ баталіона и 2 конныхъ батареи. 9) Амурскаго казачьяго войска: 2 конныхъ сотни и 2 пѣшихъ сотни. 10) 2 Уссурійскихъ конныхъ сотни.

(2), По мирьному положенію.

поражающей быстротою; значеніе это, равно какъ и современное положеніе наше на прибрежьи этого океана, обрисовано въ докладѣ Командующаго войсками округа къ Военному Министру, гдѣ, между «прочимъ, говорится: «облегченное и значительно» «сокращенное, прорытіемъ Суэцкаго канала, сообще-» «ніе съ Великимъ океаномъ указало Западной» «Европѣ, что она имѣетъ на огромномъ побе-» «режьи этого океана предохранительный клапанъ» «отъ избытка населенія и производительности и» «отъ связанныхъ съ ними тяжелыхъ послѣдствій,» «которыя становятся все болѣе и болѣе ощутитель-» «ными. Вслѣдствіе этого, число европейскихъ коло-» «ній на Великомъ океанѣ стало увеличиваться, тор-» «говля съ Востокомъ быстро разрослась и рядомъ съ» «этимъ, съ каждою пядью земли, вновь пріобрѣта-» «емою тамъ европейцами, съ каждымъ новымъ па-» «роходомъ, несущимъ на Востокъ товары и пере-» «селенцевъ, расширяется и раіонъ необходимой обо-» «роны, что въ свою очередь требуетъ новыхъ на-» «пряженій оборонительныхъ средствъ и увеличи-» «ваетъ уязвимость западно-европейскихъ госу-» «дарствъ. Увлекаясь въ силу роковой необходимости,» «западно-европейскія державы не могутъ остановить» «размноженіе своихъ колоній, и легко предусмотрѣть,» «что въ недалекомъ будущемъ, на каждое вооружен-» «ное столкновеніе въ Европѣ, будетъ непосред-» «ственно вліять положеніе воюющихъ сторонъ въ» «Тихомъ океанѣ.

«Въ настоящее время Англія занимаетъ преобла-» «дающее положеніе на дальнемъ Востокѣ и можетъ» «считать свои колоніи внѣ опасности. Это по-» «ложеніе даетъ ей не столько ея значительный флотъ» «сколько возможность въ военное время чинить» «свои суда и пополнять ихъ всѣмъ необходимымъ» «не возвращая въ Европу; между тѣмъ, какъ суда»

«прочихъ европейскихъ державъ, не имѣющихъ» «въ Тихомъ океанѣ ни верфей, ни достаточныхъ» «складовъ, должны для всякой, нѣсколько значитель-» «ной, починки и для пополненія запасовъ, возвра-» «щаться въ свою метрополію или-же обращаться» «въ иностранные порты.

«Такое первенствующее положеніе Англіи бу-» «детъ имѣть мѣсто до тѣхъ поръ, пока морскія» «силы и средства другихъ европейскихъ государствъ» «достигнутъ достаточнаго развитія, что составляетъ» «вопросъ будущаго. Въ настоящее-же время Ан-» «глія можетъ имѣть въ Великомъ океанѣ крайне» «опаснаго соперника, находящагося въ еще болѣе» «выгодныхъ условіяхъ. Соперникъ этотъ—Россія!»

«Обладая во Владивостокѣ отличнымъ портомъ,» «находящимся не въ колоніи, а составляющимъ» «часть метрополіи, Россія можетъ поставить свой» «флотъ въ положеніе еще болѣе независимое отъ» «морскихъ сообщеній съ Европою, нежели то, въ» «которомъ находятся англійскія морскія силы;» «вредъ-же, который можетъ намъ нанести англійскій» «флотъ на нашихъ пустынныхъ берегахъ, будетъ,» «если только Уссурійскій край получитъ достаточ-» «ныя средства обороны – неизмѣримо меньше того» «вреда, который наши военныя суда могутъ нане-» «сти торговому флоту Англіи и ея цвѣтущимъ ко-» «лоніямъ, имѣющимъ весьма слабую нравственную» «связь съ метрополіею и, въ большинствѣ, вовсе» «неукрѣпленнымъ и почти не имѣющимъ гарнизоновъ.»

«Морскія силы Англіи въ Тихомъ океанѣ,хотя» «и велики числомъ судовъ, но слабы ихъ каче-» «ствомъ и, во всякомъ случаѣ, недостаточны для» «прикрытія коммерческаго флота и колоній, разбро-» «санныхъ отъ мыса Доброй Надежды и Адена до» «Канады и отъ Гонконга до южныхъ береговъ Ав-» «страліи; а потому, активныя дѣйствія нашего фло-» «та въ Тихомъ океанѣ вполнѣ возможны, даже и»

«въ томъ случаѣ, если-бы число нашихъ судовъ» «значительно уступало числу англійскихъ, лишь-бы» «суда наши, по конструкціи и вооруженію, были» «вполнѣ современны и имѣли-бы надежную базу» «въ Тихомъ океанѣ.»

«Угрожающее положеніе, которое можетъ принять» «Россія въ Тихомъ океанѣ, уже понято въ Европѣ» «и главнымъ образомъ въ Англіи, могущество ко-» «торой основано, преимущественно, на ея колоні-» «яхъ. Доказательства тому мы встрѣчаемъ и въ» «англійской литературѣ, и въ донесеніяхъ нашего» «Лондонскаго военнаго агента. Попытка овладѣть» «въ Гамильтонѣ опорнымъ пунктомъ вблизи Вла-» «дивостока, успѣшная попытка во время Афган-» «скихъ недоразумѣній войти въ союзъ съ Китаемъ» «и, наконецъ, призывъ колоній къ самооборонѣ,» «доказываютъ, что Англія пытается уже принять» «мѣры для разсѣянія тучи, собирающейся надъ» «нею со стороны Владивостока, на долю котораго,» «вслѣдствіе этого, при столкновеніи нашемъ съ за-» «падно-европейскими державами, почти навѣрное» «выпадетъ тоже значеніе, какое выпало Севастопо-» «лю въ Крымскую компанію. Владивостокъ теперь,» «какъ Севастополь тогда, составляетъ опорный» «пунктъ нашего флота на отдаленной окраинѣ» «Россіи, соединенный съ ея центромъ дурными пу-» «тями сообщеній; разница-же между ними состоитъ» «въ томъ, что Севастополю могла угрожать опас-» «ность только отъ дессанта, Владивостоку-же она» «угрожаетъ и съ моря и съ суши; при этомъ въ» «Севастополь могла подоспѣть въ нѣсколько недѣль» «цѣлая армія изъ внутреннихъ губерній Россіи, во» «Владивостокъ-же можетъ подойти подкрѣпленіе» «изъ Европейской Россіи, и то, сравнительно, въ» «незначительныхъ силахъ, не ранѣе какъ черезъ» «полтора года.»

Вотъ то серьезное значеніе, которое можетъ имѣть нашъ военный флотъ въ водахъ Великаго Океана при условіи, если онъ будетъ опираться на тверды-

ни Владивостока, которому, по этому, предстоитъ славная будущность—будущность достойная идеи его великаго основателя. Столь важное политическое значенiе Приамурскаго края, далеко не отвѣчающее его слабымъ боевымъ средствамъ, было сознано въ Петербургѣ и удостоилось Высочайшаго вниманiя, вслѣдствiе чего было рѣшено и Высочайше одобрено начать постепенное усиленiе боевыхъ силъ этого края.

Но прежде того, еще въ—88 г., въ виду сосредоточенiя большей части войскъ въ Южно-Уссурiйскомъ краѣ, а также въ виду предстоящаго ихъ усиленiя, одновременно съ уничтоженiемъ Владивостокскаго Губернаторства и съ переходомъ обязанностей его къ Губернатору Приморской области, работы у котораго, по этому, прибавилось уже на столько, что она стала не подъ силу одному лицу—было Высочайше повелѣно: всѣ войска до сего подчинявшiяся ему, какъ Командующему войсками области, изъять изъ его вѣдѣнiя, и изъ тѣхъ, которыя были расположены въ Южно-Уссурiйскомъ краѣ,—образовать особый Южно-Уссурiйскiй отдѣлъ подъ начальствомъ особаго Генерала со Штабомъ, а тѣ войска, которыя были расположены во Владивостокѣ, обращенномъ въ—87 г. въ крѣпость, подчинить Коменданту этой крѣпости; Приморскому-же Губернатору сохранить по прежнему званiе Военнаго Губернатора и подчинить ему новое одиннадцатое казачье войско Россiи—Уссурiйское ([1]), переименованное въ слѣдующемъ году изъ пѣшаго въ конное. Въ остальныхъ-же областяхъ, въ виду того, что численность войскъ была сравнительно не велика, обязанности Командующихъ войсками оставить по прежнему на Губернаторахъ.

Помимо заботы объ усиленiи боевыхъ силъ,—выразившихся уже сформированiемъ въ—89 г. второй крѣпостной артиллерiйской роты, а въ—90 году

([1]) Уссурiйское войско образовано въ—89 г. изъ населенiя Уссурiйскаго пѣшаго казачьяго полубаталiона.

двухъ новыхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ (1) по одному въ каждой бригадѣ и 6-го линейнаго баталіона (2) въ г. Николаевскѣ—было обращено еще не менѣе серьезное вниманіе на внутренній бытъ, службу и обученіе войскъ, такъ: въ—87 г. было издано новое положеніе объ особыхъ преимуществахъ государственной службы по военному вѣдомству въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи, коснувшееся всѣхъ служащихъ а не тѣхъ только, которые состояли въ Штабахъ и Управленіяхъ, какъ то было до сего; въ—89 г. положено прочное основаніе будущему Приамурскому Кадетскому Корпусу—образованіемъ Хабаровской Приготовительной Школы, серьезно облегчившей тѣ тяжелыя условія службы этой далекой окраины, которыя ставили большинство семейныхъ офицеровъ въ безвыходное положеніе, лишая ихъ возможности давать образованіе своимъ дѣтямъ; въ этомъ-же году, когда во главѣ войскъ Южно-Уссурійскаго отдѣла былъ поставленъ особый Командующій войсками, то получилась возможность производить болѣе частые смотры, больше входить въ суть службы этого края и дѣйствительныя нужды войскъ, давать имъ соотвѣтственныя указанія, слѣдить за сложною хозяйственною частію и, наконецъ, сосредоточивъ всю боевую подготовку мирнаго времени въ рукахъ одного лица,—обратить строевыя части изъ рабочихъ командъ въ обученную боевую силу, тѣмъ болѣе, что самая сильная строительная горячка по возведенію казармъ, начавшая правда уже нѣсколько ослабѣвать, а также безпрерывныя хозяйственныя работы, по прежнему остававшіяся на войскахъ, требовали уже установленія болѣе правильнаго соотношенія между ними и строевыми занятіями, которымъ до сего приходилось удѣлять весьма немного времени; въ—89 г., съ открытіемъ

(1) Вновь сформированные 5-й и 10-й стрѣлковые баталіоны—образованы изъ восьми ротъ, выдѣленныхъ по жребію изъ существовавшихъ до сего 8-ми стрѣлковыхъ баталіоновъ; при чемъ 5-й стрѣлковый баталіонъ переименованъ въ 9-й.

(2) Баталіонъ сформированъ изъ четырехъ упраздненныхъ мѣстныхъ командъ: Сучанской, Ольгинской, Александровской де-Кастри и Николаевской.

Военно-Окружнаго Суда и, со введеніемъ въ дѣйствіе Военно-Судебнаго устава, практикуемаго въ войскахъ Европейской Россіи—значительно ускорено и упорядочено дѣлопроизводство по военно-судебнымъ дѣламъ этой далекой окраины, и, наконецъ, какъ результатъ глубокаго изученія всей внутренней жизни войскъ,—это значительное сокращеніе денежныхъ расходовъ по всѣмъ отдѣламъ окружнаго управленія, сокращеніе, давшее возможность къ осуществленію всѣхъ мѣропріятій, какъ по улучшенію, такъ и по усиленію войскъ, которыя имѣли мѣсто въ концѣ-80 годовъ и которыя займутъ собою послѣдніе года настоящаго столѣтія, составивъ, такимъ образомъ, особый періодъ въ исторіи Амура-періодъ развитія вооруженныхъ силъ края.

Но еще не менѣе серьезное значеніе, чѣмъ усиленіе боевыхъ силъ округа, какъ въ экономическомъ, такъ, особенно, въ военномъ отношеніи будетъ имѣть постройка, уже Высочайше разрѣшенной, сибирской желѣзной дороги, которая свяжетъ навсегда эту далекую окраину съ центромъ Россіи, широко откроетъ врата—свѣжимъ и молодымъ силамъ, въ которыхъ край такъ нуждается, сблизитъ, такъ сказать, крайніе предѣлы нашей обширной Имперіи и тѣмъ дастъ возможность, по желанію, въ любой моментъ, двинуть къ берегамъ Великаго океана такія силы, какихъ ни одно европейское государство не будетъ въ состояніи выставить на прибрежьяхъ его; и тогда, дѣйствительно, оправдается та великая мысль, которая была положена, основателемъ Владивостока, въ данномъ ему имени.

ИСТОЧНИКИ.

1) Россія дальняго Востока-*Францъ Шперкъ.*

2) Подвиги Русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ Востокѣ Россіи—1844-55 г.г.-посмертныя записки *Адмирала Невельскаго.*

3) Воспоминанія о Сибири-*В. Струве.*

4) На Востокѣ. Поѣздка на Амуръ-*С. Максимова.*

5) Русскіе на Восточномъ океанѣ-*А. Маркова.*

6) Сборникъ матеріаловъ по Азіи—выпускъ XXXI. Военно-статистическій очеркъ Амурской области Полковника *Назарова.*

7) Забайкальское казачье войско-*Н. Эпова.*

8) Историческій Вѣстникъ 1889 г. Іюнь мѣсяцъ. Первый Амурскій походъ-*А. Данилова.*

9) Дѣйствія наши въ Восточной Сибири съ 1856 по 1869 годъ—по даннымъ Азіатской части Главнаго Штаба т. I и II.

10) Подвиги русскихъ моряковъ. Петропавловскій бой. Камчатская эскадра-Адмирала Завойко.

11) Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью *Ген. Анучина* т. I. вып. I и II.

12) Сплавы по Амуру—записки Старшаго Адъютанта Окружнаго Штаба, Подполковника *Фелькнера.*

13) Дѣла Окружнаго Штаба.

14) Историческія записки строевыхъ частей—Приамурскаго округа.

15) Устные разсказы и преданія Амурскихъ старожиловъ.